

СЕРГЕЙ РУСИН

Тропа в рассвет

СЕРГЕЙ РУСИН

Трона в рассвет

ИРКУТСК
ООО «АРТИЗДАТ»
2023

УДК 82-32(397)
ББК 84(2Рос-Рус)
Р88

Выпуск книги осуществлен при участии
Русского географического общества

Автор выражает особую благодарность своей маме
Ольге Андреевне Стрельцовой (Мезенцевой) фельдшеру
поликлиники станции Нижнеудинск Восточно-
Сибирской железной дороги на Транссибирской
магистрали в 4679 километрах от Москвы.

Русин С. Н.

Р88 Тропа в рассвет. — Иркутск: Издание
ООО «Артиздат», 2023. — 400 с.: ил.

Первые три книги: «Ленточки странствий», «Ловец
солнца» и «Катышиндигеру» повествуют об обычаях То-
фаларии: историко-культурного региона в центральной
части Восточных Саян, населённым кочевыми таёжными
оленоводами-охотниками. Четвёртая книга — «Тропа
в рассвет» — позволяет осмыслить связующие нити
окружающего мира с искрой надежды, затеплившейся
в сердце. Естественная потребность в пути к свету не-
бесного пастбища укоренилась в сознании сибиряков,
а олицетворённые светила и горы негасимо лучатся еди-
ным целым. Стадо туч кочует среди звёзд, а рождённый
олёнок превращается в зорю, освобождаясь из когтей
тьмы, вокруг которой Солнце и Луна восходят и спуска-
ются воздействовать на таёжную жизнь.

УДК 82-32(397)
ББК 84(2Рос-Рус)

© Русин С. Н., текст, фото, 2023
© Урбаханов В. Э., обложка, 2023
© ООО «Артиздат», оформление, 2023

КОЧЕВЫЕ ГНЕЗДА ЗВЕЗД

Разъятые миры

В огненном вихре недоверия чадила бессонная тьма, тлен породил бессмертную птицу. В грозовом ненастье утолив жажду, желала бренные дебри примирить с небом ясным. Страдая от тоски, ледяная вода и прах небес переплетались в неразрывную паволоку. Творец Вселенной — совушка по щепотке доставала судьбы из пламенеющей зарницы. Дыханием жизни и звучащим духом наполнялась бесплодность в истоках мироздания. Раздавала горстями осколки звёзд — будущность душ стихиям, явлениям, животным. Луна засветилась из мысли, из дыхания вырастал ветер, чувства порождали вершины. Разум лепил из лучей Солнце, воззрение упало с облаков, олени поднимались из росы. Исконная птица от страха точила острые коготки о тропу, распаханную в стороны света. Клювом щелкала поднебесную тьму, к мерцанию Утренней звезды выдернула рассвет. Осмыслив земное бремя, рвала усталую плоть студёной зари в куски страдания и покоя. В вихрях страстей путаных миров двенадцать месяцев убегали, изменять времена года.

Отсверк грёз

Разрезая крылья тьмы в слезах радости и зависти надежд, рождалась частичка блеска. Дитя звёзд разбитым в кровь сердцем зарубцевала обморожение в крошево забвения. Искра грозы жила вместе с людьми, огонь неторопливо разгорался жарким пламенем. Отсвет мудрости вдыхал стихию мечты меж пеплом и дымом, мерцанием и пламенем. Не жалея копоты хмурым облакам движение огненной страсти повторяло танцы теней. Запал поветрий вдыхался в бездушную темноту ночей, время неотвратимо ускорялось. Распахнув объятия едкого угара, языки пламя и зубы сажи сплетались в солнечный рот. Взлетая по утренней заре и падая ниц, луч вызывал невоплощённую охотничью удачу. Опалив жаром позабытые грёзы, накал перегоревших чувств не угасал усталостью золы. Пыл зарева вдохнул разгар копоты в простор, не выгорал притяжением земного счастья. В затухающих углях хозяин тлеющего очага прикармливал вспышки алчущего горения. Сжимаясь в сверкание, незримый задор взрастал в сердце, сжигал сон, мысль оживлял. Причуда весеннего ветра глодала отбрасываемые тени, иссушала серые следы туманов. Крошка дождя и ледяная пыль обуглила свет Солнца, испепеливший багровый рассвет.

Амулет стихий

Огненной тучей падала высь на скалу, открывала смысл мироздания, учила выдержке. Тайга содрогалась, связывала осколки, оплакивала страдания, возвращая чистоту небу. Странник нашёл в глухарином гнезде похожий на орлиное яйцо прозрачный метеорит. Камень внутри заключал чуткую душу, берегущую проблеск будней и секреты времени. Выносил камень на солнечный свет и встряхивал дуновение между небесами и землёй. Вызывал летом ураган с градом, дождь со снегом, зимой оттепель, капель из ледников. Чистый дух человека возрождался три раза — таёжник, внук и дальше птичьим предком. Каркая вороном, обносил амулет вокруг костра, закреплял жизнь детей копотью сажи. Восходил на перевал, сохраняя равновесие в измученной судьбе запорошенной бедой. Загадывал судьбу, отдавал громыхание грозovým тучам, дождём вздрагивал ягельник. Давал заклинателю суть мощи, отмечал песенную стезю, оберегал от клыков хищников. Вдыхал всполохи зарниц, притягивал изогнутое пламя молнии, огнём разжигал мечты.

Осыпание хвои

Олень шёл за призраком горько-сладкой соли, назвав судьбой мгновение в вечности. Очнувшись на ягельном бездорожье, свободу поделил на чёрствые крупы радости. Из кручины сумерек завируха сорвала узоры надежд на перекрёстки звёздных просек. Закатом вспыхнуло небо, снилось беспечное детство, одарив ум крыльями для полёта. В Млечных скитаниях и терпком запахе хвои с истоком бытия соединилось лунное лоно. Прогрогнув в рыданиях капелек преломляющих свет, живица заживляла сущие рубцы. Елань на перекосах осенних стихий для обладания свободой ветра нахохлилась птицей. Сквозь сито обрыва линияла пожелтевшая иглица, тускло мигнула заря осиным гнездом. Сгущалась мгла, стряхивала мерцание листочков-иголок не задев сладостных грёз наяву. Спасаясь от пересыхания в холод, хвойное дерево на зиму готовилось к зимней спячке. Без страха в сердце осыпала лиственница зыбкое золото лапников на рыхлые мшаники. Постигая покой стужённых ночей, крона дерева сбрасывала с ветвей смолистый дождь. Не выбирая судьбу без забот, безмятежные души хвоинок, танцуя во тьме, волновались. Способные излучать отсветы костров бродяги приютились на ночлег в тени юного снега.

Судьба-ниточка

О зубы гор запуталась суeta-судьба, свозь ущелье продело время, бесплотное тяжелело. Непосильная ноша гнула жильную спину, крутилась темень пред ожиданием рассвета. В неустанном движении ночи первозданная сущность звезды одарялась чуткой душой. Мерцанием огня в заревом пламени Луне и Солнцу указала путь идти до конца времён. По кайме зарниц кривизной изменяла уготовленную жизнь искристая россыпь молний. Свет дня прожигал ночную темноту, коснулся увядающих сомнений сердечных недугов. Неодолимой болью сновидений звезда упала с вершины небес на стремнину раздумий. С границ непонимания прохладные капли росы подтолкнули мечту к земной надежде. Немеркнущие лучи завязывали памятью жизненные ниточки судеб в судорожные узлы. Ложь резала колыбель неба, трудом и правдою питаюсь, родила уверенность верности. Сердцевину начала соединив с обиталищем душ, рассветная жила тянула свет из тьмы. В небесном вращении солнечного огня освещалась суть свободно выбрать путь истины.

Терзание мечты

Не возвратив минувшее кровоточило искупление, слезами до острой боли истекал миг. В зрачках сужался огромный мир, наградой оставалась в стернях тлеющая искра жизни. Сквозь дымку внешних камней проступила даль, окаймлённая ниткой отгоревшей зари. До закатной зыбки кочевало материнское Солнце, измеряя вершину гусиными лапами. От огненной метели, прищурившись, возшла соловая Луна, рогом надломив спину неба. Открыв печаль бытия, туман стекал ручьём в окутанную бликами льдов чашку озера. На крыльях удерживая пожарище пурпурной зарницы, куропатка обнялась с позёмкой. Раскатисто загрохотал камнепад, в ночной путанице света и тьмы заискрились планеты. У тьмы хмурой грозы звёздный пастух просил вдохнуть ветер свободы в сумёт сердца. Воплотившись в жизнь, страдала мечта, обливалась слезами душа в угнетении невзгод. Распахнув истрёпанные крылья, притяжение грозового грома почуяла вёрткая синичка. Сожжённая сомнениями, разбитая опасениями, кружила наперекор судьбе до падения. Озябнув в гари невежеств, искала смысл в разуме, бисеринкой пота испытывала время. С развилки молний рассудок натугой чаяния отметил лучу рассвета шаг к заре сознания.

Осеннее зазимье

С мыслью о прошлом ветер замер, туман потяжелел словно снег, гора свалилась с плеч. Живая птица не знала забот, устав от чрезмерного бега, олень на развилке топтал время. К улетающей стае птиц сквозь небо взлетела звезда слезой отмыть прах от вечности. В свете утренней зари, заморозив кедровую тень, погрузилась белыми иголками метель. В угасающем сомнении звёзд алеющий рассвет озарил живицу у переспелых кедрочей. Идущая навстречу зиме скорлупой раскололась осень, низко взлетающим солнышком. В ягель сбита выдохом завирухи шишка-паданка в мерцании лучей засияла позолотой. С моховой чащи подлунных небес срывались чешуйки под ледяной проблеск проталин. Под лапой бурундука на ощупь крошился оледенелый голод лишением долгой спячки. Зазимок в люльку льда укутал мечту, оголённая берёза смутно отразила призрак пурги. Запутывая следы на снегу, сытно позёвывал зверь, задрёмывая в орешковом логовище. Безлистная Луна затянула шугой стылую слякоть берега у кромки задумчивой полыньи.

Планида

Горечь кольнула сердце, досада сдавила камнем, настырным чужаком пришёл холод. Вильнула тропа по жилам кедровых корневищ чрез болотину к заброшенному гнезду. Сквозь отвесные створки кедровой хвои путеводная звезда мерцание тепла растратила. Поутру на обочине у нерастающей наледи не радуется пичуга пронизывающему ветру. Лунное лезвие остриём кроит просвет в облаках, вечность сеет семена Млечного снега. От гогота пролётных птиц проснулся рассвет над скалистой кручей простывшего озерца. Поворачиваясь в луч солнечного света, посреди колыбельной проталины, птица пикала. Ветра судьбу нежила дыханием чувств, зеркальным потоком в бездушной оправе снега. В кружевцах хлопья оделся иглистый шиповник, опрокинув долю неба в глубину заводи. Прорывалась в бесконечность яви стезя-планида, выжигала в небыль тень сновидения. Шагая с камней перелеска ближе к терзаниям разлуки, встала на крыло таёжная орава. Синица вложила кусок льда в проседь воды, таймень запрятался под когтистой шугой. Заглаживал прежней жизни следы сердечной муки зябкой дрожью по коже заструги. Облик крылатого и рогатого зверя, в огне страстей прозрел частью неба, стал завертью.

Грусть предзимья

Часть тропы обещала неизбежную встречу, кривобокое облако закрыло белый просвет. Увидев гору со спины, птица присела на плечо, одарить чаем до прощальных дней. Предвестник раннего заморозка льдистая ночь убаюкала тайгу в плотную завесу снега. Эхо шептало листопадным кустам заговоры на любовь с посвистом надзвёздного ветра. Сумерки клочьями заполнили ложбины, ожиданием случайного тепла наполнив осень. У белой ягоды с легким румянцем лунного круга вызрели крылья резать пустоту небес. Искрясь в мгlistой радуге, снежноточка мудро ждал возвращения зимующих птиц. Луч луны сжёг искрой каплю талую изморозь, филин наяву грезил льдистым облаком. Раскрытое логово зимы исполняло все загаданные желания пылающей во мгле метели. Потайная тревога сухой листвы шелестела мечтой, пушинка распустилась звёздочкой. Встречая студёные видения над бездной гор, кочующие птицы ощутили кусочек жизни. Угощение одарило слякотью очей чарующей силой, сколь грудь вмещала дух предзимья.

Душевный порыв

Чувствуя надёжный локоть, поутру крик орлиный под-держал знакомый рык медведя. Радущие и злоба житейских будней на века привязались друг к другу в таёжных дебрях. Усыпанный цветами, оди-ноко мокнет багульник под весенним косохлёстом измо-роси. Под пасмурным небом за скалистой оградой стой-бища куропатки спокойно расселись. Прародитель небесных и земных гнёзд охранял в странствиях очаг кочевых охотников. Рож-дал живые души, защищал от невзгод, правил доброй удачей при помощи раз-ума. В пути, ориентируясь по Полярной звезде, ожи-дал воссиявший проблеск Утренней зари. Обожал от-ражённое во времени тор-жество света Солнца и рос-ток осмысленной жизни. Сооружал жилище мечты, заботился о дрожащем огне очага тайги, горах-внуках земли. Дымом костра, разъ-едающего тучи, ублажал душу ветра, высекающую искры из молнии. Гневом, похожим на пламя, оживлял гром, прогоняющий печаль от небесной души — эхо. Отзывая наутек грозовую бурю рёвом просыпающегося зверя, ударял дождём в скалы. Незримой силой поднимался душевный порыв предка в виде мысли, дыхания, чувства. Че-ловек раскрыл мешочек для соли, олень по тропам сближения душ волочил судьбы.

Порхунок

В затишье меж ударами сердца с хвои созвездия изморози отползли в туман по стволу. Луна сияла в мягком круге света, застуженный олень с погодой сочетал приметы небес. Терзалась стужа в игольчатой пропасти кедровых ветвей, отчаянно искала выход вовне. Из убежищ в продрогшем слое хвои метель звала кочевать за мечтами звёздных огней. В сонном терпении набрался сил мотылёк и заметил встающего солнца заревой отблеск. Луч разбудил жизнь от сна, биение сердца встревожил, ледок слёз растопил оттепелью. Прошлогодний огарочек увлечённо замерцал, к озарению рассвета пригласил облако. Вдохнув лунное дуновение в мимолётности парения под выпадающим инеем коченел. В закатной мгле безвозвратно исчезла суета, на основании небес оставив одиночество. Забыв тропу в прошлые сомнения, миг беспечности кружил искупительным пламенем. Ликовал порхунок удаче взлететь к неземному очагу, прочертив след искристой золой. Затепливая весну мотыльковую, в мишуру росных радуг выгорал душой над кашкарой.

Паутинка слёз утра

В гнетущем сомнении туч мимолётная улыбка звёзд скупа, словно ворованный восторг. Проснулась хворь в одиноком сердце, исчезла с дуновением, устремлённым по тропе. Холодный ветер припозднился сочиться сквозь туманный полог, дождь окропил Луну. Распустились и неприметно облетели цветы, вызвав переполох у отлетающей стаи птиц. Золотым прахом осыпалась хвоя на скальную тропу, ведущую в сердцевину Вселенной. Паутинка слёз утра тонким плетением влюбленности парила в зареве лучистых сумерек. С грустным вздохом встречая позолотевшей рассвет, устремлялась в объятия свиданий. Не огорчаясь неудаче, вздохом ветра трепыхалась в неволе ненастья изгибом отчаяния. Ловила в кружевах тайги мгновения убегаящей Луны, раздающей всемогущие отсветы. Поймав солнечного зарева тонко сотканный луч, сворачивалась в тугой узелок судьбы. В прозрачность хрустального неба сиянием взлетая, не потеряла небоумную мудрость. С вершин срываясь в вязанки сновидений, окуналась в разделённую темень созвездий. Пролетая насквозь снежное падение облаков, умывалась в инее, изнутри прояснялась. Шёпотом надежд дрожащая жилочка наполняла приют, разрываясь на кусочки счастья.

Снежные зёрна

Пустота почернела над закопчённым очагом, похолодало в душе сиротки лиственницы. Зашуршал под ногой иней на мху, протяжённый зов оленя, будто ветром, сорвал хвою. В водопадной пелене тумана слезой дождевой уныло рыдал невесомый отголосок эха. Горький привкус дымка в закатном багрянце грёз претворил мечту небес в реальность. Поникло Солнце над стужей гололедицы, гнездо отогрелось одеялом опавшей листвы. Душа сырости и дух слякоти лихорадочно льнули к соглядатаю лунного ока, густела тишь. На плечо мшистого камня присела снежинка, всхлипнул шугой бурлящий поток ручьёв. В осыпании серчали хвоинки, почуяв парную живицу кедрачей, завьюжил первозимок. Над озером скальных духов продрогший сгусток бытия звучал резким посвистом синиц. В заснеженном отблеске вершин миражом осени истлевало мерцание дальних зарниц. Ветер отпустил хмурую тучу отдыхать на лиственничной парче, покрывшей зимний чум. Взлетая и падая в отповедь капризов ночи, снежные зёрна целовали нежную изморозь

Веснянка перезвон

Заискрились глаза звёзд на задворках стужи, смолк глухарь ворчать на плохую погоду. Лунный свет вышивал на проталине стёжку к сердцу медведя отуманенного в берлоге. Набухая грозой, облака растянулись рекой по синему небу, возвещая о цветении весны. Влюбившись в ветер, распушился тальник и подхватил в объятья ниспадающие звёзды. С проталины закатной зимы подснежник приветствовал прилёт курлычущей стаи птиц. Клёкот зазвучал по лунной равнине небосклона, горнило зари зажгло звезду рассвета. По весеннему лучу солнца с вешним ветром возвращался клиновым строем к сути тайги. В таявшую облачно-пенную воду гусь вложил искру чувства, по жилам реки потёк свет. Дрожью игл задышала смола на коре кедра, разморозилась прошлогодняя брусничка. В кочкарниках болот птицы вывывали гнёзда, откладывали яички, выводили потомство. Не утратился боевой дух вожака, охраняющего молодняк от разбоя свирепых хищников. Бесприютный скиталец щебетал песню, веснянка перезвон протяжно рвала реке душу. Соединяя стихии воды и воздуха, птенцы открывали путь течения в отчуждённые миры. Сторожили порывы ветра, погружая клюв в дно мелководья, растили власть в крыльях.

Кочевой очаг

С безмолвного простора цапли на росистый брусничник у болота снизошли для ночлега. Багрянцем воссияла Луна, холод пробирал, синица гнездо отыскала у дымящего костра. Сменяя стойбища в суровых горах, кочевая семья дорожила собственным огнём очага. Любила ясные отношения, центр жизни, грань цели, надежды здоровья, величие духа. Ценила тепло чувств, родное дыхание, сердец биение, отблеск света, яркость пламени. Под золкое завывание пурги охраняла огниво судьбы от единения с дальней напастью. Разгорался хворост чужбины, огонь кашлял, грустно выдыхал удушливый дым разлуки. Отчуждаясь от части начального пламени, вспоминал родные вершины, светлел душой. В свете звезды не грели кусочки холодной пищи, креслом высекали мучение и ласку. Коптили мясо, кипятили чай, добавляя воду в муку, выпекали пресные лепёшки в золе. В день встречи очага и стада оленей в душах за-тапливалось пламя творить суд и правду. К пользе огня предков прибавляла семья воплощённые искры из созидающей молнии.

Певец рассвета

Грызла тоска, огонь пустошь в сердце заполнил, чай на костре перетёк чрез край котла. Устав от насущных работ, обиделся на промозглый ветер, ком в горле залил кипятком. Не дождавшись напева тёплого ветерка, в ручеёк опадала листва печального тальника. В снежное убранство оделись скалы над мрачными падями, в небе побавровела звезда. На зиму тетерев в запас глотал мелкие камни растирать пищу из грубой кедровой хвои. У пропасти забвения изнутри сияя перьями, верил: стужи конец рождает новое начало. С красными бровями, крючковатым клювом вдыхал свежий запах с весенних проталин. Токуя в тальнике на Луну, рыдал навзрыд, плакал в заревник утра, терял слух от любви. Зачаровывал в гнездо тетёрку, без сна бормотал стихи, смыкал крылья, прыгал в зенит. Вил ложные логова, из ночной мглы жестоко кидался на соперников, растил ожидание. Сцепившись клювами, грозно бился в кровь, оглянувшись, щипал кровожадную лилицу. Певец рассвета вникал в зрелость Утренних звезд, сердце ощущал частицей Вселенной. С лаской в лазоревом взоре исступлённо жених надрывал животик в объятиях суженой. От ястреба увернувшись молнией, прожигающей небо, перекрикивал звонкий голос эха.

Мягкая метель

Мышкующая лисица виляла хвостом, оседлый тетерев-косач играл в прятки до зари. В глубине ущелья отдыхало стадо туч, куропатка отряхнула снег, заблестел мокрый лёд. Скитаясь по просторам горных хребтов, олень ожидает возвращения перелётных птиц. В скучающей оттепели заснеженных вершин ум оленя не погружается в задумчивость. Рождаясь в дебрях тайги, выживает среди порхания пурги на ягеле каменистой тундры. Восходя на острые грани покоя, олень рогами в тучах режет просветы к глубинам небес. Ссутулив горб, лунный заяц подпёр суету неуловимых комет, лапой трясёт Верхний мир. Камень с сердца свалился, звёзды далёких вершин глянули на будущее из прошедшего. У бездны пустот куропатка без надежды на полёт нежится в дыхании весенней метели. Вьюга поднимает облако, принимая в объятия синичек, взлетевших целовать созвездия. Вихрь уносит хвоинки с тёплой тропинки солнечных лучей за тленность невозвращения. Течёт рекой живица по стволам Мирового кедровника, дух Солнца срастается с Землёй.

Медвяная роса

Голоса птиц перекликнулись с желанным эхом, отсырел снег на пёстром ковре тайги. В мечтах о весне очнулся бурндук, собрался потратить отпущенное время на жизнь. Сквозняком вился дымок над костром, второпях взвивается к небу, растаять в облаках. Постарела Луна, в блеске искристых снегов гор затосковали беспокойные сердца звёзд. В восходе зари Утренняя звезда валилась на землю украсить мерцанием траву и цветы. Из прохлады ранней проталины саранка надеялась согреться в метаниях заревого луча. К неистовому ветру прижалась сердцем, душу соединила в единое целое с рассветом. В мгновение целой вечности окунула лепестки в росинки-дождинки солнечной радуги. Растопылив ладошки-соцветия к солнечной душе, оглянулась в закутки уходящей Луны. Между прошлым и будущим, судьбоносный луч пробивался вовнутрь пропасти берлог. Испытывая муки безумства страстей, в солнечном огне пыльца не выгорела до копостей. Оставив бремя невзгод, багряным огнем грусти душевных ран медвяная роса запылала. Росное утро, укутанное кудрями туманов, на ягельник склонилось к вздыханию цветка. Солнце лучом удержало слезу, капающую медвежьим жиром в бездну оленьего взора.

Вьюжная ночь

Под хвойными кронами побелели пятна теней, олень запомнил закат сокрытый мглой. От заморозка птичья стая улетела в низовье ручья, дети нарядили кукол в пушные меха. В безмолвии тайги по просеке туч всплывает Луна, закаляясь лучом сморённого Солнца. По верхушке листвяка с чувством беспечности безотрывно уносится душевное ненастье. В изодранных просветах вспыхнули немеркнущие следы огней на звёздных тропинках. Черпая лунный свет ладонями, кометы ниспадают в поток хвои, облетающей небосклон. Кружевной иней ложится в прозрачные тени каменных расщелин, дремлет олений мох. В глухариной перекличке олень карабкается вверх по перевалу, не страшась истощения. Шишкой-паданкой озорничает горноста́й вокруг обнищавших веток кедрового стланика. Из неверного всполоха туманная морось мимоходом спадает россыпью гордых слёзок. Под гул и зевки вьюжной ночи клонился в сон багульник, униженный багряной листвой. Из застылой хватки темноты испуганная тетёрка прислушивается к завыванию метелей.

Ранний снег

Птицы взлетели, вернулись обратно, долго ждали отставших птенцов, собираясь в стаи. До дрожи сомнений маялся поникший от невзгод медведь, нерв сна под мехом зудил. Унылым вечером неожиданно налетевший ветер принёс покой и притаился в ущелье гор. Под скалою в траве загрустила опавшая листва осины, защемиив в сердце сладкую боль. Парящими хлопьями кухты ниспадает на простывшие вершины заплатанный небосвод. Смешивая росписи пуховых цветов тальника с ознобом хвойных узоров таёжной чащи. В ледяное дыханье закутался помрачённый слой темноты на окладе из горных клыков. Лунная кайма облачила промёрзшую хвою в мягкое одеяние из звёзд Млечной радуги. Касаясь Полярной звезды, шиповатыми стеблями на припае оставил оттиск-след ручей. В серой полутьме каменного мешка оттаивала слезой обледеневшая струя водопадная. Вздохнув о весне, олень на покорённой седловине перевала обнялся с просинью небес. В муках ожидания побрёл по отметкам из цветных лоскутов к очагу родного стойбища. На острые когти скалы уселись на ночлег перелётные птицы, лось забыл про голодовку. Белый, невинно ранний снег Оленёнок-Облако принёс к костерку удачу на всю зимовку.

Искра радости

В тёмной хвое на верхушечных ветках малиновые соцветия встречали весенний ветер. Зрелая шишка высыхала, одревесневали чешуйки с орехом, поджидали осенний снег. Пробивая крепь камня, извиваясь вглубь подземного мира, уходили корневища кедра. Резвился гром в сумраках душ предков, родник дал ход волнам памяти по руслу жизни. Корни наполнялись соком, в нежной тени ветвей разрозненные души искали убежище. Из земного щита, протягиваясь к своду неба, ствол вскормил росной пищей детёнышей. Сплетаясь с колючками, стержень жизни защищал выющих гнёзда зверьков и пернатых. Небесной кроной глотал звёздное мерцание, вбирал грибной дождь, развеивал страхи. Чужа бессмертие судеб, падали орехи в щели скал, ростки вдыхали дух вовнутрь валуна. В стужу и в дождь сухие сучки огнём обогревали очаг добывающего счастье странника. Сгибаясь под ветром, обгорал молнией до коры, в груди живица стыла незримой силой. Леденела от изморози основа бытия, поджидала оттепель, выражала в просторе время.

Имя-амулет

Тлеющие угли не выбрасывали языки пламени, огонь любви сквозил между сердцами. Страсть обугливала плоть и душу, зажигая звёздную радость, взлетевшую через время. Растаяли беспросветные облака над кочевьем, чуть мерцая во мгле, ожила искра очага. Над горной грядой пламенил багряный отсвет, зрел, и вдруг запылал небосклон зарею. Ребёнка рождённого в луче восхода солнца таёжник нарекал родным именем — Жизнь. Предугадывая будущее житьё, проводил смотрины узнавания духом дальних предков. Вопрошая небо, понимал, чья душа-хранитель на парящих крыльях птиц возвратилась. Бродячее имя не жило отдельно от молодого носителя, знаком снов прибавляло силы. От нечеловеческих кличек с медвежьим духом хандрил ребёнок, сердце душила грусть. Уставшее от многократного повторения семейное имя поменял на фамильные обереги. По мере сезонной смены стойбищ, к скрытому почёту, прибавлял тепло отчества весны. Излучая истинную славу, получал власть над могучей судьбой, молву окутал династией. Под упругим ветром признания добавлял чтимое прозвище с доброй чертой характера. Связка фигурок имён смелый шаг Кочевода желало воплотить в добычливого Охотника.

Земная колыбель

Над вершиной пронеслись созвездия, в обрамлении камней печально зажурчал ручей. Под ветром надломилась ветка кедра, откатились шишки безнадежно скорбеть о весне. Угрожающе взревев на закатное зарево зари, сохатый рогами бодался с тенью облаков. Пасынок ветра тлением времени и болью у лопатки отирался об уступ лунного окатыша. Сменив одинокий дух кочевий, очищал от бархатных кож рога перед свадебным гоним. С ревнивым сердцем горделиво утаптывал копытом горный пик в лазурной шкуре неба. Духом отважным, тучей угрюмой, низвергался на зыбучий обжим брачных состязаний. Раненый зверь, спотыкаясь о камни, раскрытый настежь вырывался грозовой молнией. Шальная душа смерчем кружила, в гром мысленно торопилась вдоль звёздных узоров. Сбросив ветвистые рога в невесомую мглу земной колыбели, делал шаг к новой судьбе. Обжигаясь в углях солнечных затмений с остатками прожитых дней, резал стоном душу. Грудью вдыхая прохладу небес, кружил в листопаде, прибавив вес, обретал новый мех.

Сумеречник

Заря перегорела золой, гроза ворвалась молнией, покой укротил ветер, ползли дожди. Заслушавшись кукушки посулы, каюр вымыл ноги росой, в душе перекрутил стеснение. Одними губами, неизведанные слова любви неслышно шептал ниспадающим звёздам. Всюду ловил Лунный взор, а на перекрёстке вьющихся троп вспомнил жизненный путь. Пахло гарью, котелок почернел от копоти, скулы мазал золой, укрепил мимику пеплом. Налобную повязку обшивал оленьим волосом, шапку клювами птиц и мехом зверьков. Спереди находились охранители — глаза, нос, рот и уши, вблизи витали подручные духи. Вдоль верхнего края повязки пришивал лучи-крылья глухаря для небесного облетания. Меж водой и огнём многоликий шлём-маску кормил осязаемым содержанием мысли. Зрением сумеречника видел то, чего не замечали простые добытчики пушного соболя. Духа узнавал по принадлежности к роду-семье, задавал вопрос об имени зверя предка. Вспоминая души зверобоев неотмеченных поколений, обращался с просьбой к Зениту. Во мгле ночи, совершал хождение по звёздам, костью Солнца побеждал в схватке Луну. Лучезарно превращаясь в духов камней, скал и вершин возвращался к очагу соучастия.

Гнездилище

С ветки сорвался лист за занавеску небес, олень выжидал осенний напев птицы о весне. Застигнутый вечерней вьюгой взбирался по косягу, во мгле затворился ночлег в пути. Трещина неба закатной искрой озарила глаза братьев-волков в метельчатом тальнике. Отсвет звёзд разбивал загустевшую смолу лиственничной хвои в прозрачности воздуха. Размотанные изморосью туманные облака торопились в источник зачатия снегопадов. В тусклом блеске млечной крупы теснился нагой березняк, будил сонный перевозимок. Дух томления брызгами озноба трепетал узорами шишек на мохнатых ветвях кедрочей. Снег с ледяными блёстками укрыл дупло соболя, в берлоге медведь увидел вещий сон. Пушистый снег лёг на олений ягель, сырой снег поменял избыток позолоты на серебро. Вихрь-шатун потешался над сироткой глухарём, загнанным на ночёвку в сугроб-гнездо. Срезав рваный порыв ветра, собирались в стаю пролётные птицы лететь в начало начал. Кочевод рогатой Луны заклинанием пересмешника изгонял суетность с перепутья сути.

Зримая темнота

Под ветром заискрилось пепелище, душа забилась синицей, в тайге всё переменялось. Застыла в жилах кровь, на плечи лёг пробный снег, в расщелине сердца мигом растаял. В миг заката порывистый ветер обнял качающееся солнце, заботливо спрятал в ущелье. В прозрачных каплях дождя вспыхнули и погасли созвездия, объятые безмолвием ночи. В крайней точке тьмы, здравый смысл волка опёрся на чувственное постижение Луны. Откровенно духи ветра объясняли зверю жизненное предназначение и звёздный титул. По раскалённой речке плыть вглубь земли, делать тьму видимой и искать тропу к свету. В водовороте отречься от чувств, в промине — от внутренней мечты, на дне — от осознания. В нижней части отчуждения расстаться с последней частичкой смётки духовного начала. Желать вынырнуть к небесам, стать обычным зверем, воссиять в памяти зари рассвета. В свободном шатании, переходя границы познания, соединиться с духом вещей птицы. Обязаться лишнего не брать, не вкушать сорной пищи, самозабвенно жить во имя стаи. В лабиринте ледника не скулить, растолковывать сны, видеть солнечный отсвет разума. В истоке мыслей Вселенной совестью зверя, духом добычи посочувствовать друг другу.

Жар-огонёк

Отшумела вьюга, прошёл ледоход, исчезла зарница в вязкой мгле, на проталине за рекой обожгла крылья-пёрышки радуга-странница. Солнце посваталось к Луне, но отвергнутое холод-

ным отказом раскололось на крошево. Среди небесной тиши в облака росного утра укуталась закатная Луна, по ручьям расцвели солярные купальницы. Со снежных вершин, где рождались туманы, ветер вдохнул в цветы огненное пламя оранжевой солнечности кочевой мечты. На ножке-тростинке раскрылись лепестки озарённой весны, собирали нежные лучи для влюблённого Солнца. Способные расти прямо в студёной воде, цветы вытирали слёзы у хмурой тучи, очищали скалы и небо от грусти. От осколков Солнца запылала трава на заболоченных склонах высокогорных лугов, брачными узами птиц прожгла серость будней. Испив нектар на ог-

ненном пути, закурлыкали птахи слова любви сквозь глубину жизни посланников света. В грозу-скиталицу жарки запылала ярче молнии, зажгли алую зарю страстью, закружились с росистым утром. Косолапый дедушка осознал до боли в сердцевине: верная примета — наступило лето медвежьих свадеб. В очередном рассвете родится новое Солнце и растопит теплым светом жар-цветков ледяные чувства лунного сердца.

ИЗМОРОЗЬ ЛЕДЯНОГО ОБЛАКА

Сорочий распадок

Заглядевшись на безразличное солнце, медведь летнюю шубу переменял на зимнюю. Ступал по бурелому, шёл в валежнике, наедался перед спячкой, запутывал свои следы. В луче Луны крыло птицы замерло при взмахе, сверяя статус зверя в природном мире. Мельканье копыт оленя по сорочьей ложбине передавало ощущение свирепой пурги. Волнение подвесок на костюме каюра неудержимо встревожило бисерный нагрудник. Скрипели клыки о когти, пугались души добытых зверьков в охотничьей сумке их меха. В дымчатой хвое стланика протоптанные следы лютых хищников сухо мерцали снегом. Иней укрыл птичьи обереги жизни из пера, пуха, кости, дающие пищу для ума и сердца. К полюстью из оленьих рогов склонилось Солнце, осветив зубчики берестяных чумиков. Мрачно кралась беспризорная туча, подкормить осенний рассвет опадающей листвой. Ворон каркал про студёные метели, сквозь истёртую шерсть застучало сердце медведя. Не ругая вершину дающую жизнь, на зимовку зверь забрался в берлогу крепко заснуть.

Облетевшие перья

Со слякоти трясины взлетела птица, помахала уставшими крыльями в чистоту пустых небес. В бездну сбросала изношенные перья хранимых надежд стать необычной и возвратиться. На обратном пути к стойбищу окончился дождь и на кашкаре искрился мелкий снежок. Подолгу стоял, вдыхая аромат смолистой хвои под тенистым покровом могучего кедра. Постарела Луна, летняя радость Солнца усыхала, уныло вызывая писк горластой птицы. Выдохнув ветер, над заводью дух перевёл, в камусы вложив стельки из сушёной травы. В обозе из вьючных оленей шёл за ведущим быком над не ведавшей днища пропастью. Не спеша ступал с детской люлькой олень, оберег кукла-травница обещал тянуть удачу. Скатывался дождь по одежде вверх перьями, луч проблеском падал на оленью голову. Окроплял обшитый кожей и волосом оленя мешочек с набором сухожильных ниточек. Без изломов и ухищрений листья берёз заплетал вихрь бродячие тропинки за перевал. Вьюга кружила одеяльце из опавшей хвои, зазывала кочевать за улетающими птицами. Осина оголилась до изморози звёзд Млечного поворота, возвращая вспять первозимок. Из трещины облака меховая мозаика Большой Медведицы не спугнула оленьи игрища.

Россыпь изморози

Туман вцепился в уходящую Луну, вослед по склону тягуче бежала извилистая тропа. Сова взлетела с добычей в клюве, на камни упало перо промерзшей до костей пичуги. Отец дикого Оленя-Облако взошёл на самый дальний угол надзвёздного уровня небес. К матери-прародительнице вереницей кочующей сквозь высенецы Млечного распутья. Двигаясь в озарение, искал безродные души, сонливо блуждающие в сумеречной туче. В колючем заморозке старался дотянуться до обманчивой мечты, во сне прозреть суть. Приручил не родившуюся душу оленёнка к наконечнику луча предрассветного солнца. Оленёнок родился из небесной шерсти Оленихи-Земли и бодался с собственной тенью. Новорожденному оленёнку даровал успокаивающее прозвище предков — Отблеск Луны. Согревая дыханием, незыблемость жизни скалистых гор укрылся в россыпях изморози. Родная душа танцевала в оковах обечайки бубна из солнечной шерсти и лунных рогов. Ощущая узду и обнимая за плечи свет и тень, будущее сплетало жилы судеб в завитки.

Верховой олень

Со скальной гряды ветер вынул шипы хмурого облака, заря озарила непроглядную тьму ущелья. Глаза волка узрели в душе медведя, боль слёзы прошлых обид, не исцелённые временем. В предрассветную пору над осенней округой клекотали голоса засидевшейся стаи птиц. Белесый туман завесой растекался над замерзающим озером, птахи собрались к отлёту. Охотник на верховом олене гнал сохатого по чуточку заметным меткам против метели. Валилась собака от изнеможения, сбивалась со следа зверя, но погони не прекращала. Изредка в ночных облаках отсыпался, чай заваривал с сушёными листьями багульника. Угощал пламя огня с просьбой дать промысловую удачу, упрямо поднимался догонять. Мать-Земля одарила равноценно души человека и оленя, ведомые к победной цели. Оленя оберегал, не обижал, на привязи не удерживал, от злобной стужи бурь ограждал. Задыхался от бега, надежды обращались в прах, лоб и рога вымазывал сажей из очага. Взором выцеливал сумерки, добычу жарил на золе, тушил с лиственничной заболонью. Мороженую строганину нарезал длинными стружками, собака взвизгивала от радости. Добавлял калёные орехи кедра и ягоду, запивал чаем, оленя угощал солью-сладостью.

Вечная вереница

По крутому обрыву волчья стая шла вниз, не оставив всему живому времени для сна. Валун сполз с вершины, взбаламутив ручеёк, лег в распадке, с души скатился камень. В нежном зареве рассветной зари не замечал изюбрь угасание поседевших созвездий. В синем просторе горизонта с заснеженными вершинами и грядой туч сбивался с пути. На отстое гор чутко спал, ветвистыми рогами поддерживая в небесах Утреннюю звезду. Рожденный для кочёвок олень жадно глотал крупницы Солнца, о далёких мирах мечтал. В дебрях рыдал свирепый ветер, люто выл волк, хищный ястреб об облако точил коготь. От клыков теряя клочья шерсти, гордо держал голову оленёнок, проявляя твёрдый дух. Не исчезала искра грядущего огня в чёрной метели затмений от ущербной лунной тени. На стужей скованной наледи отогревал сердце светом лучезарных вспышек созвездий. Маточное стадо брело долгой вереницей друг за другом к берестяной чаше для доения. Солнечная важенька и дети кочевали по кругу бродячих светил в потоке прожитых дней.

Лосиное чаепитие

Изнемогшее Солнце уснуло в колыбели зари, лось закрыл зеницы пред молнией с небес. В метели сохатый очнулся искрой света, выгорал до тла, ниспадал туда, откуда нет взыскания. В предзакатный час звезды на небе зажглись, окружив очертанья скалистой вершины. Волчья стая отступила в туманную расщелину, сумерки сменились необъятной тьмой. Путеводная звезда удачи любила выносливость и ловкость, человек боролся за жизнь. Способный к охоте одинокий добытчик и сбытчик пушнины носил на поясе спичечник. Изловчился зверя добыть, устраивал Лосиное чаепитие, одаривал волка и свору ворон. На везучем месте палил костёр, дым окурив высь, стадо оленей за стариками не пошло. Бросал кусочки в медвежий котёл, вырывалась душа из объятий невзгод, участь ждала. Рог — подарок ненастьям — вешал на дерево, в чёрную пургу верный зверь жизнь сберегал. Смаковал яства, сердце осязало изжогу, во сне шёл за лосем, воля судьбы спотыкалась. В поединках со стихией просил прилив сил текучей живицей, везение, душевный взлёт. Содрогаюсь заблудиться, пускал стрелу в летучее облако, нутром говорил с душой лося. В вечной кладовой таёжного чума, хозяин очага из лосиных камусов выкраивал сапоги.

Пестрокрылая птица

Среди сугробов нечётко сплёлся нарядов цвет у первых листьев рассветной нелепицей. Малой весной среди дождей ветер чист вдоль новых оленьих стёжек почти без смысла. Таёжная душа жизнедействовала в пелене очага небес, не будила собак спящих у звёзд. Избегал рубить кедр на топливо, не топтал орех, не злился на тень облака, любил напев. В утячем гнезде неспроста кричала птица, ждала закружить во вьюгу порочную душу. Похищая отравленные лжеприсягой жизненные силы, улетучивалась в пламени зарниц. О добытом медведе для питания семьи на куске бересты отмечал порядок выживания. Перьями пророческой хищницы вырезал насечки заплутавшего промыслового счастья. Пёстрыми крыльями пищуха металась, щебетанием напевая вещие трели о грядущем. В необратимости и конечности времени очищала охотничью судьбу от сумерек суматох. На дерево развешивал вынутые из тайги шкурки соболя, пернатый пух, ленты материи. В круговороте примет душа земного медведя залезала в свежую оболочку мироздания.

След изюбра

Косо сквозил ветер через слёзный плач хвои, пламенем узоров заиграла зола, отлетев от костра. Искрами опали листья на белёсую шугу обмелевшей речки, россомаха скрылась в тень кедра. Чуть брезжило во мгле Лунное ножевище объятые звёздами, зарождая неясное чувство. В гон охотнику изведать дано томление страстей в неистовой стремнине осенних будней. Через зыбкие острова облаков встречал восходы, провожал след закатов Солнца и Луны. Радуюсь шишке-паданке на снегу, не ломал зелёные ветви жизни кедра в родной тайге. По скальным склонам хребтов, сквозь зиму и лето, усердно волочил бесконечную тропу. Сухими сучьями угощал пламень кострища, вслушиваясь в клёкот птичьих пересвистов. Следовал по знакам в каменном редколесье, примечал стёжку следов чуткого изюбра. Для пропитания рода, у солонца коротал долгие часы охотничьей тревоги, чаяния ночи. Бесшумно стопой сплелись лунный луч и тень на рогах изюбра с отрепьем из мха-меха. Кедровы согнулись в дуги, в глазах потемнела пылкая искра, шёпот закланья удачей затих. Молнией расколотый могучий зверь необычно ухнул на колени, склонил взор в снег. Омытая судьбу слезой любви, шептал заклик-скулёж о спокойствие осиротевших душ.

Приметы-намёки

В бездне туманной звёзды растворились, как слезы, эхо отдавалось заунывным стоном. Сумерки поглотили печаль, разорвались сомнения в лохмотья, в душе осталась ясность. Мир-устроитель олень, ветвистыми рогами вскинул Солнце, оживил тайгу, реки и горы. Во вспышке молнии возвысился выше звёзд, связав вершины и небо, людей и предков. Восточная солнечная и западная подлунная гряда гор хранили мир чащоб от бесплодия. Расстелился меховой ковер облаков по шкурам болот, хвосты судьбы по Древу жизни. В душехранилище не рожденная птица кормила мальчика-птенца ниспадшими звёздами. Озарённая заревом зарниц глубина размышлений заполнилась страдающим разумом. Тревожное сердце пугало птиц в бессмертности свершить полёт в душевные мучения. Не укоряя туманность Вселенной, нетленная искра во тьме осязала счастливый случай. С небесных вершин на дно Нижнего мира падали слёзки, застывшие в приметы-намёки. Боль утрат, забот, терзаний сжигая в чистилище души, будущее тлело в отсветах памяти.

Льдистое облако

Не знающим страха крошечным звёздам костра присягнул каюр, сердце нежностью замерло. Молния слепила глаза яркостью всполохов, огонь тлеющего очага очаровывал красотой пламени. Словно по гребням текущие струи ручья в жилах струилась пылкость не иссохшей крови. На огненных крыльях качнулась зарница, за облаками растаяли безумные расстояния. На остроконечной заструге жилище духов спряталось во мглу узоров льдистого марева. Снег с дождем возвернулся туманом, смешивая иглы кристаллов с могуществом ветров. Через завесу мглы звёзды, полные грусти и грёз, глянули в очаг душевных переживаний. На краю перевала небесного побережья лунные рожки бодались с полноточной радугой. Слезы измороси осыпались искрами земной жизни души на отблески звериных следов. На промёрзшем льду Тайменевой реки хмарь охотилась за блеском вечной мерзлоты. Бросая на удачу везение, по бездне гололедицы скользили когти Большой Медведицы. По не сбитой метелями зябнущей ягоде охотник тропил тропу на безымянную вершину. Съёжившись от сырости, послушный олень уныло тащил на хребте соболиное богатство. Из распутицы ветвистыми рогами вновь на наезженную колею неба выкатывал Солнце.

Первоцветение

Чуя запах земли ветер отогнал толпу туч к Звезде утра, в очаге затеплил вчерашние угли. Зашумели крылья пролётных птиц, даль раздобрела в улыбке, зелень мха сжала ягель. На вершине, заплетаясь в торосы талого снега, хмурое облако догрызало лунную спину. В глухариной мороси гора породила Солнце, ледяная речка зарыдала зыбкой наледью. По распадам, отступая на птичью стопу, на прошлогодней листве исчезал дряблый лёд. Пробивая покрывало опавшей хвои, к лучикам солнца выгибался нежный подснежник. Глоточек стылого неба в оттаявшем кедраче родился на свет светозарной звездочкой. Дрожа от стужи, первоцвет не пугался возврата жгучих выюг, пережив озноб, расцветал. Посреди колючей проталины весенний дух мятежно прикоснулся к скалистому взгорью. Сновидением наяву первенец оттепели, к встрече Солнца распахнул объятия лепестков. Тонким шёпотом зазвенели соцветия, разбудив от студёной спячки на берлоге медведя. В звёздном стойбище ненастье новолуния подмораживало Весну, кружившую с Зимой.

Правило добывания

В погоне за безумной звездой искра выросла из мечтаний, но она стала жертвой темноты. Сердечное ранение превратилось в шрамы, прозрачный ореол огней воплотился в сновидение. Чарует, страшит и пленяет соблазном багрец сгустившейся мглы с россыпью звёздной. Притаилось на дне прозрачной реки отражение лунных бликов, чутьё зверя тает ночью. Тёплое изобилие слов шуршало подобно медвежьему меху и живому крылу глухарки. Встревоженной видением Луны в лютую метель под снегом куропатке прожить проще. Человеку с хорошей судьбой протаптывать стезю охоты из чащобы за горизонт в охоту. На одетой в свежесть облаков земле удачно добывал для семьи надобное пропитание. С собакой по мелкому снегу гнал изюбра, трепетала в капкане шкура пушистого соболя. Подкармливал зимующих птиц, самок с детёнышами, за сирот сердце слезой истекало. Отводил месть обидчивых духов-покровителей зверей, оплакивал утраченные судьбы. В урожайные на орех годы поднимал с берлоги сонного медведя в свет гаснущей Луны. Одевал наголовник и серьгу, обращал к Полярной искре, комок огорчений откатывался. Из клыков и когтей под ведущим лучом Солнца вырезал талисман, приносящий счастье.

Коготь счастья

Ветер сдвинул штору над входом в чум-жилище, запылали угли в костре, дождь утих. Сквозь грозовые тучи пробился луч Солнца, почуяв приплод, орёл взметнулся в высоту. При рождении первенца на стойбище по дедовскому обычаю напутствовали родителя. Ради изобилия провели обряд очищения облаком и укутали младенца в волчью шкуру. На оленью люльку прикрепили наследственные обереги, охраняющие душу ребёнка. Дребезжание спилов из оленьего рога в шатании отпугивало хищных обитателей тайги. Развивался острый слух младенца, вплетая ощущение ветра в повязку из перьев птицы. Почувствовав кочевой уклад оленьего табора, у костра поверил в поиски верной тропы. С детства не разрушал запретов предков, стараясь сродниться с окружением пиков гор. На тропинках выцарапывал таёжную прибыль, даже крошки не выбрасывал от добычи. Не взымал избыток зверя, знал — за жадность коготь-оберег потеряет охотничье счастье. В груди алчность сжимала душу и в конце прожитых дней щедрость видела новый свет.

Замерзающая вода

Изморозь сверкнула искренностью льда, Луна выпила парное молоко марева, замолчала тишина. Вздохнула искра-душа небесного оленёнка, чуть дышала душа, увлекала в неизвестность тропинок. Отшвырнув туманный покров, осень долгий день наугад блуждала по ветреному кругу. Позабыв безумные грёзы ушедших снов, с плеч берёз соскользнула охлаждённая листва. Мшаник усыпала опавшая лиственный хвоя, ключевая вода захлебнулась облаками. Золотая тайга загляделась на прозрачную шугу, потревожив проток засыпающего ручья. В струге льда допоздна рыдал свиристель, взлетая через густеющую мглу к созвездиям. Под хруст наледи, затрещали рога, захоркали олени, гон согрел замёрзающие сердца. В разбитом копытами снегу копошился зимующий глухарь в поисках лунки для ночлега. Лютая стужа дразнила медведя-шатуна, разбивался голод об ознобы крошевом радуги. Белесая муть ледяной кромки на речном берегу клонила к дну под шагами изюбрей. Разгорался промысловый огонь, очищая обломки злых мыслей о свежие следы волков. В полынье трепыхалась лунная водоноша, глубина манила истлевшую в закате прорезь. Упрямая речка из промоин льдин опрокинутых небес тонкую грусть целовала метелью.

Кукушкины серёжки

Лунный блик соскользнул с мохнатых сугробов, ослаб мороз, Солнце набирало мощь. На рассвете от вершины к вершине сквозь вьюгу умчался скорбный посвист снегирей. Обходя стороной на берлоге медведицу с малышами, преследовал раненного шатуна. С мокрой от пота спиной в тревоге глотая позёмку, о наледь оттачивал охотничий нож. Блеснула остриём рогатина, крик кукушки пробил сомкнувшийся оскал мглистой пурги. В поиске жизненного предела скомканный когтистой лапой таёжник остался невредим. Сложил задние лапы с тыла головы, передние вперёд — прошагать душе по доброй тропе. Снимая шкуру, ел резаный от сырого сердца кусок, обретал живительную мощь предка. Просил прощения, затянул тело звёздным поясом Ориона-служителя требований тайги. Наложил на голову деда наушник толокнянку, из сна мысль поднялась жить рассвет. Чутко слушая дребезжание серёг-ягод, сквозь зарю душа узнавала знамение Вечности. К облаку воспаряя, душа не засыпала бессрочно, по тропе утра являлась в медвежонка.

Соседушка

Темнота побрезговала совестью, на приманку выгоды выловила подкошенные души звёзд. Стареющая Луна изнутри на куски искрошилась, но для взлёта ввысь срастались трещинки заново. Иступленная страсть заветной тайны сдавила грудь, пугая рой порхающих мотыльков. Боясь крошечной тьмы, Солнце оглянулось на пройденный путь, и поняло — Луна слепа. Выход Большой Медведицы увлекал в круг времени небесные звёзды ловить затмения. Позабыв лучистое Солнце, взлетела соседушка совушка за лютую черту ледяных пустот. Символ живой вечности — олень начинал кочевать осенью параллельно линии горизонта. Невысоко на Северном небе, в негаснущих вспышках зари, выглядывал лунный восход. С небес вокруг Мировой горы спустилась ворона к тлеющему пеплу костра на стойбище. В мерцании Млечного брюха кормила мать лунным молочком медвежонка-детёныша. Не вспугнув сладких снов полуночи укутанных кедром гор, медведица встала на дыбы. Из туманности облаков подтягивала Утреннюю звезду к лучезарным заревым завесам. В закатах и рассветах запечатлевая ночное время, отмечала точное урочище созвездий. Сквозь падающий выюжный снег уводила судьбы шатунов зимовать в берлоговую тьму.

Летучая звезда

Молния осветила полные слезами глаза туч, дрогнула гроза, уползла в гости к урагану. Темнота вышла из забвения, на небесном пастбище озарились радостью звёздные очи. О точёное лезвие стрелы наконечника Млечного лука разрывались лохмотья облаков. Между звёздными туманностями Большая Медведица гонялась за лосем с детёнышем. Размечтавшись об удаче сгоревших надежд, сотканных мехом на шкуре добытого зверя, упустила добычу — подвижную звезду, пасущуюся от тени яви до мгlistых сновидений. В яркую судьбу поверив, мечтательный зверь прижался к резкому краю лунных рожек. Прощаясь с прошлым, Лось-звезда сошла снежной кометой на вершину горбатой горы. В искристой изморози замерзающих душ загорелось в ветвистых рогах величие мощи. Сохатый улыбался на пёстром покрывале ночи, медвежий стражник привстал на дыбы. На прикреплённой к небесам шкуре сгоряча крапинками инея обозначал борозду зари. Солнечной искрой водил неоглядное время по бесконечности, взнуздывая всполохами.

Гагадочки

Впереди лучом улыбнулось утро, на зарю заклинали не разу-
чившиеся надеяться глаза волков. Без кислорода в крови зады-
халась сердечная мышца, костёр грел руки, оттепель ободрила
душу. В долголетию вечно
стареющей стужи коротала
молодость налитая соком
весна жизни. Из оледенев-
ших горных зубов подня-
лось рассветное Солнце
огромным белым цветком.
Искрящийся на Солнце снег
сохранял тайну следов лю-
дей, отслеживающих хищ-
ников. Открыл мешочек
для трута и кремня, звери
от оторопи притаились в ка-
менных щелях. В дебрях,
обнаружив нетронутую
медвежью берлогу, охотник
запаливал пламя костра.
На землю укладывал в во-
рох свою старую одежон-
ку, мастерил страшилище
из тряпья. Чувствуя запах
дыма, медведь просыпался,
вылезая на свет, надежду
выжить швырял. Охотник
стрелял и прятался за ствол
дерева, зверь зловеще тряпье терзал, но не убегал. Слезой инея
стонала кроткая тайга, вертелись облака, ворон обезумев истош-
но каркал. Чужа запах человека, раненый зверь заново бросался
на грудку одежды, глодал отрывки. Вмиг прицелившись, охот-
ник без осечки делал шаг навстречу разъярённому медведю.
С открытой душой, ожерелье-гагадочку закреплял оберегом из
кривых когтей прадеда.

Медвежье игрище

Перелетные птицы по пути к отчим гнездам не ссорились, братски помогали друг другу. Растаял лёд, беззаботная кукушка топтала траву, гнёздышко не вила, плакала напролёт. Призванный блюсти порядок честный медведь не причинял вреда окружающей тайге. Ходовой хищник проверял устройство жизни в распадах, но был сражён стрелой огня. Ворон желал помирить пять душ добытого зверя, не заблудиться в охотничьих видениях. Мучаясь бессонницей, вычищал снегом голову зверя и укладывал между когтистых лап. С гостя снял шкуру, устремив нос на задремавшую звезду, дымом чаги окуривал клыки. Неведомая птица стрекотала для духа-прадеда, стараясь не обидеть хищного двойника. Призванной отдышкой из берлоговой грозы неоплатную радугу направляла в будущее. Давала совет жизненной силе скитаться по не гаснущим звёздам к счастью спокойствия. Крылом изменяла небо, по когтям и клыкам птица гадала о предстоящей охоте-судьбе. Вспышкой молнии вольная душа оживлялась в плоти законного медвежонка-отпрыска.

Гостейка

Через огонь и стужу, пройдя тяжкий путь, глядя в глубину родных глаз, наконец каюр смог отдохнуть. Дева прошептала нужные слова и не потушила горящую искру очага, согревающую наши тела. Заструились невероятно лучи в ореоле предрассветной звезды о сиянии грядущей зари. Приоткрыв соцветия кашкары, блёклый отблеск лунного света отразился в волне ручья. Распахнув звёздное одеяние, встряхнул котомку помощи хранителя выюжных областей. Глотая изморозь, каюр соединил сухожилия, мех, волос зверей, клюв, перо, птичий пух. Мастерил крылатую фигуру гостейки, из бездн времён прилетающую укрощать ураган. Внутри болталась погремушка-язык, сознанием сменяя волнение посвистов шквальных. Из темноты обвальных раздумий до дна синевы выводил выюги по грозovým кромкам. Закреплял голову, обугленную жаром пламени молний, долетавших до земных сердец. Уходящая ночь оживляла с боковых сторон прикрепленные к ярости громовые перья. Птица озаряла смысл стихий, стрекотала клювом метель, хлопала бурей, ухала пургой. Важенка напоила молоком дитя, открыла радужный взгляд угроза мышей — совушка. Выжав слезу у создателя Вселенной, раскинув крылья, улеглась в облачную колыбель.

Оживающий бубен

В сновидении на заре утра заострились зубья скал, переменяло русло облачное марево. На гребне перевала повыше парящих орлов на свет появился белоснежный оленёнок. Обечайка выгибалась развесистым рогом над открытым пламенем побратима костра. Натянутая на деревцо обруча оленья шкура оживала бубном в пространстве и времени. Бессонный заструг, окаймленный облаком, звёздами, Солнцем, Луной провожал весну. Щель между куполом неба и краем земли, стремилась в неустанную погоню за светом. Звёздную оборочку небесных одежд украшал отсвет Луны в лучезарном блеске Солнца. Ремешками зари и железными подвесками комет закрывал глотку в подземные миры. Касание оленьих копыт обернулось в луч-рукоять во вьюге мысли быстрокрылых птиц. Отточенный наконечник стрелы связал воедино звёздный иней с брусничной тайгой. Из бездны Вселенной по зову предков души в виде снежного пуха снизошли на землю. Заветными чувствами, целительным духом вселились в алчущих птиц, зверей и людей.

Чёрный ястреб

Оголив изнанку души, Луна напилась облачными слезами, сменив имя, искра стала пламенем. В толще мироздания ночь растаяла, породив кривое отражение на краешке осознания. Истлела грозовая молния, небо зари после дождя покрылось звёздными проблесками. Окропилась росной каплей паутинка раннего утра, как будто обняла лунный ободок. В неторопливом полёте чёрный ястреб освежающим ветром кромсал в клочья облака. Потрясая лезвиями грозных когтей, в тени заснеженной вершины высматривал добычу. Солнечные лучи отражали сомнения в прищуренных глазах, наполняя сердце страстью. Вдыхая штормовую бездну, оперением стремительно пронзал насквозь бесконечность. Меж просветами мглы внутрь впускал заревой луч, ощущая ухабистую безупречность. Озарённая восходами хищная птица, зорко и свирепо рыскала близ верной гибели. Моросила солнечная крупица, крючковатым клювом щекотал, ощипывал с гнезда снег. Льдом глазниц, отразив душу, плоть и путь доверчивой пищи, резкой искрой сокрушал. Разорвав застывшую от страха плоть, ненароком развеял сожаление в тающих сумерках. К силе Солнца величаво взлетал, грозил клювом, не боялся в затмение Луны оглянуться.

Кружево метелицы

В полнолуние снег укрыл ветви дерева, от стужи в душе птахи заперли гнёзда в дуплах. Без разлуки нет любви, видно в прежней жизни суженой ветра была зимующая птица. Из кружева метелицы, взлетая за качающийся кедр, попала со-вушка во внеземной мир. Цепляясь за крону звёздной ниши, не раскрывая клюв, мыслями перекикивала выюгу. Посещая звёздных родственников, хищница ночи озаботилась невзгодой бескормицы. Пересекала множество осиротевших Вселенных в поисках семейных хлопот и радения. В Верхнем мире на крыльях мчалась быстрее чем облака, чем от тоски убегала зем-ная тень. Воплощаясь в реальное везение, духам посвящала растущую Луну и рассветное Солнце. Вспоминая, что будет в безвременье, когтями раздирала жизнь на прошлое и будущее. От наяву настоящего мига взлетела стезёй бесконечности в веч-но вращающееся время. Ощувив стужу чужих чувств, мечтами связала рождающуюся судьбу с желанной горой. Возвращаясь в колыбель-гнездо, вовек обновлялась восходящим поколением птенцов.

Породнённый зверь

Туман выпал прозрачной росой, круговерть бытия медведь растоптал когтистыми лапами. Солнечные лучи ласкали кедр-чи, лось скрылся в убежище, оскал волка обнажил хищную суть. В заснеженной окраине безмолвия проснулись от зимней спячки соцветия багульника. Сквозь рокот талой воды донесся с песчанника пронзительный до радости щебет птицы. Волчья семья почитала абсолютно правильным испытывать новорождённого детёныша. Одарённая царапинами от клыков и когтей, кормящая душа оберегалась от несчастий. Неискусный волчонок пытался казаться матёрым живоглотом внешним уподоблением. Не охотился на телёнка во сне, давал животному возможность расти и разводиться. Свирепый дух младшего брата охранял дитя изюбра, приносил нежданный дар свыше. Чутьё предупреждало об опасности свирепого хищника, мерцающее в спокойной душе. Оскаленной судьбой в суровых терзаниях острые резцы волчонка не ощущали пощады. Разгрызая клыками пелену страха, в подлунных скитаниях пересекал охотничью тропу. Изменение блеска горящих звёзд отражало нещадность и жалость породнённого зверя. Пред падением насквозь прощупывающего взрослого изюбра плотоядным взглядом.

Провидение

В зарослях сорных трав опавшие листья согревали очаг, грибы кормили бродягу в пути. Глотал жизнь по капле рассветной росы, прохладный ветер провожал до самых высот. Наивно дух стихий наудачу вращал землю в нравственные истины возвышенных небес. По недосмотру, чувства снизу восходили вверх, разумность облаком ниспадала наземь. Рождались, развивались, старели звери. Росла, расцветала, зрела и дряхла горная тайга. Оскудевал плодоносный кедрач, от стяжательств сокрушался на неурожай брусничник. Чужа уныние из истока мироздания огонь сварил дождь и воздух, выжигал сыроежки. Из грозовых туч лился кипяток, разливаясь по выгарам тайги, смывал пепел в щебень. Не паслись олени, не добывался пушной соболь, сохатый не кормился для строганины. Над верхушкой молнии Луна и Солнце прекратили сменять день на вечер, ночь на утро. Пройдя чрез роды в огненной воде, проросли семена, слегка дыша, раскрылись цветы. На острие скалистой вершины возродилась жизненная мощь в первозданной свежести.

Дочь огненного грома

Дремотой затихла дремучая тайга, олень целовал росинки дождевые, облако удерживало бегущую тень. Птицы закружили в ожидании пиршества, таёжница по каменистой тундре прокладывала охотничью тропу. В полный рост разогнулись шумные тучи, склонив под вихрем судьбы властные кедры. На исходе снеговая стена без запоздалой тоски заслонила капелью скалистую ложбину. Женщина-зверь в шкуре медведя и шапке с бесшумными крыльями из лучевых перьев. Сажа летела в очи, небожитель Олениха-медведица по метели кружилась не замерзая. На многомерных ярусах мироздания Великих небес в облаке ощущала цветок-пламень. Светом солнечного огня обрела разум, память, зрение, смысл, вызывая в душе радость. Шла быстрее мыслей, излечивала от недугов, оживляла грозы, внушала трепет громом. От прозрения пережитых дней открывались ей тайны мира и пророческая нить счастья. Пламя души несла вверх по течению обжигающих рек, возвращалась с добытой пищей. На обратном пути тайгу измеряла медными котлами с кипячёным на углях костра чаем. Не выжгла сердце в алчных молниях, не озябла в не щадившем холоде лютотога страха. Взглянув звёздам в очи осознала, души зверья обречены наугад искать тропу в просвет.

Конопатая сарана

В дремучем урочище, на стрелке между каменистыми ручьями гуляла медвежья свадьба. Уставший от объятий невесты дремал косолапый братишка. Яростно загалдела воронья стая.

Медведь раскрыл когти и затесал царапиной ствол родового кедра. В ветвях заплакала кукушка. Лютый волк терзал сохатого, уставший зверь выбился из сил, но упрямо лягался копытами. Волк цепко вонзал в шею клыки, напористо шкуру царапал, лось стойко рогами бодался. Волк упал без сил в овраг, стая отступила во мглу и пыталась схватить Луну за холку. Вдоль ручья по таёжной опушке за Солнцем пробежал волком раненый лось, оставив на земле красный след зари. Из кровью окропленной земли в аромате сражения пророс кудрявый цветок весь в рассветных веснушках. Росная капель дробилась солнечной пылью, расцветали с крапом

цветы-пламень лепестками наизнанку, отпугивали ярую мать серых хищников, дурманили очи её сыновей, похищающих в лунное логово тленных зверей. Вспоминали страх пред чертой облавы из красных флажков, установленных охотниками. Кочующие за оленями охотники копали луковицы сараны и хранили в сушёном виде. Варили на костре и запекали в золе. Кушали, сладкий и мучнистый вкус заменял хлеб и одолевал голод. Соком сараны заживляли раны и люди, и звери.

ГОРИЗОНТ ОКРЫЛЁННОЙ МЕЧТЫ

Ожидание счастья

Разогнав осадок тумана, “уак-куак-куаак” закричала ушастая сова, беспокоясь о гнезде. Натянутые нервы измотали душу, в пустом уповании о встрече птица грустно вздохнула. В ослепительном блеске заснеженных вершин огнём засиял коврик цветов багульника. С бездонного пространства неба по заплаканной стене ледника текла водопадная слеза. Под торжественной вечностью Полярной звезды кочевали олени бесконечной тропой. Ясна суть жизни вожака — в достижении вышины необъятного яруса небесного распада. Бесконечно меняя череду спусков и восхождений, восторг и огорчение, наитие и мечты. Судьбу не обманывал, зря не сворачивал, грядущее представлял в озарении движения. В поисках призрака свободы, от безумия проступков бросался к звёздным отражениям. Среди туманов утренних, грозы, ливневых дождей, жизнь старался прожить не напрасно. Терпеливо ожидая счастье, по неумолимой нитке на подъёме развязывал горные узлы. Во всполохах зарниц преображался в очертания множества драгоценных оттенков зари.

Снежный лабиринт

Прошлое выжигалось в пламени чувства, изюбрь воздвигал себя ввысь горы, воплощал мечты в смысл. Мысли повисли в пустотах, туман породил миражи, осторожность разрушила покой провала. В глухую зимнюю ночь сердце собаки чутко внимало скрипению снега на тонкой ветке. Не боящаяся одиночества собака огрызалась на беспокойный шорох камней — детей гор. Шелестела грубая шерсть лохматых ветров под копытами и когтями замерзших зверей. Утаптывала метель сахарный снег в лабиринтах расщелины с высокой стеной из льдов. Непослушный щенок по имени Вихрь рыскал по тайге, выслеживал лунное отражение. Под сводами звёзд тянул путеводную нитку по руслам замерзших рек, скользил по льду. Из позора бездействия, на чувства полагаясь, ожидал рассвет, бился об ветер перемен. В промозглом тупике будущего в палящем сердце не померк вечный свет из прошлого. Чем выше поднимался, тем большую плоскость острых вершин охватывало его зрение. Охотничьи пороки унёс за предел коренных угодий, задышала душа мечтой, снег таял. Возбравшись на гребень лучистого неба, заметил суть, ведущую к выходу из путаницы. Родство разных сезонов и поднебесье вписались в непрерывный круг кочевых будней.

Сердечная искра

Окропив росой распахнутые грёзы, завыл ветер, мглой беспросветной затянуло высь. Сумеречной печали пёстрые крылья коснулись, без любви нет тропы обратно у синиц. Гром ударил солнечным огнивом о кресало луны, от искры разгорелось сердце птицы. Изнемогая беззаботно взлетать, попросила птаха огонь молнии отделить сушу от небес. Пламя скрутило сумеречный чад упоения в трехъярусные развороты явной Вселенной. Верхний — небесный мир, Средний — земной мир и Нижний в подземной преисподней. К небесам тянулась вершина горы, тайга к земле, вода устремила в глубину пещеры. На обожжённом пепелище камнепада встретились цветы, ягоды, травы, ягель и звери. Искра в птичьей душе теплилась светом солнца, луны и созвездий, чередуя дни и ночи. Пламенея, судьба жгла крыло молнии, бросала огонь в зияющую пасть голодной тьмы. Из цветочного угара по грозовому озарению птица взлетала к блеску Полярной звезды. У кочевого очага искра заметила заблудившуюся в трущобе мечты промысловую удачу.

Горизонт мечты

Туча взлетала в зенит, кружила и низвергалась на вершину, ползучий туман подбирался на голый перевал. Запахнутое небо роняло звёзды, в мечтах угасло тленное время, отпущенное на житейские заботы. Падающая звезда отправилась в неизведанное изгнание поделиться заветной мечтой. В горечи потерь обгорая, чаяла вернуться обратно, искрами выжигала небосклон ночи. В утро зимнего солнцестояния на заснеженной вершине потускнел свет закатной Луны. Мерцанием окутанный багульник почувал — Солнце на птичий шажок приблизило весну. Олень преобразился в пламенный свет, человек Древо жизни повязал атласной лентой. Родился вольный ветер, изменивший направление таёжной судьбы и дорожную снедь. Молодое солнце ласкало ледяной наряд нагромождения каменных глыб у дна обрыва. Меж сторонами света, просвечивая вскользь смолу хвой, луч разбудил от сна всё живое. В заслоне окоченевших каньонов застывшие тени ослепли от блеска оттаявшей наледи. Потушив зарницу, раскрыл объятия чувств вихрь, заря осветила шипы горизонта мечты. Открытым взором, найдя рассветную тайну, медвежья свадьба раскорчевала лужайку. С границ бездонных небес, расправив пёрышки, птицы гамузом летели вить гнёздышки.

Громовой олень

Луна обращается в ворона, клюет зернышки звёзд, в небе оставляя за собой след тьмы. Звезда плачет, во весь голос зовёт рассвет, вихрь протяжно укоряет гору, упрекает небо. Над землёй в верхнем слое небес парит островок из бегущих по вечному кругу облаков. Олени Гром, Молния и Эхо бродят меж мирами в поиске радушных очагов и родников. Сопутствуя ветру удач, со звёздных просветов Олень-Гром сотрясает Вселенную грозой. Вздуту гремит, рёвом грозит, грохочет раскатами, плодородный дождь льёт в ягельник. Булыжники гор огненным потоком прожигает очистительное пламя вспышки молнии. Оживляя дыханием животных и птиц, у небес выпрашивает для детёнышей кормление. Среди неурядиц, тьмы, холода, пепелища пожаров, зла хищников и бессудной добычи творит порядок, свет ума, радующие забот, образцы поведения и охотничьи положения. Ниже мира преисподняя. Олень-Эхо пробирается через ледяную мрачность подземелья. Отсчитывая сроки страдания испепелённых душ, сочувствием выявляет силу грядущего.

Ветер надежд

Доброта не чувствовала зла, не поворачивая назад, искала смысл семейной жизни в сердце волка. На краю пропасти лились слёзы о прожитой жизни, постаревший вожак осознал, что всему своё время. Застучало девичье сердце, пряди тёмных волос ниспадают словно струи ручья в ночь. В обиталище грёз сладкая мысль о любви увлажнила уста, опаленные страстью охоты. На подходе к воскрылию неба засияла судьба в вечерней глубине зари, разбудив голод. По слежавшемуся насту Солнце жизни скралось к окраинам тени в медвежьей берлоге. С летящей россыпью созвездий в горах вечных метелей олень копытил под снегом мох. Заметала вьюга ветви лунного дерева, без ветра надежд безучастная судьба загрузила. Пурга давила на силу воли, зябкое чувство сжала тоскливой западнёй ограда снегопада. Промерзло сердце в камень, предвечный огонь костерка не погас дотла в душе искры. Белобокая Луна вскинула облако на рога, изморось от оленьих шкур слетела к звездам. Свирепого волка клыков остерегаясь, Солнце в дебрях тайги не сбилось с торной тропы. Озарённая зарёй утра без взвизга и слёз лизнула языком шершавую руку верная лайка. Рассвет всколыхнул клохтанье у невесты Солнца кукушки, о лучшей доле оживил мечту.

Небесная радость

Росная туча устала, дождь запутался в волосах паутин, шишка нагнула оголённую ветвь. Очаг превратился в золу, Большая Медведица радостно подмигнула Полярной звезде. Созвездие Малая Медведица сладко зевнула в люльке из ворса шкур Высенец-Оленя. Из облачной бездны выдох ветра вырвал сиротку-снежинку на верхушку лиственницы. Подкидыш Олень-Сумрак окунул передние копыто и рожки в зеркальную гладь небес. Вогнутой чашей разлился ледник посреди отвесно растущих в зенит скалистых вершин. Посреди поворотов и тупиков течения звёздного русла ожило материнское гнездовище. Луна сияла сквозь тьму, недобитой птицей подсвечивая на промоине тропинку надежд. Без конца и начала замыкая круги жизни, взлетела птица по бурным сквознякам тревог. Пленив в сердце красотой мечтаний о возвращении к зародышам земной радости. На перекрёстке падения звёздных дождей в отчаянной истоме плакала неземная душа. Рискую утратить счастье в прозрачной бездне мироздания, делила время буден на части.

Знамение камнепада

Углубляясь внутрь беспокойного сердца, олень умом пытался осознать необъятность суетности бытия. Вопреки череде невзгод телесная жизнь проявила стойкость, не потеряла звезду бессмертная душа. Искрами вспыхнула влажная кромка тумана, ночной бурун пронзился раскатом грома. Прытко ниспадали звёзды, на скользящей дождевой крупнице повисла лунная тропинка. Зоркая орлица зашвырнула перья яркой молнии за хребтину беззвёздной шкуры оленя. Сущий огонь зажёл солнечное пламя в бездонной мгле, отделив лунный отсвет от тьмы. Созидающие явления — гроза, буря, дождь, радуга, пурга принесли плодородие земле. С взгорбленных вершин гор бурно струилась порождающая мощь жизни снеговая вода. От донного песка, смешанного с пухом ныряющей крачки, вырастала проталина во льду. Опоясанные небесным сводом проснулись семена бадана и укоренились у лиственницы. Обнимая облака, одевалась в хвою тайга, распускались иссохшие соцветия багульника. Дух усердия блуждал, ходил туда и сюда, вселяясь в новые судьбы добычи и охотника. Олень от клыка волка заживил раны, испугавший Весну хворост судил и рогами срубал. Первозданная звезда на небо всходила, Олень-Земля нарастала знамением камнепада.

Солнечный знак

Ветер ворошил хвою, под дрожащей радугой оттаяла тропа к ягелю, лось ожидал весну. Луна облокотилась на гору, облаком таяла земная печаль, снежинка порхала бабочкой. Из дыма позёмки Солнце являлось источником жизни, кормилицей, заботливой няней. Тёплым лучом очищала холодные горы от лютой стужи и на мхах возрождалась жизнь. К светилу обращался за охотничьей удачей, выбирая направление тяжёлых странствий. Выслеживал зверя в светлое время и верил в обрастание добытой души новой плотью. Солнце ведало о прекращении жизни в живом существе, изъятом из тайги не на пользу. Побывшую в гостях душу довольного зверя возвращало в таёжное угодье с прибытком. В невзгодах жизни исправлял зло, учуяв усталость души, советовался с рассветами зорь. Светило звало догонять уходящий горизонт, с утра до вечера поддерживало храбрость. Не повелевал необъезженным оленем, на хребте выстригал шерсть солнечным знаком. Верхом не кочевал, не охотился, олень становился ненаглядным сыном Солнца-матери.

Наречение имени

Не выплаканная жизнь играла в прятки, олень восходил на крутой перевал, тропа убегала под уклон. При смене погоды щемило сердце, без надежды по камням петляла стезя, вспоминая позабытые клятвы. Не выходя за своды утренней зари, просторно мысли обитали над безднами темноты. Рассветный Солнца луч предельно ясно пронзил сердце, осветил имя, измерил судьбу. Маточное стадо взяло неистощимый запас имён для новоявленных поколений оленят. Звонящий шелест пурги, птичий звук, отклик эха, могли стать личным именем малыша. Оленёнок родился во время студёной метели, с именем Судьба-Жизнь остался в живых. Родители убаюкивали телят на проталинах, ласково называли теля прозвищем — Ягель. Во время переходов через перевалы и броды бурных рек нажил дразнилку — Кочевник. Глотал выюгу и походил на Оленя-Облако, небесная душа ветра вселилась в подростка. В гон не избегал встреч с соперниками, ревущих одновременно с подобными именами. Окружённое запретами выхваляться взрослое имя — Смерч получил по давнему предку. Выживая в звериных дебрях, обретал настоящее имя — Всполох по исконным повадкам. Имя — Гром превращение в вожака учуял в видениях, но никогда не произносил открыто.

Дальняя вечность

Солнце озябло, сова посмотрела звёздам в глаза, косо упала листва в заманчивый сон. Мудрая необъятность созвездий светит на заснеженную бескрайность горькой разлуки. Счастье грезит наяву в кочевой дали пространств, без ощущения запутанности времени. Лазоревый зной отразился в мечте, надрывным вздохом оленей, всходящих к вершине. Из томления россыпей ледяных звёзд грузная кочевая стезя торопит к изобилию ягеля. Отболев в одиночку, глотками жадно выпила Луна сиреневый хрусталь озерных зеркал. Померк высший смысл в самообмане, вверх не растёт стрелка дикого лука, а в головку. Золотым бликом ленточки счастья отразился отсвет очага по следу дальних странствий. Обретая разум, задумчивая слеза упала в бездну обрыва, усталость у ног забрала силы. Гребням скал мигом туманным показалась дальняя вечность, раскрытая руками облака. На недосягаемо долгой тропе встречный ветер гладил душу у вершин в бесконечности. В чаше чая заискрилась свежесть рассвета, разбудив судьбу с застывшей болью в душе.

Долговязая луна

Утешали невинный взгляд оленёнка, радость пламени в костре, амулет — синь неба, грозовая кутерьма. Облетела листва, на спине осталась дрожь, в суставах боль, в дебрях завыл волк, о хвою застучал дождь. В вешнем сумраке на исходе ночи коротка долгожданная встреча с Полярной звездой. На не приметной тропе к стойбищу чуть слышался неуловимый перестук оленьих копыт. Стая куропаток топала за метелью в небо, открывая и закрывая дверки снежных лёжек. Под жалобный плач злой замети сползал с вершин одетый в соболиную шкуру ледник. Бездонную высь подпирала отвесная вершина, пурга зубцами льдов выгрызала душицу. В белой дали снегов, камней и ягеля закружились свет и тени счастья во вьюге надежд. Чудный, как наивная мечта, скалистый хребет погрузнел от отрешённой задумчивости. Радужно встречал кометы, взлетающие по Млечному следу, кормился крохами планет. С края звёздного гнезда долговязая Луна холодной душой взидала на таёжную мишуру. Вольной птицей вспорхнул неугасимый свет зарниц, пробуждая от сна рассветную зарю. Сквозь сумерки невозвратных чувств утро вышло на встречу открытым ладоням ветров. Отражённый во льду блеск лунной тропы осенился крылом удачи луча солнечного света.

Песня Куропатки

Ночь откусила кусочек от дня, камень сорвался в быстротечный поток застывших волн. Пахнуло прохладой оленю в лицо, вокруг горного пика закружился звёздный ободок. Птица силилась долететь до Полярной звезды, мечтала одеться в её ледяное оперение. Ровесница Луны не желала ничего для себя, щебетала дуновением окрылённой души. Ветер сокровенно вздыхал об озарении зенита в небе, стонал о тверди бескрайних скал. Свирепость пурги, злобность метели, лютость вихря теребила за концевку перьев птицы. Терзалось сердце жгучей ревностью, забирая у вьюги заунылую мелодию безответную. Путался смерч потерь, скучая птица скулила, рыдая, просила мёрзлые звёзды о счастье. Позёмка во всю глотку нудила под студёным маревом, грустная птаха напев подпевала. Тоску беспечно сдувая, испытала судьбу, поняла — птичья любовь к небесам мимолётна. Взирая на восход зари, строки слагала о скалистых вершинах выше надзвёздной хмари. Буран напевал о лучистой удаче за облаками, снежная куропатка свивала гнездо мечте.

Белошейка Весна

Ручьи ломали наледи на скалах, тайга с плеч скинула снег, напиталась слезами каменистая земля. Среди круч душевный почин искал тропу из никчемной жизни, луч пронзил скопление грозовых туч. На мокрой гальке оставив перламутровые блёстки Луны, понуро утекала вода в никуда. Беспросветный туман, окутавший крутизну горных склонов, днём рассеялся в отлогость. Вёрткая выюга гнала круговое эхо, заискрилась звезда, светилась Луна, взошло Солнце. Очнувшись от сна, задышала жизнь ростом кедра и мха, зверей на земле и птиц в небе. Блеснув оперением снега, на ягодной проталине поземка поперхнулась живицей хвои. Медведь ревел от голода, свору птиц аппетит тянул по шороху крупитчатого ледохода. Ветер о тальник споткнулся, о дремотную шкуру кедра почесал спину Небесный Олень. С каплей слезинками на таявшую тропу невидимым шагом ступила Белошейка Весна. Накинув на плечи облачное одеяльце, водопадная наледь звонко засмеялась ручьями. Безмятежность развесила серёжки ольхи над норкой бурундука и голосистым дуплом. С семи ярусов небес, озябшая Луна манила птиц взлететь к ледяной просини созвездий. В пуховом гнезде небес зорко высматривал озаряющую стезю в непрерывность рассвет.

Поперёк времени

Дождь шёл с утра, листья срывал ветер, поредела сень ветвей, у костра виски поседели. Слезы капали росами, тоска беспричинная пламень сердца в неизведанность зазывала. Имея за плечами не по возрасту суровый навык, тайгу обошёл от краёв и вдоль и поперёк. Раздевал добытого изюбра вместе с рогами, душу отпускал на волю к Полярной звезде. Дух-заступник промысла оживал ловким предком Оленем-Небом с пригодной судьбой. В чутком отсвете Луны, бродящей по созвездиям, откликался неведомой глубиной грёз. Сила Зенита в потоке сознательных желаний, в бреду мглы дарила почин прозябанию. Поднимал криком души со дна бесспорные знамения, гаманок кроил из меховых шкур. Блуждая вперекор времени, изгибалась душа меж мыслей звёзд и намерением комет. Метеорит заступался за раздумье перед Матерью неба, дотла выгорая вопреки мечтам. Предназначенной тропой ступали подуставшие ноги, к съестным припасам искали пути. Душа тлела, навыворот падала, вспоминала горечь прожитых дней и вновь зажигалась.

Щекотуха

На утомительном подъёме от студёного помрачения олень губами грыз тягучий туман, снег забивал рот. В пасмурном безвременье дебри тряслись, извилистая тропа размокла в непостоянстве ненастья. Неожиданно вспыхнул весенний рассвет, изменил тайгу, скинул с плеч печаль увядания. На прогалках засветились глазочки первых цветков, наполнив радостью полчище ворон. Птичка с шумным сердечком день и ночь кружилась у гнезда в хвое на верхушке кедра. Пила дождевую росу и положила перья во выючную сумку рядом с кусочком созвездия. Туман сполз за край щели, расступилась метель, птица щекотала ворс оленя, веяла мех. О золу снов обжигая клюв и когти раздувала перьями пламя в очаге небесных желаний. Солнечный огонь выгорал в уголёк, со свистом ненастья жар молнии спадал в зарницу. Щекотушка предвечерней зарёй выжигала закат дня, Луна затмевала обугленную ночь. В закатном луче, равняясь огню, птаха мелькала по замёрзшей смоле кедровой шишки. Солнцегрудая птица терпеливо толкала закатную крошку из тёплой яви в небыль стужи. В темноте оленей кусающий хищник резким скрежетом клыков лёгкую дремоту согнал. Лунные рожки с запахом выюги возвысили завирушку-певунью к озарению звёзд света.

Языковое гнездо

Солнце померкло, птицы щебетали в ветвях деревьев, сжимал виски охотничий азарт. Храбрый бег в одинокость ненадежен, не уйти от судьбы в дикий край бушующих выюг. От чудес родного слова человек не был в силах спрятаться в распадках горных хребтов. Слово оберегал, у добычи немело сердце, испугавшись видений из сказочных образов. Слушал, о чём пела могучая лиственница под порывом ветра, внимал говорящей птице. Силой речи отводил волчьих духов от оленьего стада, выкуривал недуги из сородичей. Доверял реальной силе минувших сказаний, языковую связку поколений не прерывал. Молчал о хождении во времени, толковал смысл сна, стenal об утраченном огне очага. Дрожащий вскрик спасал в минуты опасности, вопль давал уму мечтать, честь сохранял. Бесписанным гласом очищал изморозь звёзд над горными пиками Млечного потока. Читл звучность открытого слога, засвечивал рассвет сочетанием из более трёх гласных. В надзвёздный взмах птичьего крыла зовущим кличем дремлющее Солнце пробуждал.

Возврат жизненности

Не судя друг друга, оленье стадо — частичка первоосновы — мыслило узнать секреты Мироздания. Из сонмища людской жадности, вероломства и эгоизма у таёжника возникало особое мнение. В наряд закатной зари оделись облака, ухал филин, возвещая восход Вечерней звезды. Любовался осенним сияньем снега, укрывшим густым пухом раскидистую крону кедра. С малых лет кочевал по тайге, болотам, речкам, горным хребтам с непуганным зверьём. Добывал лося в дремучих дебрях, где невозможно жить, надобно постоянно выживать. Не вредил природе, душу поживы удостаивал особой честью — возвращение жизненности. Изъятая из угодья жизнь не исчезала, предавалась огню шерстинками добытого зверья. Проведением судеб определял, хорошо бытовала возвращённая душа в зыбун сердца. Срастаясь со страданием небес, обогреваясь Солнцем, камень Луны доставал до звёзд. В голод питался достаточно, лишнего не брал, знал всё его окружение, часть его самого. Нож разумел шестым пальцем, копыта — продлением ступни, глаза — восприятием миров. Вольный дух кочевания измерял окружностью земли, чтит долей правды небосклона. Алчность лишалась силы, он ценил жизнь и любил помощь, которую оказывал другим.

Кедровый орех

К камням припадая, подволакивает ногу старуха собака, переведя дух истощно скулит. Под солнцем высох камень, в сердце вскипела слеза, лунные блики унесли огорчение. Живое и неживое в мире гор и неба, кроме плоти лично имело доброго духа владетеля. Добывая зверя и снимая шкуру-шубу, человек развешивал её на высоком Древе жизни. Просил прощения, приносил извинение, понимал, что обидчивая душа ему не отомстит. Стрелу не оперял перьями пролётных птиц, натянув слепой лук, искал с целью согласия. Дух охотничьей удачи слепо выдавал из таёжных запасов пропитание крайне неохотно. Бестелесно блуждал в угодье, нуждался в общении, жилище, питании, лечении, заботе. Менял солонцы и кормушки сохатого, не плодоносила тайга, соболь уходил от пожара. Принимая сущность как силу рождения жизни, оказывал уважение кедровым орехам. Дух невидимый умножал изюбра и кабаргу, под ветряным дождём костёр не выдувал. В тёплом чуме со смолистым запахом угощал стариков и детей красной и синей ягодой.

Молниеносная птица

Звезда поверглась в ущелье, сливаясь с гранитным массивом, по морщинам старика скатилась слеза. Чувствовал разум, творящий тлен, где кровью и потом к счастью тропинку мостил по дремучим дебрям. Ночь напролет в расплывчатом сне неосвязаемо пела сова, напоённая весенней грустью. Дремотная ночница зрела, очнулся гром, росла молния, рассеяв иной свет грозowych туч. Пролётная свора птиц из всполохов зарниц вырвалась на краешек лучей утренней зари. В небесном огне внезапно оживилась звёздная обечайка бубна предзакатной Луны. В трепетной чистоте колкий ветер на перевал провожал и возвращал ожившие судьбы. Стрижек крылом хлопнул и звёзды упали из грозowego яруса неба раскатистым громом. На небесной шкуре, расколотой перьями молнии, глотало желание смолистую изморозь. У оленя от соли высохли трещины на губах, мечта думала отчаяние сменить на восторг. За водой прощенья птица-гроза взлетела сквозь маревые пробоины солнечного света. Во тьме молниеносная птица у проталины искала исток слёз, покрытых зубами наледи. В бесконечном избытке миров когтями скребла ненастье сезонов для обновления душ. Устроив гнездо на материнском облаке, птица-молния связывала будущее с прошлым.

Лёд безвременья

Сердце от страха сжалось, по обрыву над бездной облезлой вороной спустилась ночь. На пустыре свода полная Луна, будто живая, плыла впереди тумана, стремилась ввысь. В период становления Неба ледниковый мороз созидал первозданный зачаток жизни. Суматоха зарницы огнём разрывала в клочки свет и тьму безвременных дней и ночей. Поддерживающее небесный свод Древо Жизни разрасталось, вызревало и ссыхалось. На ветвях дух не стыдился под толстыми шкурами клыкастых зверей и когтистых птиц. Во мгле затмений свирепые звери поедали друг друга, перелаывая охотничьи нравы. Сдвинутая смерчем первозданная чистота полога небес опрокинулась в гнев протеста. Звёзды падали, сжигая таёжные уголья, огненной волной омывали землю от напастей. Сцепилась с краем Света мечта Древа, изгарью обуглилось жизненное дупло-колыбель. От выжженного краха спасаясь, птички слётыши и кочевая живность выскочили с гнёзд. Кончающееся начало по вечному кругу возвращалось, с праха возводило туманы в лёд.

Путь к судьбе

По запаху бессмысленной гибели, волк торил тропу через гарь пожарищ, оползни и камнепады. От плутовства сводило когти, от неверности погоды страдала душа, клыки искали чистой плоти. Улетучились облачные следы, обессилела без лиственничной хвои опустошённая тайга. В сгустившейся сырости осень сущностью ощутила багровый уголёк истлевшего светила. Отяжелевшие лучи огибали быль и небыль мечты, Солнце окунулось в закатное зарево. Пропасть сгустилась горечью, убежал туман, дым ел глаза, сны вышли из побуждений. Догорающий свет зацепился за утёсистый разрыв, роняя стадо рваной мглы в бездумье. Стылый туман безнадежно закрыл перевал к стойбищу, у развилки кухта поймала лося. В буреломных дебрях минуя чёрную позёмку, глупая жизнь помчалась шагом сохатого. На затяжном подъёме бегущая вдаль тропа потерялась в блеске снега могучих вершин. Слепая метель замёрзла, буря искала скальную щель к согретому Луной смыслу жизни. Рдяный луч выбрал путь к бурной судьбе, перешагнув через блестящую слякоть сугроба. В родных переулках сердца хранилось равновесие радужных мерцаний Звезды вечера. Спотыкаясь о лунную тень в круговерти Большой Медведицы, луч вершил ясную жизнь.

Второе рождение

В мрачную ночь туманом проросли звёздные гнёзда, с куропаткой в зубах лиса бежит. В туче повисла нить Луны, в бесприютной жизни с предками соединилась душа-сирота. Дебри тайги осветились взлетающим к надзвёздной кровле запалом грохочущей грозы. Наконечнику тропы сигнализировал набатом медвежий гром, воплощённый в шаманском бубне. Взирая в прошлое и будущее, сорока стрекотала в бережной защите исконных пастбищ. Без перегиба понимала добро и худо, искренно цвиркала о промысле на пользу жизни. В порыве душевной боли в сердце оттаивал холодок ошибок, иссыхала причина ярости. Клыками и когтями породнённого зверья защищалась от невзгоды стихийных бедствий. По перепутьям будущности шла с чувством доверия, в видениях исцеляла страждущих. В бесконечных утратах добывая питание, научилась дорожить торжеством примирения. Западая в буйные мечты, душой обновлённой поверила в миг нового рожденья судьбы. Зов направлял по следу зверя топтать дремучую чащобу, следить за полётом трещотки.

Свет предчувствия

Одевая величавое сияние, Луна посеяла надежды, даровала обещания, завещала сострадание. В буднях потекли мечты, со стойбища ушёл туман, семена стали ростками, начали жизнь с начала. Хвоя лиственниц запахла свежей живицей, оленьё молоко горчило зимостойким мхом. С душевной тоской вздымаясь и опадая, рокотала волна реки, в пену разбилась о скалу. С вершины вспорхнула в небо радуга, выглянуло Солнце, дождь до дна осушил облако. Семицветная птица обнимала небеса сиянием, возвращая душам утраченные желания. К правде жизни тянулась, на ветру ромашка качалась, знала, за нарушение небо карает. Не сплёвывал в огонь кострища, жестокая судьба урочище одевала в оковы пожарища. Не обижался на восходящий дым, на дождь и ветер, на снег и гром, на молнию в грозу. Лютое пламя отгоняло зловещую мошку, у уютного очага выхаживал оленёнка сиротку. Берёг вещающих об удаче зверей и птиц, крылатое эхо породнённым дыханием считал. Жил с мечтой, по торной тропе за собой терпеливо тянул везение к светлым знамениям. Хранил впрок пустеющие запасы явлений в прошении о медведе, изюбре, соболе, лосе. Попутная буря стегала по хребту, воспламеняя сияние зари в усыпляющей неволе звёзд.

Трепет ожидания

Почти падая от усталости, отдышался, на огне приготовил ужин, вздох успокоил сердце. Руки припухли, потяжелели ноги, отступили заботы, лунные лучи просочились на тропу. Кочевал вдоль каменной гряды по наледи ручьев, сквозь дремучие дебри и топи болот. На затыжном подъёме к звёздам-близнецам изюбрь ледяное марево грудью раздвигал. Расставаясь с летающей в небытие мечтой, вспоминал далёкий свет сурового времени. Приликая к перевалу, плаксиво проливал слезы на струящиеся потоки хмурых облаков. Из тяжести печали отцветающей зари наклонял морду навстречу притихшим синицам. Молния обняла локоны неба, колыхнула тьму из глубины груди, въелась гарь в ладонки. Порывистый ветер сломался в плеске волн бегущего ручья, сдувал снег с немого склона. Блеском созвездий подраненная в сердце птица из боли ползла к утомлённой надежде. Повинуясь силе земной соли, изюбрь вставал копытами на хребтину скалистых вершин. Сквозь трепет тени прошлых снов повстречать проблеск сверкающего луча плодородия.

Земная шкура

Со страстью и потугами проходили годы, стирали в ногах силу, в остатке оставляли дерзкий разум. Из губительного бытия вырастала надежда, что в следующей жизни оленьё будущее начнётся заново. За стадом оленей ковылял человек к единому концу в этом мире при разной середине. Отдыхая на зимней поляне, вдыхал запах дыма от костра в кипятке из кочевого котла. Небесная брешь бессмертия вечно двигала к счастью Солнце, Луну, ветер, звёзды, воду. Без мечты скалистый истукан терял с миром связь, из будней шли раздумья, уснул утёс. Уменьшая день, зима забрала стужа окоченелую судьбу, сок ягоды превратила в кровь змеи. Земная шкура Оленихи-матери покрывалась льдом, тяжело дышалось в снежной буре. Увеличивая день, весна растопила лёд, вода устремилась смывать наледь, ушёл голод. Из вздоха Оленихи возникал туман, исцеляющий росой несчастье беды, купал горечь. Ворс моросил слезу возрождения. Потряхивала мордой, мех высеял цветы обновления. Олениха замкнула волю сна, похожую на мечту, в круговорот жизни непрерывности душ. Из шкуры являлись дети земли: звери, растения, одетые в перья птиц духи-помощники. В след улетающей стае брёл на берлогу медведь, с весенним пением птиц возвращался.

Колокольчик-трезвон

Гора погрузилась во тьму, Солнце упало на смятую подушку пади, восход переливался чёрным мерцанием, по утрам никто не будил зарю. Олень глазами обнищал, по медвежьим тропам

бродил на ощупь, напрягая слух, искал секрет рассвета, а нашёл цветок — маленький обломок звенящих звёзд. От росной воды промок колокольчик лиловый, в полудрёме чуть дребезжал рыданием и склонил звенящую голову в туманное молоко. Утренняя звезда пожалела хилый цветок-дитя и вселила в листья силу бряцания. Луна вдохнула в гремющий стебелёк жизнь и повелела трезвоном будить рассветных птиц. От прикосновения ветра тычинки послушно закачались, слегка ударяя по лепесткам, по округе разнеслось нежное звучание. В гнёздах проснулись птицы и на крыльях подняли в высь прозрачную зарю. На звон отозвалось утро и раздуло

солнечное пламя. Без оглядки уползли ночные сны, сдвинув брови, восход вернул себе свободу. Если не мог быть солнечным восходом, становился лунным, отражающим нетленный свет. Солнечный луч косовато уткнулся в замшелую скалу, колокольчик духом страданий растревожил душу прозревшему оленю. Вестовой трезвон птицам в гнёздах подарил покой, снял с крыльев боль, отпугнул с оленьей тропы бродячего медведя.

ДЫХАНИЕ ИЗНУРЁННЫХ НЕБЕС

Путеводный свет

На пути слепящих солнечных лучей заботился о пище насущной, не впадая в безумие. На озарённом лунным мерцанием пути не затаптывал в грязь одинокие души зверей. Дыхание зари разделило пустоту заоблачных высей на сияние и тепло, холод и темноту. Радужный блеск росы заиграл вдоль тропы, Луна побежала к пленительным желаниям. Сон разорвал ненастный покров, грёзы россыпью звёзд угасали в зарождении рассвета. В мерцании Утренней звезды с насиженной кладки вспорхнула птица на заплечье неба. С края лосиной пади скользнул прямою стрелой лучик к цветущим побегам ольховника. В облачном всполохе зарниц разгорался нетленный источник жизни — лучезарное Солнце. Вдох пронзил бдительность силы, согрел хвою, озарил багульник на каменном склоне. Дар мерцания прикоснулся к бьющемуся сердцу оленя, отразив нежное свечение очей. Искра зажгла путеводное пламя страждущим странникам в поисках душевного смысла. Всецело сияя во тьме, в душе по тропе нести искрящийся свет к неоглядным вершинам.

Нетление времени

От странных сомнений спешили вдаль мгновения, не устал от болезни, слёз и страданий таёжник. Ветер с покорённых вершин качал шишки на верхушках деревьев, высекал росу жизни для певчих птиц. Сквозь кедровую хвою замерцал восход Утренней звезды, сдавив беспокойное сердце. Перешагнув через горный порог, взошёл промокший под дождем солнечный отрок. Утверждая бессмертие времени, лунный круг укатился за осмысленную грань чужбины. На ветру хрустели суставы, перепутался след зверя, горящая стрела не узнала промаха. Пирамидой камней бремя отметило разрывы затяжной тропы на подступах к перевалу. В грудь резко колотил вихрь стылым льдом, загонял в дремоту, поглощал траву жизни. Сметливые мечты осенили осознание судьбы в отсветах поворотов утраченных сезонов. Под звездой во власти тьмы путеводное сердце почуяло призыв острозубого горизонта. В пламени зари загорелся очагом багульник, в целое соединил явь земную и небесную. Осыпая прах забвения, сквозь камнепад задышало зрелое семечко с побегом душицы. Ленточки из ткани трепетали крыльями рябчика, удерживая равновесие мрака и света. Тенью неведения в отсечении ночи улетали сновидения о недавно погасшей надежде.

Точка восхода

Завтра, вчера и всегда скулила бродячая лайка, полной грудью вдыхая свежие снега. Скала тонула во мгле, птица рвала душу из тела, жизнь сохатого понеслась без следа. Под кормчей звездой бесконечно рыскала волчья стая, подгоняемая чувством голода. Медленно приближалась к дикому стаду оленей, чутко стоящему у вечных снегов горы. Задыхаясь от страха, шумовой заяц, сокрушая метель, без разума ломал судьбу-облако. Лен-точки на шестах чума сжали сроки и дым от костра, стая отошла под кедровые тени. Волки пищу зрели взглядом разума, добро и зло ощущал кожей лось, убегая от погони. Душа ныла, затих соболев, испуганно взлетел глухарь, подняв крылом свистящий вихрь. Под звездой, озарившей изюбра в скоротечности воплощения, подкрался матёрый волк. Узнав непостижимую тайну прозябания жизни, наискосок прервал мучительный вздох. Заветная точка восхода стоящего солнца не придавала значения задержке горького мига. Ночь похищала боязнь, утро любило отвагу, огибая лавину мглы, несло свет созидания.

Птичий облик

Алчущий медведь положил лапу на муравейник, языком облизнул подчистую собравшихся муравьёв. В мечтах пронзая горные расстояния и разгуливая по гнезду, птенец клюв тянул к материнской пище. В мире суетных страстей не утратила прелесть Луна, позабыв про забвенье после убыли. Скользящие блики веяли по кривой тропе к песчинкам вечности сладостней снов наяву. Выше приоткрытого неба взлетела Общая мать к крылатым духам, породившим утёсы. Чутким ухом пугливой кедровки прислушивалась к дыханию обитателей стихии земли. В день весеннего равноденствия синичка рассеивала снег на ягельной шкуре пастбища. Солнце — подросток испугалось в ошалевшем ручье, несло оттепель, отгоняемую льдом. Взлетев от сытной добычи, сова воплотилась в пёструю Луну, парящую между туманов. Утолив голод ягодами, кукушка заклинанием отмеряла сроки жизни и будущую судьбу. Долго олениха не могла родить, к ней прыткая пичуга ниспадала со звёздным ветром. На хребет животного опускалась позолоченным ликом рождения лунной надежды. На медвежьем празднике у котла с питанием являлась дарительницей жизни — вороной. Дряхлого медведя-шатуна на берлоге возрождая в облике новорожденного детёныша.

Узел орбиты

Студёная вьюга перехватила дыхание, костёр отогрел заблудшую душу, счастье ушло. Невзирая на невзгоды Солнечные лучи подпитали корни сердца бескровной собаки. Вдыхая грудью льнущий закат, олень на ощупь учуял впереди камни крутого перевала. Нежные пуночки садились на русло талого ручья, стекающего по поверхности ледника. Облака спадали со скалистых пиков непреклонных вершин, давил капкан сновидений. В блеске льда сладость пробуждения встретила ветер, в лохмотья изодранный о скалы. По тореной тропе годового пути новолуния прокручивала оборот обожжённая комета. В ливневой мгле огонь, рождающий зарницу, раскачивал раскалённые крылья молнии. С несметных теней чёрного меха медведицы бродячий дух вырывал мерцание звезды. Оставляя отпечатки когтистых стоп, филин мечтал разверзать восходящие узлы орбиты. Огибая затмение бездонной луны, птица ночи отсчитала уханьем рваный бег времени. Выстраивая полёт небесных тел в одну линию, соединила закат, сумерки, тьму, рассвет.

Неуловимая душа

На солнцепёке отогрев косточки, медведю взгрустнулось, голод заставлял шагать в поисках судьбы. Зверь не бежал за временем вдогонку, не ворошил былое, не заметал следы, старался молодеть душой. От безотрадного выкрика кукушки защемило сердце, вспомнив напрасные сожаления. Выпал снег и подтаял, нахлынувшая струя воды стёрла заслезившиеся каракули печали. Младенец луч рассвета растопил отпечатки лапок куропатки на мосту из снежных радуг. Рухнув в талую пучину закраины, в бурлящей реке плескался камень голыш, душа пела. В нежное утро весеннего равноденствия прилетела Зарянка к долгожданной проталине. Стадо оленей брело по круговой тропе, на ходу пополам разделяя будни и дни радости. Солнце чуть-чуть коснулось верхушки кедра, раскаты грома разбудили семью росомах. Худой шатун, равный по силе стае волков, в густом ельнике от клыков зализывал рубцы. В ознобе соскрёб когтистыми лапами снежок, забросил комочек в рот лунным предкам. Сердце скрипело, в необычно изогнутые рожки оленя поселилось неуловимое везение. Огнем костра играя, дым в кронах судьбы дуновением дал облакам смысл прозябания. Душа надела глухаринные перья, пила березовый сок, покоем дыша в истоке торжества.

Пламя чувств

Олень хромал, заднюю ногу перебил ночью волк, за спиной тихо подкралась россомаха. Дрожащие заросли карликовых берёзок склонились долу, олень замер на солнцепёке. Прорывая преграды поверий, таёжник в живом и не живом ведал огненную отдышку. В туманной бездне тайги добытым животным одну за другой возвращал души в будни. Тайной впечатлений мысль усыпила волненья, полученные под влиянием сновидений. Умилостивив силу небес дымом багульника, наполнил душу отрадой в поиске питания. Загребущая душа угасала в пепел, сдувалась в прелость земной трухи, молоко сгорало. Щедрая душа, единая с дыханием тела, терпела голод, холод, страдала от крохоборств. Крошилась гарь с копоти облаков, в обмороке разума учуял сердцем рассвет зари ума. С Утренней звездой, восходом, с солнечными брызгами не выцветал проблеск надежд. Высекая огонь, зажигал пламень несходных душ, истину избавлял от ступора сознания. Обретал волю идти по замшелым корням, в хвое искать веяние ветра и свет для жизни.

Петлистая тропа

Скрылся в тумане луч Путеводной звезды, вставая с колен, оленёнок стряхнул наваждение ночи. По-новому взглянул на жизненный путь, упорно искал, кого от души полюбить, кого копытом лягнуть. Странствуя за облаками, занемог над пиком вершины лиловый сумрак закатной зари. Поздновато вечером уставший на перепутье сладких грёз, ловил чутьём привкус грусти. Шагая чрез снежную пыльцу перевала, телок ковырял рогами Луну, зубами грыз ягель. Терзалось сердце бродяги, загадывало несбыточные мечты, надежда дарила силу духа. Звёздчатая сыпь неба клоунила в сон, у сохатого нетленный мох пружинил под копытом. Тайга задышалась от счастья, сиял отражённый луч солнца в туманах, сердце дрогнуло. Мучаясь ожиданием, из сомнений лось шёл нетореным путём, морось ворсила хребет. Под колючим ветром изгибался кедровый стланик, пургой хвоя запорошила след тоски. Спотыкался о камни, ошибался навстречу запутанной шерстинке судьбы, душа грубела. Непрестанный шаг не кончился, изгиб тропы не пресекла затаившаяся за скалой звезда. Заплутавшая душа не вернулась, падала от усталости, искала падь, заросшую кедром. Там, у Млечного брода, лосёнок хлебал хлябь бездонных небес, черпал языком звёзды.

Медвежьи ушки

Стремился к вершине, на плечах повисли тучи, наземь упала слеза, истлели угли костра. Среди холода и безлюдья ворон беззаботным сердцем смотрел на золу, человек уснул. Потомок медвежьего рода по свету лучей мысли определял успех предстоящей охоты. Чутко слышал движение ходового медведя по буреломам и ворчливый сон на берлоге. Не преследовал убегающего зверя, шкуру гладил по шерсти оплошно добытого в тайге. В танце везучести распрямлял спину, заклинал зверя по тайге бродить родовым духом. Медвежьей песней просил не гневаться, отпуская братишкину душу к знамени звёзд. Уложенный мордой в медвежьи ушки добытый старчище опознавал грызущую совесть. С толочно-шапки на башке, с колец-ягод на когтях вспорхнул в высь прозябающий упрёк. Одна душа уснула, другая полетела на небеса, третья задышала родовой искрой очага. Живой медведь-дух примечал, осязал и оберегал от всякого рода несчастий в угодах. Снимал запрет на вкушение мяса, пробуждал поверье в могущество медвежьего рыка.

Облако-Олень

Заживали тяжёлые ранения от когтей соперника, глотая ледяную воду, медведь отрезвел разумом. Осмыслив призраки соблазнов, олень стряхнул со спины груз пагубных привычек под замесы грязи. Туман утонул в цветах, в просторе тайги блеснули золотые нити дождя, оголив перевал. Спотыкаясь о камни, шумела струя ручейка, с тихим шорохом опадала листва на ягель. Посреди всплывшего опыта врождённых жизней оленю выпал жребий стать Облаком. Наполняясь верой в бесконечно дальнем хождении постиг терзание мысли Вселенной. Без счастья-печали затаился в душе безрадостный зверь, вдыхании болот шипела топь. Густеющие потёмки внедряли в сознание надзвёздные видения от непомерной высоты. В заснеженной гряде гор Облако зрело вспышку света, отражённую лунным отчаянием. Зияющей пастью хлебало слёзы росы, горестно ревело десной, разъеденной о ягельник. Шло против теней вслед за закатным светилом, сжигая внутри души признак усталости. Рвало сердце в клочья, морось плакала, рассвет взлетал над сумерками озёр у обвала. Над пустым одиночеством росло непокорное Солнце, восходило ворохом босых лучей. На изгибе скалы Облако качало колыбель утраченных надежд, в душе убаюкивая ветер.

Кормление огня

Промокла Луна, у костерка разомкнул запястья, ненастье в душе причиняло страдания. Заревая роса легла на шелест хвои, объятые мерклым пламенем страсти сердце билось. В чум-жилище дымоход смешивал огонь души с простором основ безымянных миров. В предвестии удачи, помогающих кочевать духов Вселенной, кормил чрез пламень гари. Огонь-очаг сравнивал с солнечным ртом, одарённым острой живучестью клыков золы. Во рту тлел пыл наживы, не кидал уголь в берлогу, слепок с Солнца сохранял в бересте. Огненный дух-заступник приручал, принимал в отблеске защиту, помощь, обновление. Язык-пламя укреплял нити жизни души, обитавшей среди лютых хищников и поветрий. Оберегая от диких зверей, стихия огня разумно себя вела, обижаться уходила в метель. Просил огонь согреть, накормить, обезопасить, показать знамение охотничьего счастья. Жар прожигал совесть комом пламени, просил столько добычи, сколько взлетело искр. Душа добытого зверя в медвежьем котле не истлевала, из пепла заново возрождалась.

Древо судьбы

Не теряя душевного покоя, олень острым краем копыт выбирал лишайники из-под корочки наста. В бесконечном терпении надеялся воссоздаться заново молодым, смиренно вторить о смысле озарения. Потревоженная вихрем с вершины ледника выветривалась снежная пыльца в распадок. Скалистый берег покрылся затейливым инеем, от проруби по тонкому льду ушёл ворон. Голая туча насытилась лучом Солнца, в лунном пятне мысль зрела умственным зерном. Распуская хвоинки расцветала лиственница, кукушка прорицала отёл в стадах олений. С ягельной проталины вытягивался росток, стебель получал силу в верхнем заgone неба. Разгоняя пыльцу по тайге, ветер бился о цветки-шишки, пищуху призывал в странствия. Тянулась хвоя на просвет вечности, зяблик с разлёту соединил Верхний и Нижний миры. Под писк трясогузки свисали с ветвей туманы, дрозд удачей спутнул обманутые чувства. Клёст просыпался с восходом светила, оголённые копыта оленя отмеряли процветание. Ветви-помощники двигали явления природы, зимородок — события к отражённому свету. Узловые корни из глубины вытягивали смолу жизни, даруя корм, рост, порядок и уют. Сладость семян зазывала птенцов из гнёзд к высшей сущности мирового Древа судьбы.

Изыобрёнок-веснянка

Горы окаменели, очи прищурило Солнце, ненастье отмерило горсть радости росточку. Дождь струился ручьём, в трещины размыл ожидания, в распадке ветер вырывал мох. Сток воды, излучая тепло, смягчил сезонное похолодание воздуха на скалистом склоне. Сырость подготовила кедр к зимнему покою, в изморозь укуталась постаревшая Луна. Серое облако осени на побегах можжевельника прирастило почки для будущей весны. На ягельный откос лиственница осыпала золотистую хвою, разжигая гон у быка изюбра. Преследуя самку, изюбр вступал в брачную игру, от угрозы хищников защищал подругу. В заморозки питался висячим мхом с деревьев, в снегопад отдыхал в дремучих дебрях. Отогнав стаю волков, на проталину к питьевому ручью вывел для отёла маточное стадо. Заурчал ледоход на реке, на пожухлом смолистом ковре родился изюбрёнок-веснянка. Материнским молоком кормился всё лето до осыпания лиственничной хвои на болото. С горстью веснушек на спине изюбрёнок привыкал к непогоде в мурашках суровых зим.

Личная песня

Олень протяжно мычал, в голову лезли слоги, по произношению ветра рифмовались точные строчки. Без извещений человек читал вслух стихи о поздней весне, сопровождающие звуки долго ревел олень. В свете осенней Луны тайга оттепелью отогрелась, заиграла бликами опавшая листва. У родника журчал ручеек-наигрыш желанных откровений, вторила ледниковая капель. Отряхнув мысль с царапин метелицы, осенняя оттепель вызревала багряной брусникой. Из опустевшего гнезда ветер повторял ласково-грустную мелодию бездомного бродяги. С грани скал, взлетая и падая в затмения, не напевали уста чуждый напев о странствии. Покидая стан, сердце разрывалось, глас выражал мысль и дыхание, укутанное в мотив. В пути излив душу, огласил цель хождения, способ выживания среди лютых хищников. Заклинал духов хвалением об удаче, выражал лобзание губами за охотничье поучение. С ознобом по спине, сквозь зубцы каменных скал вслушивался в рыдающие упрёки эха. В суете безликого прозябания умильно тянул сладостную песню о материнской заботе. Радуюсь и огорчаясь, обменивался с сородичами криком распева и слогом речитатива. На протяжении кочевания по тропе судьбы, потаённый напев личной песни не изменял.

Природный дар

Проснулся медвежонок и вылез из берлоги, встал на задние лапы талый снег раскидать. Насытившись черемшой, взрыхлил дёрн, оживив иссохшие останки трав мать-и-мачехи. С острым лучом свежего Солнца на проталине расцвела заря весеннего равноденствия. Рыдание медведицы напомнило таёжнику о смятении душ зверей, добытых на берлоге. Зажёг чадный костёр кормить дух, дымом отчистил пищу, готовил заветное лакомство. Когтями крылатого охотничьего смысла к обечайке бубна повесил лоскутки из материи. Заплетал в лентах узлы, мысленно прекращал ошибки, желал избавления от унижения. К полоскам на рукавах крепил птичьи перья, способные к полету, вскидывал силу мечты. Прикрытый птицей-спутником слушал голос сердца, оплошности испепелял молнией. Мысль питала, делить поровну с таёжными собратьями добытое на охоте пропитание. Мерцая от восторга, ленточку отрывал от рубахи вручную не шире лапки медвежонка. Возрождённый зверь ликовал, утёс осуждал подношения роскошней природного дара.

Ветер в ветре

Таёжник без размышлений не тыкал палкой в спящего медведя, в берлогу не швырял ленивую собаку. Не кидался камнем в куропатку, попутный ветер в согнутую спину толкал без суеты искать свою стезю. С ощущением легкости вздохнув, дуновение умчалось вдаль за солнечным ароматом. Ёкнуло и замерло беспокойное сердце, в дождевую пустоту тревожно крикнула птица. Вспомнив суматоху от стихийных бедствий, следил перерождения предельной пустоты. Со всех сторон овеванный в заветь, слышал, осязал и чувствовал запахи бродячих бурь. Направление тихого ветра примечал по отношению убегающего дымка от хвороста в костре. Лёгкое движение незримого ветерка ощущал лицом, шумела хвоя и шелестели листья. В умеренном ветре колыхались тонкие ветви кедра, выгорали звёзды в лунной ладони. Свежий ветер шевелил стебли звездчатки, перехватывало дыхание, страсть жгла нутро. Раскачивались стволы деревьев, ломались сучья, безлика луна взбиралась против выюги. Смерч вырывал с корнем кедры, молнии терзали облака, судьба вскачь удирала прочь. Тайга рычала ураганом, затаился зенит во мглу, время размывало истоки границы снов. К тяготам привыкая, на выдохе могучего шторма смиренно трепетал попутный ветерок.

Угольная пыль

Холодной весной утренний туман вызвал разлив талых ручьев, молния раскрыла небо. Рискуя замерзнуть, птица села у очага, пением помогла Солнцу выйти из затворов ночи. Схожая с душой человека душа пламени звучала стихией, бытие искрилось из небытия. На костре готовил кушанье, первой ложкой каши, глотком чая одаривал солнечный рот. Теряя охотничью удачу, просеивал сор мыслей и чувств через жерло горячего дыхания. Не ронял слезу в золу, угару нипочём стужа, сытый огонь помогал, упрямый наказывал. Полученное от молнии пламя озаряло разум, стирало сомнения неудач в тених совести. Раскалённую искру огненного Солнца приручал в несгораемом кострище общего крова. Горение гудело, очищало беспокойным жаром, окуривало дымком одежду и оснастку. Общаясь по законам огня, был вежлив, уголь трещал о былом, пепел пищал о будущем. По следам на изгари, оставленным на пепелище, угадывал невзгоды и ожидал ненастья. Угольной пылью багульника вымазав скулы, кочевал по дебрям за доступной добычей.

Закалённый шаг

На земной тропе, ухабистой и тернистой, о предках слагал песнопения, привилегии с небес не принимал. Жил по законам уважения, среди смрада безволия с чувством почтения обновлял себя к прозрению сути.

В беспросветном унынии студила сердце хмурая слякоть, свернула в теснину тропинка. Нежный ветер, чуть различимо прошептал, что сквозь сумрак туманный взойдёт Луна. Глазницы лютых хищников узрели возвращение вечной жизни, о скалы разбивая страх. Надежда, счастье, сомнения рознились в горделивых душах, в суматохе не повторяясь. Бесконечно длинные тропы по камням, мшанику и топям окутаны снегами и дождями. От лунной погони бежит луч закатного солнца, отогревая судьбу от студёной поволоки. С заснеженной вершины неудержимо ползут лавины в преднебытие убегающей речки. Кедровый стланник

остриём наконечников хвои расчёсывает морозь в льдистом облаке. Укрылся инеем горностаи, лапы распростёр соболю, во вьюге уснул филин, душа росла. К тучам прижимая рога, изюбрь закалённым шагом измерил обширность пространства. С озноба взлетевший глухарь поднял на когти волчью стаю — загнать в западню сохатого. Взлетев к глядящей мысли скола неба, Звезда вечера осветила обыденность Вселенной.

Медвежья царапина

Из глубины земли проклюнулись стебли, зелёной завязью проросли мышинные гнёзда. Из сумерек корешки звёзд тянулись согреться теплом в бесплотно колышущейся заре. От старухи Луны осталась лишь тонкая царапина, предки зверей и птиц раскрыли когти. Отражаясь ползучей тенью, медведица проглотила солнце после захода в лежбище гор. Надломив сердце, топтала тропу по росткам багульника на перешейке из осыпи и топи. Раскрыв пасть, терзала память, брела к окаменелой душе Хозяина гор,двигающей лёд. Чутко обнюхала занемевшие ноздри, изгиб лба, глаза, язык и уши, клыки, когти, хребет. Мощью когтистых лап украсила царапинами духа-охранителя, соединяя в одно чувство. Кашкара роняла лепестки, скрипел шерстью ветер о воспалённые порезы и зубы камня. На камне медвежий зацеп соединил воедино однородных предков людей и животных. Отметиной клыков продлевала запрещение охоты на заветных зверей и птиц в угодьях. Уходящие из-под ноги небеса прорастали счастьем деторождения бесплодных женщин.

Живой календарь

В искрах костра поднимались ввысь души состарившихся оленей, звёзды гасли в дали, дрожали уста Луны. Пот струился по лбу, жизнь в надежде на лучшее, зазывала вперёд, затихла грусть в минуты расставания. Начиная новый путь охотник перелистывал старинный амулет — календарь-ежедневник. Август — месяц линьки оленьих рогов и снятие с них шкурки, костная ткань отвердевает. Сентябрь — игры гона, призывающие оленей состязаться рогами — за любовь терять силы. Октябрь — начало зимней охоты на пушных зверей, чудилась безудержная тень соболя. Ноябрь — в горах молчание глубокого снега, грустно пела птица в синей половине неба. Декабрь — месяц выживания на морозе. Январь — прекращение отыскания следа соболя. Февраль — задувает позёмка, волки догоняют лося, идущего по подмороженному насту. Март — в прилёт стрижека к ветреной вершине олень сбросил рога на выдох проталин. Апрель — корочка ягеля оттаяла, сквозь сухостой талая вода тянет траву к лучам солнца. Май — радость жизни в шуме ветерка, замер выкрик ворона, на свет родились олениата. Июнь — дождь льёт слёзы, туман дрожит, с кашкары струйкой осыпается утренняя роса. Июль — у хозяйки тайги после медвежьих свадеб в берлоге малыши нарождаются здоровы.

Вестник весны

Крылатая молния омылась в воде грозового ливня, вспыхнуло пламенем сердце птицы. Отрываясь от гор за заветной мечтой, птица звала весну пить нектар обновления жизни. На закате зимы духи бескрайних гор помогали ястребиной сове искать кедр для логова. В окружении наледей и свисте по-зёмки пробудился подснежник, бабочка рвала кокон. Солнце просветом резало из наволоки космы стуж, тепло сердца вернуло смысл жизни. Вдоль россыпи камней зазвучал ручей, учил синицу вздыхать сладостным пересвистом. К вдоху бури прирастал душой коростель, пискулька склевала живицу на хвойной ветке. За оленьим стадом кеклик кочевал в поиске запаха оттаявшей ягоды и личного счастья. В оттенках ясных лучей солнца пернатый вестник весны взлетел сквозь пургу в оттепель. Ночь сомнений коротала мечты, испив согретый берёзовый сок, варакушка вила гнездо. Измерив когтями дремучую падь, вожак собрал волчью стаю на брусничной проталине. У подтаявшего льда ручья в логове на смолистом припёке родился облачный волчонок.

Сиводушка

Олень с годами стал мудрее, по лезвию наста не резал сухожилия, от ошибок не рычал диким зверем. Наступила зрелость, не щёлкать по носу лисицу, прощать синиц, затеявших в линяющей шерсти стирку. В радужных глазах птицы небо кружилось проплывающей мимо тучей и падало вниз. После разлуки птица вновь обживала тайгу, сметая с родного гнезда сухие иголки хвои. Любопытная птица через просвет в ледяной лавине облаков смотрела на земную суету. На пологом уклоне хребта разноцветный ковёр проталин покрылся крупкой измороси. Надевая меховую шубу весенней пурги, черпая капли ключевой воды, синичка запела. С опадающим крошевом метели спустилась размножаться птенцами в родовом гнезде. Студёный ветер выдувал пыльцу с лепестков, вьюга к прогалине склонила первоцветы. Томка-лисица стороной обошла кедр, вырвала кладку синички — духа-провидца счастья. Затянулся вьюжный сон сиводушки, улетела прямодушная мечта к рождению Солнца. На чёрной пестрянке крыльев к холоду отрасли пёрышки-снежинки, синичка застонала. Сердечная вьюга одиночеств в мозаике прохлады дожила до прихода милой оттепели. Покидала удача птицу, вспугнувшую гордый ум, витающий над скалами в объятьях туч.

Жизни мать

Парили птахи через стихии — земли, воды, воздуха, огня зреть истинную цель грядущего. Зная былую жизнь и судьбу, птицы радости и печали, дня и ночи опускались на скалы. Из дыхания тьмы проблеск сознания поднялся к земному лону Женщины — матери птиц. Зверь-человек сын Матери-Неба, разодетый в меховую шкуру, постиг неземной простор. Вскочив из медвежьей берлоги к Звезде весны, когтистой лапой пробудил искру мысли. В огне согревающих лучей солнечного чумища заплакало капельной оттепелью сердце. Прародительница духов воли — всеобщая мать — ткала нить судьбы, сослепу путала следы. Управляя Светом неба, ветром вязала узлы счастья, снегом — безмолвие ледяного недра. Отдельно сменяла времена года, воскрешая плодородие камня, узнавала торный путь. Растущей Луной мерила время — разделяла год на месяцы, молнией рвала скалу в шлак. Рассвет приручал оленёнка, Звезда зимы не туманила взор в охотничьем шатании зори. Даровала продолжение рода и возрождала мощь у крылатой души цветочной пыльцы.

Душевное зарево

Бурундук вдоволь наелся зрелых ягод, дятел для белки дупло смастерил, комар кротко лежал на ладони и зевал. Колонок выгнул спину и замер, рысь разогнула кисточки на ушах, в хвое тихо защебетала вечерняя птица. Угнездившись в тени кедра, к валунам отблесками света потихоньку прильнул ручеёк. В наступившей темноте пойманный ветер запел перепевы Луне, одинокой среди звёзд. Скиталась душа над хребтиной неба, усталенной звёздной шкурой Большой Медведицы. Под светом Полярной звезды ожила надеждой, забыв предрассудки будничных забот. У гнезда душ-судеб порывистый ветер перемен хлебал лучевые росы звёздных дождей. Одев огненные перья и жар ворса, воздушная мысль воплотилась в пернатую молнию. В изломе неба спасал душу от страданий, подставив сутулое плечо из крылатых вихрей. Отравленная горьким дымом неудач, не меркла от обиды душа, в унижениях не сохла. Печалась о былом, облаком взлетала от затхлых терзаний в вечный круг всепрощения. Солнце озаряло чувства, душевная маета сгорала дотла, душа становилась отзывчивой. Искрил восходящий пламень светил, душевное зарево получало жизненную стойкость. Явившись на свет, закалённая душа из кусков блуждающей тени тлела над пепелищем.

Родовая земля

Огонь-птица на ночь прятала под крыло золотое яйцо Солнца, спасая от ненастных бед. В светоносной заре высиживала лучистого птенца, согревая его теплом радужного тела. Земля — вечная мать и пособница жизни — зачинала при отзывчивости небесного початка. Небо вдыхало свет, тепло, осадки, пламя огня и осеменяло земное чрево зародышами. Без камня не струилась вода, без молнии в безумии тьмы не возникло живое создание. Без отца и женщины-матери детишки не рождались, и земля готовилась стать матерью. Земное нутро кормило пророческих птиц, молоком плодородия даруя залог изобилия. В вихре времён душа покидала твердь, кукушка выщипала крупичи времени событий. Не свивала кукушка себе гнезда, не растила своих детей, безгранично скитаясь по лесу. На закат светил, птица доживала отмеренный срок, до седого пера из разума выживая. Обращалась к небу в мыслях о самой себе, бесконечно созидала равновесие потомства. Из подброшенных яиц выводок слётышей чтит родными отца-небо и свою мать-землю.

Стежонка

Филин наскочил на кабаргу, вонзил в шею точёные когти, на жалобный стон выскочил волк. На пути матёрого встала свирепая росомаха: по закону тайги, кто сильнее — того и добыча. Дыхание ветра подобрало опавшую хвою от замшелых корней кедра в ложе из камней. В оттепель на голый ветке осени набухли новые почки, с утра погрузились в полусон. Луна крадущимся когтем хищной ночи поймала отсвет племени зарниц в тени облака. Ничего не повторяя вслух, буря наотмашь распорол просвет в ватной стежонке тумана. Горечь росы в беспомощных мечтах лилась слезами радости, сгибая дерево судьбы. Заря меж крошащихся звёзд нетленные врата в небесах соединила закатом и восходом. По эту сторону бесконечности, выдох зенита искрой ума окрасил мерцание рассвета. В болотной дымке лучезарное солнце разделило радужные небеса на лазурные ярусы. Из тюфайки-гнезда выпал птенец-звёздочка, угодил на заботливые перья птицы-мамы. Широко расправив неопалимые крылья, слёток-звезда вспыхнул и померк в луче утра. Небесный посредник бросил озарённый свет во чрево чуткой души, вселил равновесие. Вникая в искристый створ стихий, сердце вдохнуло смысл знамения вечных высот.

Вешний багульник

В суровых горах на золотой жиле расцвели лилово-розовые цветы багульника оттенками беззакония, чёрный ястреб и белая куропатка казались друзьями. Куропатка летала неохотно,

ночевала в кустах, кормилась семенами и ягодой на открытых местах. Ястреб заметил пешие переходы по кружеву сухих блёсток золота, любовался её белоснежностью, упругой походкой и решил сменить своё чёрное оперение на белое. Быстрый летун стал ходить по воде ручья и оттирать перья золотоносными песчинками, подражал движениям куропатки, но неумело ковылял, о самородки сточил острые когти. Позабыл свою поступь, не на шутку разозлился, кинулся на птицу. Опасаясь ярости хищника, куропатка голову спрятала в снег, на виду оставила хвост. Ястреб вытащил её за хвост, шумно отбивалась птица, зарывалась в золотую россыпь,

а свила гнездо в цветущих кустах. Ястреб когти украсил белыми перьями и улетел, у куропатки стал коротким хвост. Отцвели цветы багульника, с метелью вернулся ястреб и стал звать куропатку в тёплые края зимовать. Куропатка без хвоста пошла в отказ, ястреб затаился в укрытии золотого дна, но поймать птицу в вечнозелёных кустах не смог. Чёрный ястреб и белая куропатка поклевали золотой песок и остались зимовать в тайге, ожидая цветения багульника — посланника весны.

ЗОЛОТАЯ ТЕНЬ РАВНОДЕНСТВИЯ

Горный ветролов

Сквозняк летел навстречу судьбе, не повторяя мгновения будней, ведущих в вечность. Гуляющий в ледяном сердце ветер перемен раздул пламя чувств, затушил боль разлук. Взойдя на перевал матери ветра, олень надеялся осветлить сердце у взлетевшего сына. Шагал по гребню скал и смело мечтал сделаться попутчиком тучи, оторванной от грозы. Со снежных вершин изгонял вихрь зимы, несущейся на крыле восходящей зари весны. Промозглым зудом пурга звала в озабоченный сон, вытряхивала ворс на шкуру Солнца. Откашлялся ручей, светлела вода, убегая вдаль льдистый водопад полоскал зубы скал. Солнечная буря купалась в проруби, утопив корысть, волна точила золотосную руду. Мерцали всполохи, сетовал безумно обман грома, кедр дышал сухой изжогой урагана. Шторм от горных хребтов откалывал ледники, смерч избавил от угнетающих помыслов. По щекам хлестала пурга, грохотал вал камнепада, душу очистил нежный шелест ягеля. Ветролов у лунного дуновения просил взаймы вдохнуть чуток радости звёздных знаков.

Пеночка зарничка

В череде мечтаний потемнела Луна, птица не допела куплет, пожарища покрылись дымом. В росной траве ходовой медведь оставил след, на родовом раздолье затих вой волчьей стаи. Удручённым раздумьем заставляло озябнуть осеннюю тайгу примороженное Солнце. Наивный, как доверчивое настроение, в глубину ущелья ниспадал шуршащий снежок. Гнездящиеся птицы собирались к отлёту, зимующие птицы клевали на снегу морошку. Овсянка-крошка старалась перекрыть звонкий выкрик чечётки о рассеении времени. Бродячий охотник на пушного зверя объезжал глухие уголья тайги на пятнистом олене. В хвоцево-осоковой топи караулил лося, на склоне гор — изюбра, ревущего во время гона. В березово-лиственничных дебрях из зарослей багульника манил кабаргу в брусничник. Олень отъедался грибами на валежниках и наблюдал за хищным полётом подорликов. О стуже зимы трещала гаичка, а зарничка, весничка и свистель грустно посвистывали. У заберега старицы, протекающей по золотой жиле в камне, суежилась горная трясогузка. Чирок-свистунок, синьга, луток, кулик, певчий сверчок хором пели осенние песнопения. Надломив душу, пролётная птица прощалась с приплодом куропатки и семьёй суслика.

Избунчик юртышка

Смешиваясь с опадающей хвоей, снег кружился по тропам странствий между вершин. Поникла жухлая трава, опустело сорочье гнездо, землю и небо объяла холодная Луна. В звёздном распадке построил из кедра тёсанный сруб с окошечком-лединой в рассвет. У очага-камелька уютился лёжа на подложке в постели из оленьих шкур шерстью внутрь. Над избунчиком юртышкой лунный свет баюкал охотничьи видения в ладошках небес. За-рождались крылатые мечты, кружили со склонившей голову Большой Медведицей. Огарочка свечи пламя с таёжным чутьём ластилось собачьим языком к прохожей тени. Мерцало над лепёшкой из жареного замеса муки с водой и чаем, с оленьим молоком. Клонило ко сну, сквозь бурю заспанных чувств, пролетел караван белоснежных оленей. Прожигал амулет повинные в бедах прошлые дни, в узоре куржака расцветал первоцвет. Спящая во льду у лежбища чуткого зверя разгибала самородную россыпь сутулая речка. На запорошенной хвоей проталине лайка со щенком сжимала оком слезу предвесенняя.

Живоносное имя

Время вдаль закрутилось, в руках закипала сила, без желаний остыла страсть, стал натужным смех. Приходили и уходили ожидания, стирающие сомнение: где придётся на оленях кочевать. Среди ветвей кедра завихрились огненные искры, восходящий к звёздам дымок уснул. Пододвинутый к очагу чайник закипел, качнулись лепестки багульника, ветер вздохнул. Нерождённые души оленят наполнились завещанной жизнестойкостью золочёной зари. Живое дуновение жизни Света-Отца, пронизывая небо, входило внутрь жгучего сердца. Сотворенному из созвездий и ветров оленёнку Луна даровала потаённое имя — Снежка. В кипящий котёл сердца положила прозрачную кроху льда и живая кровь заискрилась. В оторопи нахрапа рыщущих хищников сумерки нарекали малышку прозвищем — Иней. С высокой душой родовое имя — Зазимок — дала любящая Мать-Земля, снег изрёк — Искра. При взрослении нити судьбы заключили в клочке — Лёд — жизненную мощь дикого стада. В мелькании следов обнимал малыша величием опеки суровый вихрь, колола позёмка. Смешалось дыхание утра с дымом очага, зола комет даровала дитя кличку — Изморозь. Тайное называние оленёнку, не произносимое навзрыд, дал восходящий солнечный луч.

Стезя испытаний

Оседлав ветер, затыжной подъем вывел на голую гору, в пути занемог, клонило в сон. Во мху сочились капли дождя, тускнела заря, усталым взглядом смотрел на огонь в золе. Срастаясь со звёздами открылась земля, с жадностью отхлебнув глотком сырцу тумана. В равноденствие искал отпущение бед, пытался истину осознать влюбленным сердцем. Смысл жизни видел в хождении за зверем по тропам, выживал в суровом высокогорье. Не теряя чувства меры, лишнего с угодий не брал, превращал полезную мечту в деяние. В поисках путей к вечной жизни никогда не сдавался, день проживал, как бесконечный. Проникая в скрытый смысл тайги, замечал в пурпуре рассвета восход Утренней звезды. Огибая золотые прииски, у костра согревал обветренное вьюгой лицо, щедро улыбался. Дышал глубоко, не сомневался в успех шага, к лучшему оживлял истому утренних снов. На стеже испытаний в нещадных тяготах ненастья и гнёта невзгод не затворялся в обиде. Наполнял сердце мощью озарения и в волчьем вое осознал: кочует рядом с вечностью.

Запечённое яйцо

В ожидании перемен жизнь неутомимо уходила по тропе, в дебрях заблуждался здравый разум. Под россыпью нездешних звёзд воочию приходило редко озарение о мечтательной судьбе. Выгорел отблеск багрового заката, чуть заметно замерцал иней узорами заморозков. В расстелившейся туманной мгле народившаяся Луна заплескалась в пучине озёрной. На границе между золотым песком и липкой топью болота нашёл живое птичье гнездо. Съел запечённое яйцо и от стыда открыл рот, увидел: по вязкой трясине шагать опасно. Осознал язык животных, стал щедрым по отношению к зверям в тайге, птицам на реке. Мучительно охотился, но счастье добыть не умел, мягкое золото мерещилось на земле. Промысловый дар людям не доставался случайно, им владел птичий Хозяин гнездовья. Угощал горных духов, учил гомон песен во сне и шепетильное сердце у птиц оттаивало. Собираясь на охоту, крылатые слова и шорох движений воплощал в дела по правилам. Из перьев воссозданную перелётную птицу обносил на руках вокруг причастного оленя. На шерсти выстригал крылья запечатлённой души у не рождённого птенчика из гнезда. Не запрягал оленя, шёл по следу, замечал полёт кочующих птиц, и удача не пропала.

Заоблачный кедр

Спрятались тени жизни в необозримую небыль, вокруг Луны закружил студёный вихрь. Тропа развеяла пыль расставаний, Солнце утонуло в дарующем дыхание пламени зари. В изнанке нарождающегося света пробуждались от спячки окрылённые души стариков. На стволе мировой оси отмечающей простор неба и время, духи совершали сотворение. Крона дерева коснулась зенита, а корни ушли вглубь земли, соединив разорванный мир. Разговаривая общим языком, на ветвях кедров жизни поселились птицы, у основы — звери. Семь вершин дерева познания отворили движение по различным тропинкам Вселенной. Зигзаг молнии разлил огненную воду до дна, ошпарил валуны, изгрыз кожу с орехов. Испугалась птица, взлетела из гнезда, на хвою бросила души не рожденных младенцев. Впитав силы стихий, грозовая вода остыла, кипяток превратился в реки, озера и ледник. Светлая птица-душа, из лучей звёзд воплощаясь в перья, создала наследование жизни. У подножия кедров, держась за обращённую к Солнцу ветвь, изюбри рожали потомство.

Безлистный мшарник

Оглянувшись на тленном одухотворённые годы, проходила мудрость суетным тружеником. С возрастом становился сам себе не нужным, не сбиваясь с курса, олень выбирал маршрут. Ветер разьедал тусклый ломтик закатной Луны, всколыхнув отражение мёрзлой травы. Стаял метельный снег на хвое кедрачей, беспокойно шелестела прелая листва на тропе. Обретя птичьи крылья, зарева полоса приобщала к играм Солнца золото на мшарнике. Медведь осмотрел подснежный распадок, увидел прилетающую птицу согреть весну. На миг оглянулся закатный луч, высветив мягкую хвою в спальной подсеке берложища. Перья чёрной глухарки опустилась на копьё вершины, раскрыв надзвёздное стойбище. Над верхушкой кедр в белоснежных радугах Звезды вечера гнездилась лунная птичка. На опустевшем муравейнике с вьюжной метелью мерилась разумом медвежья шерсть. Снилось Хозяину тайги: из волчьих клыков облака огрызнётся теплом солнечная глотка. Ночь содрогнулась, духи весны гнали встречные тени по застывшей ледяной проталине. Живительный луч Звезды утра нежно прислонился к безлистной горе, река потянулась. Сердце настужь распахнулось от сна у оробелого зверя, душа к солнцевороту чалилась.

Оберег-огонь

В пламенеющем зареве зори ураган порвал крылья, в тень провалился Млечный Путь. Тучи налились пурпурным соком, всполох сжал сердце, мечта в жарком свете выгорела. Сложив крылья, ветер рухнул на скалу, в огневом нагаре натужно стонал раненый лось. Огонь лезвием молнии рвал камень, гром в блеске Солнца кликал весну победить зиму. Озарялся свет спасения в искренности жизни, в возгорании костра отверз кромку души. Обдумывая просьбы, питал солнечный рот, стонало пламя, дрожала копоть, гасла зола. Огнезарно сияя, испуская дым, трещал уголь, огненная смола осыпалась пеплом дотла. Открытого огня ценил силу, частичку очага отцов — заветный уголь — носил всегда у сердца. Душа верно добытого зверя не погибала в золе, возрождалась вновь из искры в пламя. На ледяной тропе берёг зеницу жаркого огня, без света выюга взывала волчьей пургой. В незатухающем пекле очага кипятил ягодный чай, кормил стрелы-помощницы и сирот. К выси подняв взор, тонкой губой лунный рот глотал вспышки искр с привкусом разлук.

Глаза весны

В нахмуренную стужу поник узор кедрачей, в любовной игре обернулись за счастьем глухари. Солнце прищурилось, с ладони унылой зимы на проталины сорвался ветер житейских забот. В очертаниях заснеженной горы за полночь весна засиделась за чаем у потухшего очага. Туман опустился в хвою на ночлег, тайком наваял прохладу, придавившую первоцветы. В лунном мерцании ледник уронил слезу в ущелье, кольнуло в груди у уголька костра. Надменная звезда чуяла дуновение сдобного ветра, оттепель разрушила лыжный путь. Тяжесть золотой руды молнией отразила светоч незрелых очей весны до глубины души. Оживила таянье льда, закрывшего реку. Оглушил выкрик грома сквозь рокот водопада. Очарованный откликом эха ледник сползал к щебетанию птиц в игривом луче рассвета. В трепете искристой зари хмарь утолила жажду талой водой поволоки снеговой наледи. В золотой жиле жизни свет пробудил смелость сердца, капля дождя поцеловала цветы. Струясь между звёзд и травы, печалью наста и озарённой волной слеза сточила камни. Срежь позолоты марева воссияла нежная зелень хвои, пронзила насквозь необъятность. В сияние солнечной поступи, притворяясь грозным облаком, весна повернулась к лету.

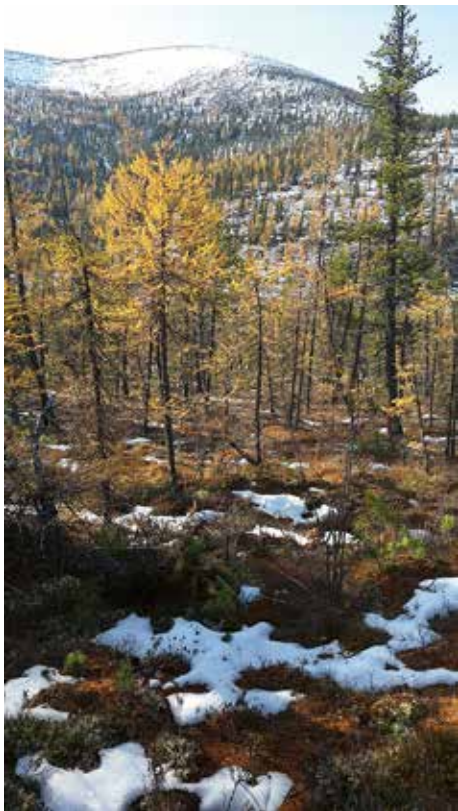

Грозовой огонь

В блеске опасности с вскриком родился человек, с ладони мотыльки взлетели на свет. В пламене всполоха вспыхнули крылья, осветили тьму облака, погасли, упали пеплом. Грозovým огнем младенец считал озарение, полученное от вспышки утренней молнии. В раскатах грома тянул пламя на себя, ведал, рот солнца и огонь очага — это одно целое. Уста ненастья слипались тучами, солнечный рот пыхтел, говорил языком зноя пламени. Вылетали искры во тьму звериной тропы, возмущаясь, огонь закалял тоской и счастьем. С треском горели сучья, ворчал огонь, предупреждал о холоде раскрытые ладони неба. Ощущая людскую заботу, успокаивал детей радугой снов, лечил, исцелял недомогания. Костер дум вёл за собой, огонь улыбок очищал, пылкий взор очаровывал бурю страсти. Не давал упасть в очаг ядовитым словам, скорбь сушил, пробуждал душу, кашку варил. Скверную мысль провожал с летящим дымком по ходу Солнца, выживал в испытаниях. Тлел уголёк заката, не давал сердцу солгать, в зольной тени частичку молнии сохранял.

Снежные ржанки

Потянувшись оснеженным телом, сквозь ошмётки Солнца в дорогие меха нарядилась лисица. В перьях туманных полярной совой застыла тайга, в сугробе тонул замерзающий камень-память. Под котелком тлела зола в ожидании заплутавшего стада оленей, чай с солью остывал. Сквозь покров капелек-серёжек безразлично багровел вечер в горах, ворон нахохлился. День угасал, холод исторгнул лёд, не потревожив небо, на мох упали снежные ржанки. Блуждая в сумерках опадающей хвои, птицы повернули летовать к заревому стойбищу. Безлунной ночью сломленный путь туч обнялся с вихрем звёзд, став дуновением судеб. С биением внутри сердца, навстречу душе вытянув крылья, закружили живые видения. По мелководью плыла листопадная шкура, вытряхивая брызги, ручеёк зажурчал шугой. Из тени подползая на позолоту моховины, лисица спугнула отлетающую птичью возню. От гнезда отвлекая хищника, в сторону отползала храбрая ржанка, не дав себя схватить. От слётка птенчика уводила коварную огнёвку в болото, притворялась тяжело раненой. В оскале скал совесть плакала над душой и растекалось вширь зари рассветное сияние. Взырошенная ветром кристальная морось подняла вылеток в высоту Утренней Звезды.

Свадьба Неба и Земли

Белее снега платье невесты Луны, затмение Солнца одело костюм жениха черной ночи. Ветер не весел, туча закрыла пасмурную свадьбу Неба и Земли обручем Млечного Пути. В золком выживании беременная земля ощутила сласть и горечь от гнёта тягучей зимы. У оленя мелькнула усталость гордого взгляда, на камни упала частичка небесного огня. Сжимая путы сомнений, голодный ворон клевал падаль, росла согретая соками трава. Во льдах застывших небес кочующая лунная самка упруго выгибала млечное вымечко. Бушующий ручей струился со снежной вершины, разбивал в брызги чаяние о камни. Падучая звезда вложила в прах душу, глубоко вздохнули разбуженные в хвое муравьи. Птица принесла кучу веток на гнездо и снесла первое яйцо, олень вдохнул туман любви. Почувяв истинную стезю, рогами взвесил пламя, заревой вспышкой подсветил вечность. Медведь развалил берлогу, оглянулся назад и ушёл вперед, вернуть опоздавшее лето. Суть жизни текла в борьбе, неуклонно, шаг за шагом, олень дух закалял искрой надежд.

Перелётная Луна

Тени ушли в сонные пределы, стихли загадочные птичьи трели, расцвели звёздные письма. Из свечения заветренной тиши облако наклонилось к стиснутой льдом вершине, замерла река. Потускнела окружность закатного солнца, обнажив одиночество костерка на стойбище. Понуро взглянув на журчащий ручей, тайно зима удалялась, увязая в слякоти проталин. Оленье стадо спаслось на острие заснеженной горы под звёздной росой у кромки неба. Ворон искупал птенцов в потоке талого снега, прослезив камни каньона в ямное болото. Сквозь скалы проросла корнями лиственница, раскинув ветви, кедр тянул хвою в зенит. Человек огнём разжёг костёр, на углях выпек шанежку, в котелке сварил уху из рыбы. Ветер вывернул наизнанку кожу, лис селился в новую нору, жизни соль постигал олень. Стылую щербу отогревал пепел, без меховых рукавиц раскрыл объятия навстречу весне. С тонким чутьём и острым слухом стерегущую изюбрей лайку от озноба утешала охота. Угощал добычей полуденную сторону предка, ночью ожидал восход перелётной Луны. К бледному лучу обращался с просьбой об успехе, одарить здоровьем, добыть питание. Шаг не гасил зыбь отражения, лунный путь сгладил позолоту страсти обманчивых дней.

Осеннее поветрие

С тальника меж трав падают листья на затихшую тропу, медведь пробует иней на вкус. Мокрый олень ушёл под дождь, ухо свесил бурундук, на хворосте вырос зелёный лист. В бесконечности унылых сумерек листопадом выпцветало золочение истраченной осени. В промокшей ночи проснулась у оголённых ветвей любовь к восходящему лучу Солнца. Терзая зарю, отлетающая на зимовку птица безотрадно курлыкала недопетые распевы. Трепетом перьев, обнимая за плечи трещинки в облаках, чужа — эхо завывает метелью. Разметав сонный иней, нежный свет звезды рассвета воспламенил простуженное утро. Река шептала о льде, куржак звал меркнущие тени косматых кедров в негу перламутра. Пороховая изгарь забила глотку изюбра, куропатка выглянула из лунки раннего снега. Время быстро помчалось обновлённой мечтой, заново нарождаясь млажавой Луной. Перемены желая пережить, бурундук окликнул хвою, вразной улетающую за птицей. Уважая настроение земли и неба, в пору слякоти, кочевая Луна меняла туман поветрия.

Минувшая оторопь

Поверив в мечту, таймень продышал во льду окошко к звёздам, на Луну вздохнул жених-глухарь. В минуты прозрений со- рока трещала пустой погремушкой, вызывая суетливую метелицу. Под трухлявым стволом кедра оттаяла палая хвоя, под облака, извиваясь, бежала стезя. Стужа в душу проникла, в луче закатного солнца протяжно выл волк, подзывая подругу. На сгибе неба в прошлое тропу не найдя, Луна без оглядки скрылась в позолоте правды. Прикрывая душу дождевой ладонью, замерла на мгновение от безвозвратного счастья. Сурок свистом огласил приход весны, Луна неземным крылом рвала наледи чернотала. Ожидая безветрие звёздной ночи, вчерашний день вернулся в мёрзлых слёзках тумана. С обратной стороны непогоды зверь подошёл впритык к сумеркам оголённой вершины. Ветру оставив истраченные силы, в прозрачной чистоте равнины небес исчез зуд обид. Из летучих клочков облака без печали сотканный сон сплетался со звёздной россыпью. Слеплённое лунным лучом сердце кольнула пережитая мечта, свалила с ног оторопь. В грустном восходе зари рядом с земными заботами сквозь клыки дышала волчья стая. Не нарушая хищной игры, матёрый вожак тягался с излюбрем до исхода закатной Луны.

Ранник

Рассветная заря оглянулась на стоянку для ночлега, погас костёр, истлел хвойный сор. Меж жизнью и смертью не оставив следа падал снег к подножью горы, зазеленел мох. Олень отростком рогов ковырял Лунный круг, комья звёзд швырял в глубину распадка. Кукушка запела о волчьей стае, крыльями прожгла хрупкие надежды безумства жизни. Стадное чувство грело, манило через перевалы, кипучие водопады, вязкую грязь болот. Закипел подземный ключ у ранник-травы, искра грозы раздувалась в пылающее пламя. С Луной и Солнцем связанная светом пламени вспышка молнии рождала мощь отваги. Огонь из золы вновь вспыхивал, разрывая в клочья восставшую тьму судеб без жалости. Человек встал босиком на землю, олень истлевшие в чреве гольца ветви рогов обновил. Мерцанием инея зыркнув в очи волку, порезную траву приложили на нарывные ранки. В направлении полёта Солнца быстроногое время крутило радужный хоровод сезонов. На гору сошло озарение, дотянувшись до роскоши звёзд, заря кормилась золотом веры.

Хранитель мечты

Отразилась вечерняя мечта в ледящем рассоле проруби, птица окликнула опоздавшую весну. Маскировка отсырела от пота, разболелся огрубевший мозоль, содранный с ноги, мешал при ходьбе. Над потускневшими углями кострища растрепался дымок, спешил растаять без следа. Из расселины, забитой льдами и каменными глыбами, хлынул разбуженный водопад. Промелькнуло полыхающее золото небес, снег насладился лихорадкой талых капелек росы. Закричала мечта кукушкиным голосом, вербовкой ветвью сверкнуло Млечное беспутье. Из грозового облака снизошла молния на гору, сквозило вечностью озарённое ущелье. На незримую тропу выпала перегоревшая звезда — изломанным светом гадать о погоде. Сквозь преграду камнепада звёздная изгарь бережно одела вершину в кружева зари. Тень ползла по теснине, хвоя качалась в луче зарницы, звезда гредила взлететь в небо. Слезой свободы Луна рвала скважину пелены, звезда мыслила поделить счастье комет. Необъятная сила бессонной ночи откусила долю сумерек, рождая у утра мечту восхода. Умываясь ледяным инеем, сердце звезды не потухло золой, тлею хранителем причуд. Всему влюблённому миру гор дарил отражённое чаяние свежим срезом лунный колюр.

Стезя восхождения

Занедужило сердце оленя, знал, на земле ничего нет, кроме этой тропы по палой хвое. В небе студёном за облаками прямой путь на сырые вершины к одинокой Звезде утра. Затачивая лучом лунные рожки, солнцегрудый олень бодался с полазником оленцом. В поединках медведей и волков, оленуха-матка в зените гор рождала живые надежды. Деревья, ягель, мшарник — шерсть матки обживали звери, птицы вили гнёзда на шкуре. В весеннюю линьку, старый мех вылезал, цветы багульника покрывали вершину спины. На хребтине ледника низко от небесной гортани у таёжника набухли желваки на скулах. Смирная страсти каплями пота, по окутанной пылающим заревом тропе искал питание. Не прерывая путь живых душ, печатала оленуха на скалистой стене стезю восхождения. Новорождённые оленята шли по следу за снами на вершину скал ближе к рогатой луне. Оцепеневшие души добытых тварей по чернотропу снисходили по расщелине предков. В борение за жизнь сиротка искала маму, предел сохранял рождение и добычу зверей.

Непомерное небо

Брод перешёл по воде выше пояса, промочил две коробки серных спичек, камнем высек огонь. О топляк — затонувшую в воде лиственницу — затупил кривое остриё топора, нарубил для костра дрова. Высыпыхнула зарей, упавший с белоснежного ледника ветер нёс сладкую боль душе. В просторах тайги медведь обнимал прозрачный дождик, вспомнил жизненный путь. Весной кукушка умывалась водой, текущей по золотым россыпям захребетных миров. В нижнем небе плакало ливнем новолуние, в среднем — цвело Солнце, истаявало снега. Седыми волосами метели старушка Луна притягивала к ореолу незамужнюю подружку. Качаясь в звёздной колыбели девушка становилась дочерью души Малой Медведицы. Видимая жизнь напоминала обличие медведицы с ещё не родившимся медвежонком. Бродила душа — тень в вечной стуже — перевоплощенным предком в земной плоти зверя. Когтем медведицы дева выращивала и хранила предвечных оленей, волков и соболей. Сквозь заоблачный рот с первым падением звёзд посылала на землю лакомое сияние. Бродячий дух девы привлекался пением одинокого добытчика дарованного счастья. По любви выходя замуж за охотника, жена вдоволь кормила семью богатой сладостью.

Селезниха-Луна

Под камнем клокочет струя родника, на уставшие ноги на-липла хвоя, в пещере ночёвка. Ветер стих, погода улучшилась, стало теплее наверху, под сводами скал полная темнота. Гора прятала белую шубу под солнечные лучи, человек пошёл в по-иске пищи и счастья. На оленях петлял по косогорам, старался выживать в дебрях и в пропастях не исчезнуть. С отвесных вершин Луна проворной селезнихой нырнула в бурлящий поток талой воды. По кромкам зимы и лета ветер гудел, перелётный птах клёкотом милую утицу встречал. Гроза закаляла утёсы молнией и ледяным градом, сквозь птичий гомон гром закричал. Открыв ладони добрым знакам, над перевалом оживил дыхание отуманенный ледник. От встречи до разлуки по кронам кедров проползли облака, об иголки хвои стирая бока. С неба упавший иней звёзд пронзил стужу скальных стен, внёс незримый свет перемен. Наискосок от изогнутых в странствиях бесплодных раздумий отыскалась верная стёжка. Золотом окованная гора с хмурых сумерек воспламенила улыбку младенчика рассвета.

Безвременная оттепель

Примёрзло ухо к пуговице на комбинезоне, треснуло сердечное ребро, на душу легла неизвестная тень. Под тяжестью надломилась спина, скрылись желания, мысли ушли, проснулся туманный рассвет. Загорчала старая собака, ныли старые шрамы, болели рубцы на ногах, ломили травмы. Била судьба, чертила по сердцу, задевала нос, на ступнях ставила след, спасала от бед. Ветром иссечённый ледовый язык делал зиму длиннее лета, снег светлее в тени ночей. В лунном отсвете, уходя в зимнюю спячку, медведь корчевал брюхо берлоги для лёжки. Во сне шатался клык, когтем скрёб грани меж мирами, временем, сезонами и погодой. Погружаясь в ясные мысли моложавой Луны, от имени грёзы осматривал будущий миг. Заснула заря на россыпном золоте звёзд, отражаясь мерцанием в подтаявшей наледи. В обнимку с дремлющим медведем необъятное небо укуталось надзвёздным одеялом. От пепла сгоревших комет вечная мерзлота льда всхлипывала, слезой очищала сердце. Бессонницей сквозило весеннее дуновение через терпкую хвою запахом пробуждения. Перелётная гостя без сожаления катилась гололедицей, оживляя стылые чувства воды. Раскинув когти на перине облаков, очнувшийся от сна медведь, раскрыл душу оттепели.

Твердь небесная

Покуролесив посреди облаков, никого дожидаясь, ушла Луна, утро выдалось ветреным. Скальный пик замаячил над ущельем, забытый очаг в тени кедра замела белизна снега. Кутанная рыхлой россыпью сугробов дремучая тайга наслаждалась беззаботным сном. Ожидая реальный блеск зарева закатного солнца мечта баюкала сердечные желания. Дарующие небесные силы звезды посыпались на мохнатые ветви заледенелой пыли. Пронзал время изменением видимости заиндевевший кедр с шишкой в липкой смоле. Беспокойно вздыхая над измятой землёй, вышший свет тверди небес стряхивал туманы. В потерях и приобретениях, долгих разлуках и встречах лавинная туча сползла по скале. По краешку вмёрзшей в гору изморози бескорыстно скользил лунный отсвет надежды. Вихрем свободы, студёной метелью растворяя марево ведений над звёздной бездной. Во вспыльчивом взгляде зрачка солнца блеснул путь бесконечности из теней вечности. У каменистого брода ветер благоухал хвоей в цепкой живице и оттаявшей жимолостью.

Бабусенька

Посмеялась судьба, пошатнулась душа, хрустнули суставы, тяжесть прожитых лет опустилась на плечо. В печали речного овала с годами высветилось таёжное счастье, разорвало объятия скалистых берегов. Из марева закатного потока облаков окликнула гусыня хныкающую весну в водоворот. Размеренное стенание косого дождя потревожило истлевшие в зимней спячке листья. Дух добытой медведицы вселялся в птицу, на крыльях добираясь в тень пади предков. Пролетала по туманности Млечного ручья, со снеговой водой навыворот возвращалась. С высоты яруса неба Полярная звезда, ведая рождением, плоть бабусеньки возрождала. Кочуя по голым вершинам хребтов, щебетом о приходе лета птаха будила медвежонка. Созревая в утробе берлоги, душа малышки с меховой шкуркой получила крылатый дух. Незримый дух призраком беззаботного счастья в дальний простор за собой зверя звал. Дыханием душ коснулся нескончаемых для вечности чувств безответной любви к небу. Невидимый некто проник в берлогу лучом света, отмеряя навскидку жизненную тропу. Плотоядная душа хищника из земного чрева мрачной ночи взлетала по лунной стёжке. Чужа добычу, терзала когтями муки совести, алчными клыками разьедала честную душу.

Дарующая жизнь

В тучах прозрачная высь потемнела лицом, на ночлег укрылась в тальнике кабарожка. Накатился туман на вершину гольца, мерцание звёзд закрыл снег, филин уныло ухнул. Маточное поголовье оленей опасалось погрузиться в ледяную стужу кромешной тьмы. Вырываясь из бездны ночи, днём кочевало за Солнцем, борющимся с когтями облаков. Зализывало раны, чуя незримо обретаемую в мире силу и зависимость жизни от тайги. Кормящая мать-земля оживляла потомков ввергнутых без страха на крутизну вершин. В грозном выдохе водолея от огня пламенной молнии просыпалась семейная завязь. На камнях появлялись ростки, крепили, зрели, вставали стволами вечнозелёных кедров. Размеренная в верности прародительница из облачного вымени питала жизнь поросята. Превращая чудо в веру, ливнем не смывала зёрна в бездну, надежда грела, свет не гас. Вне сомнений из сути гибели, возвращала оленьи души в лоно Большой Медведицы. Вспять поворачивая бесконечное время, мать выворачивала вечность шерстью наружу.

Каменный зверобой

На отутюженных метелью камнях Солнце притворилось Лунной, опустились сновидения в сумерки. В пене снежных крох, защемила сердечная прожилка на волчьей свадьбе, треснула ледяная река. В вихре всевластной судьбы на исходе весна зашумела, склонила под ветром кедрачи. Без запоздалой горечи после долгих мучений всходили луговые травы в полный рост. В непроглядной тьме, каюр поднимался по извилистому дну ручьев к горам без теней. За грань выдоха задумчивой песни неведомую печаль золотого дна сточила талая вода. В преисподней скал, укутанных звёздным туманом, вспыхнула лунная заря, пахло гарью. В сумерках искрил каменный зверобой, зябко наполняя уставшее сердце ответом надежд. В борьбе бреда и счастья мылился в мокрых цветах, в росах заваривал чистотел да пил. Ощущая жизнь стойбища прихрамывающим сапогом, совесть добралась почти до неба. Об искренней судьбе думал с трудом, в дремучей чаще сыскав еду, прыгал выше луны. Пленяли рассудок странствия, выживал в ненастье, вплетался в грозовой порыв ветров. В суете нервных времён под взглядом неизменных звёзд пытался с души изгнать грусть. В лёгком разочаровании от хмурой бессонницы твёрдой мыслью веру в душе укреплял.

Золотая лилия

У хмурой реки на камне расцвела лилия не земной красоты. Сквозь мрачный туман лилия стойко устремилась ввысь, радостно покачивалась на ветру, лепестки любовались отражением

в воде. Таймень старался не задеть её тень, задумчивая лилия улыбнулась. Таймень похвалил лилию и захотел завладеть её красотой, от страсти вспенил волну, окропил тленный цветок искристыми брызгами. Гордая лилия его не заметила, красовалась на тонком стебле в росе. Скорбел таймень и решил поделиться богатством, в рот набрал горсть золотого песка и преподнёс нежному цветку, она отвернулась. Таймень пуще гнал волну, подтачивал берег, оголял золотые россыпи. Недоступная лилия посчитала их мелочью жизни. Таймень приоткрыл самородковое гнездо и пригласил земной цветок процветать вместе, лилия вздохнула.

Рухнула золотая тень в драгоценную пучину и разбудила озарявший луч. Таймень подумал и уплыл искать счастья в верховье россыпного ручья, откуда намывалось золото. У угрюмой реки на диких камнях-голышах необычно заблестели самородные металлы, в рассветных солнечных лучах у лилии появилась любовь и она засияла золотом.

ОСВЕЩЕНИЕ БЕРЛОГОВОЙ ТЬМЫ

Чувство времени

Небо пронзили разделенные звёзды, затуманилась Луна, в тень залёг трепет желаний. Ветер хлестал, мерцала капель дождей, сплетались дни и месяцы в потоке мгновений. Всегда лето сменялось зимой, в убывающем свете звёзд выпцветали листочки тальника. Отблески теплились в испытаниях сна, душа притушила боль, обрываясь в лунную тень. Гром и молния обходили грозовым кругом Землю, обозначая быстротечность времени. Вспышка рассветная мгновением заветной мощи дыхание жизни сжимала в снежинку. Ощущая пустоту забот и неистовство выживания, ускорялось и замедлялось кочевание. Доля секунды, обещающая обезопасить от смуты, новые волнения дарилась с пробуждением. Солнечным глазом вспыхивал зародившийся день, отражаясь в кипящем чайном котле. В скуке, не зная, куда себя деть, работал в непогодицу и звезда удачи тепло улыбалась. В мороз охотился на соболя, в мокрый снег кружил по следу изюбра, резко свистел сыч. В буран кабарга чуяла волка, в метель выслеживал лося, до зарева выделявал шкурки.

Снеговая гроза

Отмель застыла, ледяным крошевом оскалилось ненастье, от холода сузилось лезвие ножа. Птичьим крылом трепетала выжившая ветка кедра под напором ветра, пройдоха-сорока ловила Луну. На закатной заре в круговерти дождя и снега исчез запах смолы, забулбил чай в котле. Вспыхнули угольки огненными лепестками, дымок в сумрачном небе притушил звезду. Ночью светла тропа горя, через лунные чары снеговая гроза рыдала ледяными иглами. Встречаясь с ранней молнией, пламя костра из потёмков выхватило кружева снежинок. Огнистая тень и блеск подтаявшей изморози играл сознанием зверей и чувствами птиц. Навзрыд смеясь, перелётные птицы силой грома ловили мысль, витающую над утёсом. Погасли дневные светила, олень на звездистом ягельнике учуял аромат кочевого ветра. Распахнул объятия озноб, поблекли лучистые чувства хвои, помрачнела студёная вода. Плутая в сладкой тайне раскатного эха, по скале трепетной слезой сползал мокрый лёд. Питая намёки любви угрюмой тучи, в порогах каменистый исток в ответ волной хлюпал. Тайга примерила цветочную одежку, заблудшая птица на крыльях несла дары весны. Стая, глядя в вечность разлук, по радуге суетно взлетела в бесконечность сокрытых душ.

Пернатое облако

Протаяли безжизненные наледы, пережили суровую зиму скрюченные стужей Берёзы. Оборвалось марево, рябь волны побегала кругами, задрожала потревоженная хвоя. Глашатай ранней весны птица-странник явилась грозой в дуновении колющейся вьюги. В радужной ночи завертелся стержень молнии, в очах водопада прозрачней стали сны. Обогнув бездушное течение облачной реки, чёрное небо ревновало звёздные россыпи. Звонком клюва-погремушки, певучим щебетом упрямо задышала обманчивая свобода. Судорожно вдыхая туман морозящих слёз, оперилась в повёрнутую простыню сумерек. Очнувшись от грёз, билось сердце птицы, тёк солёный пот, лунная мечта упала во мглу. Озарённая цветочной пылью засияла изнутри и коварно попала в оковы оледенения. Пронзённая рассветным счастьем озябшая птичья судьба из судорог стужи вспорхнула. Тронув крылом лучистое солнце, летела в даль вершин воздать душе свет томления. Таёжник возвращался на стойбище, где у костра кружилась родная сестричка-синичка.

Медвежья звезда

Взлетела сова, на костре вздохнул чайник-душегрей, каюор в муках уснул под перезвон птиц. Сохатый шагами тормозил сугробы, выюга замела перевал к стойбищу, волк вышел на тропу угроз. Во всплеске ручейка белизной сверкнул сплав льда, возвращая тихую радость оттепели. Сквозь талый снег пробились всходы свежих трав к залитым сиянием сосочкам звезды. Ложь почуяла волю бездоля, истина Молочного жерла притушила туманные дребезги. Луна взлетела пылкой птицей, суета ветра трепетом жизни бодрила заснеженную гору. В стекающих струях дождевых слёз, пролётная птаха обняла крылом пугающую темень. Отряхнув сон на хвою в берлоге, медведь по брачным ухабам брёл на хлюпку трясину. Замер косолапой тучей, вдохнул изморозь туманной завесы ожидая медвежью звезду. Неуёмно билось чувственное сердце, в муках желал судьбу обновить пределом разума. Скрыв за неудачей стужу сомнений, бегущей тенью следовал за ранимой душой весны. Сырой узор лепестков бархатника таял в зареве, прорастал рассвет в первоцвете небес. Из лунного отсвета видений негасимая звезда снизошла в отражение земных волнений. В истоме грубых драк пылкая медвежья свадьба наполнялась жаром нежных страстей.

Пробуждение

Старая лайка считала взмахи крыльев птицы, несущей вес-точку, наполненную мечтой. Чинно колени поджав, человек сидел у костра, слушал: весна целовала землю и небо. Ночь усыхала, на вершине, шоркая о подтаявший наст, истирались жгучие рожки Луны. В безветрие лопались зародыши берёзовой листвы, ёлочник сумерки вытянул к зениту. Проснулся мед-ведь, толкующий кошмар, кукушка раскрыла крылья встречно-му ветру. Наперекор камнепаду обнажённый ерник отразился в наледи, сойка щебетала на заре. Прояснилась чистая кромка бересты, разочаровывая зверей мощью сладчайшего сока. Зной всколыхнул нехоженую стезю, одетый в отблеск мечтаний раз-горался багульник. Хвойным шёпотом заурчал горностай, ке-дровую явь менял на лазурную небыль соболь. Блуждающий клочок облака, оттолкнулся от звёзд, растаял в курже пихтового распада. Маялась душа, снилось капле слезы изменённое вре-мя на речных развилках обитания. Украдкой вздохнув, брюха-тая весна брела по Солнцу, внутри сердца пустоты заполняя.

Исток небес

Спросонок поверив в проседе звёздной просеки, подкралось облако-шатун к Млечному отдыху. Сognaв с крыльев мотылька, ворона утаптывала прелую сладость на слёзной проталинке. Брызнули капли дождя с клочка облака, качнулась Луна, днище родничка задрожало. Таёжник погладил обветренной ладонью мокрую от испарины шершавую шкуру оленя. Прикрытое попоной мерцания росистое счастье ютилось у основ непокорённой темени. Даром притяжения к Полярной звезде удача открыла оленю личную тропу провидения. В преддверии рассвета, огражденного скальной стеной, волнение ветра сжимало грудь. Олень пил лунный свет, заглотнул заревое пламя, бодрящий восход возбуждал сердце. В мираже, процеживая облачный ручей, от сожаления суеты заметалось дыхание души. С появлением осязаемых лучей вышина заполнила смыслом тени лунного прозябания. Чуть дыша от бессилия, впала в немилость неверной возни, окропилась брызгами слёз. В непрестанной поступи в верховье реки не остановилась врасплох явь в бесконечности. Потрепав щетину вечности, из бессонницы сумерек гроза несла пламя неземных огней. Запалённой молнией разбудила ощущения звёзд, купающихся в мгlistом истоке небес.

Осколок зари

Ветер обнял снежную тучу предзимья, тоску прибавила Луна, густел подшёрсток оленя. Иней лёг на ветви ели, ягель посинел от заморозка, качнулся чайный крюк над очагом. Морозным утром притихла пуржистая зима, в сердце тьмы вошла надзвёздная лазурь. Бросая тень на скалу, осветилась опушка ягодой рябины, а дебри — еловыми шишками. Проникнув в родовой подлесок, снегири перекликались замирающим свистом хомуса. Ссутулившись под гнётом вечного любопытства, ватага кочевала в поисках пропитания. Мылся птах в струе пурги, пил из лунного блюда, когти точил о кору кедра, клюв о хвою. На морозе зимний гость редко летал, в безуданной व्यюге засыпал пуховым комочком. В просторе наметённых заносов кроха огня напролёт коротал закаты, встречал восходы. Осколок зари алой грудью сжигал дрёму сумерек, поднимал Солнце выше рогов оленя. На поникшем тальнике шальной горностаи не ловил снегиря для пищи, обжигал когти. Не чашками с жирным краем, странствиями измерял снегирь запорошенные вершины.

Огонь мать

На перевале ветер стёр остатки льда, беркуты покинули вершины, мягкий наощупь ягель засох. Задохнулась в буреломе река, олень по ветру раздул широкие ноздри, металась птица, пронизывала сон. Выгорая в пепел темноты, истомленное пламя закатного огня нежно обнимало облака. Птица рассветного утра крылом стряхнула пожарище зари на пепелище родного очага. Выжив в непроглядных снах, Жизнь-мать собрала пламенное тепло в солнечных лучах. Велела духу Верхнего мира из пучка молний сотворить Огонь-мать для земных будней. Пешего охотника на зверя в метель небесный огонь осветил, костровой дымарь согрел. В потёмках огонь очага излучал силу посредника между лоном духов и тенью предков. Пламя открыло затвор души, сжарило налёт обид, во тьме оставляя путеводные искры. Родового костра оберегающий уголёк хранил у сердца, обсыпал пеплом оленью цедилку. Приняв в охотничьей судьбе участие, раскалённая зола обращалась в едкий дым удачи. Изгарь жгла корысть, опалила недуг, обуглила страдания, испепелила боль сожаления. Пламенеющую растопку на ладошке обносил вокруг оленухи с рождённым оленёнком. Огонь-мать у очага ждала возвращения добытчика, досыта кормилась крошками пищи.

Вязкий туман

Охая и потея, каюр плелся с ношей, берёг постаревшего оленя, чуткую душу не смущал. Страх пугал нудной жизнью после кончины, вёл в неведомый край, откуда нет возврата. Загнав Солнце вглубь тьмы, Луна тянула пролётных птиц к наконецнику Млечного пути. Вестник непогоды — переменный ветер — вырывал изморось из ловушки льдистых облаков. Свет выжег потёмки, олень вздёрнул рога в полный рост, в сырой снег впечатал следы. Шагал на ощупь в плоть силков дна и гладь камней реки под охрану приторного покоя. В хлипкое счастье утробы мерцающей дали, в рабство усталости уверила душа рассвета. В поиске разума, скитаясь под кровом ночи в травяном болоте, стужей сжигала шерсть. Нить тропы туман оборвал, лютый хищник испытывал на прочность шорох шагов оленя. Зыбкое марево тучи склоняло забыться обманутую душу в сонных островках созвездий. В плотной мгле олень помянул Свет и неведомой силой уложил горизонт под ноги неба. Касанием острия отростков рогов приоткрыл сладостью пропитанный краешек Солнца.

Смысл жизни

Белка сорвала с сучка птичью кормушку, рассыпала орех, бесшумно плакала капель, порох отсырел. Шорох осыпи пробудил обвал, на языке вертелись несчётные мысли-вопросы, не знающие ответа. Пламень костра поедал высохшие ветки хвороста, день пролетел над травой забвенья. Вечерняя стужа не развеяла сумерки одиночества, холодный огонь заката не грел тело. Смысл жизни таёжник постигал в хождениях по нехоженным тропам дремучих дебрей. Не ведая волнений, выживал в переплетении стихий до появления старческих морщин. Лишнего с угодья не взимал, сердце чужло — лихая судьба помогает в честных поступках. Без злого умысла на плечах тащил заботы, светлые надежды обитали в открытой душе. Познавая мир, рассуждал о вечной судьбе, без корысти устремлялся к рассветной заре. Сомнения точили по минутно, в угрызении совести не отводил взгляда за край пропасти. Под кровлей мироздания ощущал скрытый смысл, ничем не гордился, никогда не лгал. Усмотрев на горизонте лунный восход, ликование не терял, в досаде был самим собой. Огибая каменную россыпь, улыбался уловкам злости, под напором ветров не отступал. Пока шёл, дышал ртом, отроду не сомневался, влюблённым сердцем верил в суть пути.

Искристый просвет

Дитя солнца не исчерпал глубины жизни, мрак воцарился на дне непреложной истины. Глядел вперед на чистую тропу в пропотевшей рубахе кочевник с обветренным лицом. На вершине, окутанной просветом памяти царила тишина, равнодушием губя надежды. Услада снизошла с горы на дно лжи, дарила животным отраду, долго смотрела вослед. В солнечный полдень Зенит согрел затуманенный лунной изморозью скалистый хребет. В тени лесистого перевала, выбирая стремление, незаметно для души ошиблась судьба. Не заживающей раной совесть по жизни бездарно петляла в охотничьей ненасытности. Снежная шуба грызла мох, отзывчивая душа рыдала, в пламени огня подпевал чайник. Терялись следы на несхожей тропе, в суете безымянных ручьёв растрачивался возраст. С трудом перешагивая крайнюю черту распадка, со вкусом вдыхал смысл провидения. Выбрав худший удел, сажу жевал от искр очага и прозревал тщетностью приобретения. Радость просто жила на тропинках к прогалинам, падая на камни, слезинкой оттаивала.

Неотступное сомнение

Пойманная в паучью сеть Луна оглянулась на Солнце, заморозок кусал мох, сыч толковал былой сон. Хмурило брови облако, ветер потревожил хвою, сердце занемело, олень небом ощутил дыхание грозы. Молния пролетела, оставив на сердце грусть, в капельке росы отразился огонь жизни. Под беспощадной грозой живицей заплакала кедровая ветка, уходила весна в дожди. Озадачивая ум, встречный ветер отгонял неясные сомнения словно стаю птиц с болота. Свистело дыхание, сгибались клыки, медведица поняла, что пришла в мир не напрасно. Вспоминая леденящие морозы, в зимней спячке на уютной берлоге рождала медвежат. Путая тени в свете Луны топтала планету в поисках пропитания, глаза отражали звёзды. Когтями зажав стон в груди, сглаживая осыпи, обходя обвал, берегла кормилицу тайгу. По омуту, не зная брода, брела чрез вереницу прожитых дней, печали в грязь изгрызая. Рыча в туман, несмысленные медвежата шишковали, сердце матери отвечало заботой. Стремилась душа ввысь покорять вершины, в мареве тающих надежд землю облетала. В блеске минувших свадеб на границе обрыва судьбы рушились мечты в чёрную пургу. Луч солнца одиноко призывал к продлению медвежьей весны, чуткое эхо соглашалось.

Туманный перевал

Небо коснулось земли, в поисках пристанища не зная покоя по скалам скользил туман. Словно птица с вырванным пером, дряхлеющий олень шёл к месту вечного упокоения. Олень грудью вдыхал промозглое марево и заплутал в ответвлении глыбовой россыпи. Облачным шагом измерил замшелую кончину тропы в холодах грусти осыпного неба. На тягучем подъёме шёл по заплаканной наледи перевала, спотыкался, плашмя падал. Мглу туманов обнимая, поднял ветвистые рога к звезде поделиться душевной лаской. В мерцающем отражении волк зорким глазом заметил на висках оленя горесть памяти. В вязком запахе кедра хищник чуял следы, кричала ворона, от тревоги дрожала худоба. Лютый хищник заточил клык о лёд, когтем царапал камень, тугой петлёй стянул засаду. Голод насквозь прожигал, взвыл отошавший ветер, зубец горизонта дрогнул от озноба. Настороженно проник в зрачки отсвет Луны, убегающий рыдать в золу заревого заката. Тропя не хоженую стезю, олень затаился в снег обманным облаком, оцепенев от ужаса.

Жажда жадать

Снежный барс внезапным прыжком оседлал козерога, стоя волков пыталась отнять у него добычу. Вожак клыками вцепиться в шею кошки. Щека прижалась к прикладу, ёрзал палец, задрожала губа. Солнце уснуло, неожиданно пришла зима, в белые кружева одела кедры, ветер застонал. В мимолётных видениях трепетный лучик свободой парения пронзил жажду томленья. Снежная метель крылом приоткрыла звёздный просвет над краешком скалистой кручи. Без света тьма теряла рассудок, в кедровом кружеве горы заиндевели оголённая жизнь. Порывистая пурга стонала на судьбу, по дозорной тропинке суетливо устремилась Луна. Под властью вдоль и поперёк идущих желаний сердце смирилось с участью странствий. Ложь сжимала грудь, Луна ускоряла земное вращенье, грела вера дошагать до звезды. Хмуря туча снегом наполнила спячку, с упорным надрывом ввергая мечту в забвение. Звала понять поступь вечности меж звёзд Млечных искривлений, проторенных из мглы. В размерности пространства слились единой явь и сон, обыденная забота забыла смысл. Оленёнок чуял жажду зыбкого томления и в прозрачности ветра языком достал звезду. Тропы с вершины вели вниз, дитя на этом свете в озябший хвост воочию зрело излучение.

Отсвет озарения

Свет закатного зарева тускнел в сумерках, в беспросветной мгле рождался луч рассвета. Ветер неприкаянно блуждал по свету, завершив странствия птица возвратилась домой. Олень чтил огонь, воздух, воду, в ответ эхо пело гимны, ходкая тропа назад оглянулась. Угасало время в бесконечности будней, повторялись заботы с восходом Луны и Солнца. Стадо стороны света замкнуло, сердце стучало, дышала душа нежным чувством жизни. Глаза заблестели чуть заметным чаянием на удачу, колкий наст вымерял след щерицы. Добрых желаний знамения, звали жожака насквозь кочевать по непролазным дебрям. На ощупь, преодолев перевал, раздирая сердце в клочья, с ветром стал единым целым. На надломленную наитием чашу из полубреда снов упал отсвет, смыслу подводя итоги. От тоски веру терял, в зенит тянул лунные рожки, взаимно звёзды отвечали мерцанием. По грани терпения судеб быстротечно старилась Луна в ожидании зарождения мыслей. Взошла — начало всех надежд — заря, от дремоты пробуждая земную суть озарением утра.

Видимое единство

Не поделив лося, нелепо закончился бой снежного барса и медведицы, на запах пришла россомаха. В логове за пищу боролись котята, у изнурённой матери медвежонок зализывал рваные раны. Сон сбежал, бессонный ветер у изголовья вздыхал при Луне, зверь жаждал отмщенья. В новолуние слушал шуршание птичьих крыльев, поутру взирал на тоску наваждений. В поиске совершенных снов медведь покорил иглу вершины, обошёл ущелья, ручейки. Испытанный истиной, сметал душевную смуту, старался осознать и оный и данный свет. Прельщало омытое дождевой слёзкой счастье, встречал добытое радушие лунной тени. Менялись сезоны, направления, зимовки в берлоге, возвращал ушедшую явь в начало. Шёл прямо внутрь вечной близны снега, отражал звезду в глубинной пропасти будней. Единство волчьей борьбы высветило чужесть, замерло в груди дыхание, топал за сутью. Засучив клык сопел холодом на ледник, истекал талым потом, мех бил в каменное дно. Рычал в спину птице вьющей гнездо в игольчатой хвое кедра с весенним щебетом душ. Наблюдал дрожь на склоне горы в цветах золотой кашкары от незримого порыва ветра. Сбросив шершавый груз вылинявшей шерсти, подшерсток облачался в солнечные лучи.

Слезка счастья

Опираясь на звёзды, из обрывистого ущелья вошла Луна, озарив оковы заснеженных вершин. Воспомидало о прошлом неисповедимое сердце, постигнуть будущее стремилась душа. Земля-мать под бременем чужих забот не пряталась от невзгод, лишая везения оленей. Бросала заношенный ворс — шёл снег, дула — вздымала ветер, чихала — грохотала грозой. Дышала пламенем огня молнии, хныкала росинкой дождевой, дарила спокойные сны. В крепкий мороз в оленьем обозе у важенки застывшая слеза на жёсткой щеке оттаяла. С душевным подъёмом кочевала за маточным стадом на перевал, бродила по ущелью. Услышав стук крохотного сердца, изнутри прораставшая жизнь шептала имя на радость. На ковре опавшей хвои олениха-мама принесла потомство — новорождённого оленёнка. Малыша не объяла тьма, он спешно встал на босые копыта, не отходил от забот и ласки. Радуюсь, молча по-детски всхлипнула мама, расплакавшись светлой капелькой счастья. От злой силы напастей и лютых волчьих взглядов прикрывала малыша душой-судьбой.

Тропа судьбы

В пасти хищного волка в ознобе задыхалась кабарга, смолой сочилась хвоя, в ущелье таял лёд. Вслушиваясь в стук сердца, голодранец-вихрь разогнал стаю птиц, лайки вперегонки обнюхали следы. Укрывшись за ревым туманом Солнце уснуло, остыл ветер, замирала прохладная осень. Ночью горный хребет через марево цедил дождь, потушил чувства опадающей листвы. Чуждое покою сна грозное облако молнией задело скальную грядку, разбудив оползень. Знаком птичьего взмаха горный дух взошёл на заснеженный перевал встретить рассвет. В поиске добычи звери побрели по таежным дебрям на изгибах окаменевших вершин. На признак запаха, на звук и шорох уходила из нервов вялость и природная праздность. Лунный отсвет спас стадо изюбрей от своры собак, небытие дало провидениям смысл. Во тьму замирания звёзд подкралась рысь, в листвяке взволнованно затаился соболь. Эхо окликнуло сову, иступлённо рыскал медведь-шатун — у росوماхи отнять чутьё удачи. Лисица выследила по следу зайца, цепкими когтями беркут схватил робкую кабарожку. В заросли кедрового стланика упал тетерев, в россыпи камней горностаи давил мышей. Олень услышал алчущий перестук волчьего сердца, снующего по тропам путаных судеб.

Объятия наваждения

Солнце потухло, внезапно взвыла вьюга, снег стучался о шкуру, мелькнул вдали изюбрь. До потери разума мучил голод, истекая кровью, задыхаясь от погони, догонял жертву волк. Не изменяя надежде, вечно ищущее сердце медведя-шатуна не устрасила волчья стая. Открыв душу Луне брёл по судьбе, рассуждал об ушедшем времени к последней тропе. Немеркнущая звезда дала заблудшей душе у конечной черты нащупать стезю спасения. Таяла наледь рек, роптала слезами проталина, шатун нашёл целебный остров черемши. Боль от наваждения воле делала силу, страдая от истощения, зверь грыз медвежий лук. Снеговая вода прибыла, исхудавший медведь наудачу устало прошёл бушующий брод. Слепо улыбнулся заре, темень берлоги осталась в кривой излучине на каменной осыпи. Подъём на буреломный перевал оказался не по зубам, к росомахам задираться не стал. Разрывая в локуты туманы, усердно когтями в спину подталкивал восходящее Солнце. Кочующие облака обнялись с изнуряющей страстью, засвербели о медвежьей свадьбе.

Огарок искры

Грозу таёжного мира — росوماху — уважал волк, она дерзко отнимала добычу у лисы, рыси и медведя. Наперекор ненастью рыдало трепетное счастье, волчья стая оставила росوماху с прибытком без боя. Золотые зубья вершин догрызали гаснущее Солнце, померкли узорочные сумерки зари. Сквозь заревой оттенок облаков прилетел ветер, прорежи дождей вонзились в мечты. Не искажая истин, эхо вдохнуло грани риска суетных дел в огарок луноликого медведя. Каюр увидел во сне дар неба, грома искра, стрелой молнии рубила тучи и стволы кедра. Избранник устрашающих духов, добыл силу — предрекать ненастье, бурей мыть смыслы. Чадающий огарыш завернул в колыбель души, оголённая мудрость зарыдала озарением. Тлел светляк, в глухом провале потёмков оттепель оживляла плодородную живицу кедра. Слышал голос растений, понимал зов предков, закатом и восходом любовался от души. Чуял тепло ненастья, разговаривал с небом, сойка-пересмешница отвечала на вопросы. Ниспадая в отчаяние — укреплял дух, слабодушное нутро излечивал от недугов холодом. Во вспышке корысти обугливал душу в камень, пламенный дух страсти сжигал до золы. Заглянув в очаг зари, светец сил озарил соблазн, попутчиком пеших облаков улетел сон.

Разруха чувства

Бороздка Луны смутно сияла во тьме, наедине со звездой изюбрь жевал мокрый снег. Лось торил путь к летучей дымке в оправе зари, оставляя след для весеннего медведя. Вращаясь в вихревой пурге, печально терзаясь, талую наледь топтал радужный ливень. Над облаками в тающих небесах синичка крылом засветила рассветную бесконечность. Знаками кружила, сердце разбила, душевные силы утратила, пена выступила на языке. Взлетая к затуманенному счастью, искренне улыбаясь, клювом резала неоглядную даль. В мерцании Утренней звезды исчезло терпение, распутная Луна сделала плоть тленной. Падая в беспечность солнечного восхода, птица не сгорела, внутри ощутила горечь мук. В брошенном гнезде исчезло бремя раздумий, пылкая душа разорвалась на капли слёз. Вершину закрывала стена снегопада, опустошение скрыло разруху замороженных чувств. Между затвором стихий синичка, обгоняя время, перьями толкала зыбкий свет вперёд. Отражение заревой мечты согревал луч, скребущая боль успокоилась ключевой водой.

Тишь безмятежности

Изюбрёнок забрался в западню, ногой запутался в тенётах стального троса и увяз в трясине болота. Дитя страдало от раны и голода, теряло силы пытаясь освободиться, зубами грызло стальную петлю. На рас-свете стемнело, Солнце за-шло за Луну, свет пропал от света, потемки стёрли тени. Сжатый в горсти золотой песок, поскрипывал и высыпался меж натруженных пальцев. Бурей облаков кружился пропущенный сон, трелью птиц, улетающих вдаль, вторило эхо. В рассыпанных лучах света на мшарник упал печальный лист берёзы, олень ел обабок. Ягель сеял семена, стили чувства упрямой хвои кедрачей у размокшей от дождей реки. Просветы туманные срослись с запутанной в камнепадах тропой затенённого перевала. Изюбрь заставил выживать стадо, в согласии с тяжким шатанием к мечтательной удаче. В уюте Вселенной ветвистыми рогами раздвинул марево, грудь подставил ветру славы. Крупными глотками жадно хлебал росы звёзд из бодрящего источника Млечной речки. В безмятежности и покое, тишине и озарении с первым лучом рассвета проснулся волк. От бессонниц наполняясь таинственной мощью, плача смолой, ель к небу тянула крону. Луна укутала изморозью берлогу медведицы, изюбрь шёл навстречу негасимому свету.

Подношение звездам

В лучах закатного солнца, всколыхнув облака в поднебесье, птицу испугал порыв ветра. Легла тяжесть на сердце, стрекот пробирал до костей, в лезвии ножа отразилась слеза. По календарю Луны лиственница прятала горечь сожаления в радость весенней смолы. Изгнав сомнения, старик медведь учил медвежонка подношению стихиям огня и воды. Силой воли ходить по тропе от истока до устья и удалять соблазны из ранимого сердца. Доверяя власти новолуния, с нетленных звёзд стягивать шкуру с несправедным ворсом. Присоединяя плоть и разум к приглашённым духам, из тени берлог высказывать мечту. Пропускал молнию в сердце, затуманенным взглядом вытряхивал пургу заслуг с бубна. Духи защищали от бед, даровали суть счастья судьбам тайги, отводили в сторону тоску. Камлал для лечения и удачи, пепел сыпался на язык и надежда обретала крылья ветра. Совершая хождение в Верхний и Нижний миры, душа учуяла нутром челюсти безумия. К клыкам добавлял когти и гордая душа не слабела, терпеть не могла жизни бездушие.

Птичье рыдание

Шмель взлетел с медуницы, медвежонок угодил в капкан, сшитый колодой из сырого листвяка. Бедолага рыдал от боли, волочил за собой колоду, оставлял след, клыками расцеплял тиски горя. На исходе не воспламенилось Солнце, вздохнуть не смел ветер, слезы не лило облако. Без хвоста, когтей, крылатых перьев ходил прямо на лапах предок, схожий с чело-веком. Бродил по тропам вверх к перевалам, ведущим вниз ущелий, засыпал в сыпучем снегу. С медвежьим клыком-оберегом в безопасности от лютых хищников выросл таёжник. Возжигал чувства в сердце, называя родными именами кровных братьев зверей и птиц. Сжимая страх-голод в череде студёных дней, охотился на спящих в берлогах медведей. Возвращался с добычей, птичьим рыданием приглашал гостей к сытному подношению. Очищал с костей лакомство копчёного мяса под перепляс пламени в кочевом кострище. Вороша старую хвою, горько ворон каркнул унылую песню, дрогнула сломленная душа. Испросив прощение, на окрашенной золой лиственнице упокоил шкуру и голову зверя. Привкус слёз о вольной судьбе добытого деда снежинками встал поперёк птичьих глаз. По воле Луны в пустоту стылой тайги за уснувшей душой ворон вернулся летучей тенью.

Нрав дыхание

Заря застыла полоской прохлады, сквозь сухие сучья слетел лист, орёл улегся на ветер. Внимая стенанию мощного сердца, на усыпанную галькой реку присела усталая птица. Под звёздным вихрем на Мировом древе жизни небом орошались незабвенные нравы. Подъёму ввысь помогал дымок, улетучиваясь за облака от вспышек ревнивых молний. Внутренний огонь дарил видимость пламени, закал горел дотла, изгарь веяла в сердце. По ходу Луны отдувалась стареющая душа, перерождаясь по Млечным нерестилищам. В испытании очищалась, вернулась на омоложённую хвою, засопела на плече звезды. Жизненной силой искала заблудших оленят, маточное стадо меж трёх миров охраняла. В лютой наживе нелепо несла доброту, счастьем взахлёб пыхтела, солью слёз исцеляла. Давился характер в корысти, в погибельном смерче стяжания душа-дыхание выживала. Кормила единый поток вечной жизни небес, соединяя уклад с пространством предков. В окружении насытых хищников размножение приплода охраняла в основе Вселенной.

Надзвездный волк

Матёрый волк с охоты брёл к логову, позабыв про осторожность, от трелей птиц млело сердце. Волк угодил в ловушку, отгрыз себе ногу, но из капкана не выбрался, слепая петля сдавила горло. В непогоду спрятались небесные тени, сумерки окутали муки души, ум зашёл за разум. Пробилась горячая слеза, проснулась кипящая жизнью тайга, посветлело сердце вновь. Сквозь темень, бросая слепящий отблеском оскал, навстречу бессмертию спешил зверь. Небесный волк неукротимым смерчем пронёсся по звёздным искрам Млечного крюка. Восход молодой Луны заревой горизонт пронзил страстной волей из пурпурной каймы. Чужая шаль с шальным запахом, добывал охотничью удачу, терзая печаль ветхих следов. Лютый хищник за свободу платил жизнью, в безумстве мучения голодал и терял мысли. Сумрачным знаком мечты в судьбе, тенью слёз беззаветной любви отходил от невзгод. Желая выжить без сожалений, со стаей светил вожак оценил совершенство стремления. Из объятий ночи пробирался по кромке раннего рассвета, возгораясь в утреннем зареве. Под навзничь спадающим во мглу светом по-волчьи выл на закатные лучи косой Луны. Сбивчивым дыханием покусывал за холку молнию в сладкой свежести грозового ветра.

Кашкара золотистая

На заснеженной вершине ветров у вечнозеленого кустарника с темно-бурой корой расцвели цветы кашкары, в лучах зари золотом заискрились лепестки. На блеск внезапно проснулся

повелитель судеб северный ветер — Хиус. Хиус нежно ласкал лепестки соседки и исполнял желания. Благоухал цветок, тонул в охапке внимания. Ветру взаимности показалось малой, он одарил цветок дыханием любви, Словно пойманная в силки птица затрепетал цветок, потянулся к Солнцу. Хиус холодом пронзил насквозь сердце цветка, от бурной страсти кашкара склонила голову в моховое одеяло. Хиус поменял характер и задышал нежным дыханием, цветок разогнулся. Хиус всей мощью обнял цветок, задыхались ранимые лепестки от восторга. Хиус выдувал пыльцу, цветок стонал от боли, но не ломался. Сердился Хиус, из-под корней куста выхлѣ-

стывал камни, цветок цеплялся за скалу. Хиус порывисто бил, цветок закрылся ладошками-листьями. Хиус стужей обжигал, упорный цветок в стылых слезах нектара сочувствием согрелся. Хиус мѐл снег, резал стебель ледяным крошечком, стойкий цветок увядал, но не сдавался, Хиус не почувствовал слабость цветка и удивился. В безветрие, похожие на золотистые осколки Солнца, цветы кашкары цвели на снегу для собственной радости.

ЛУННАЯ КОЛЫБЕЛЬ ЗВЁЗД

Лунный поводок

Слепой дождь моросил сквозь солнечный луч, в жилах радуги струил озорное пламя. Трепетал кедр, ливень стучал по камню, брызги сбивал ветер, на хвое мерцала капель. Вокруг небосвода мотаясь, за скалистые вершины снизошло уставшее светить Солнце. Заря волновала стылую мглу, тайком растворялись сны в промозглом угасании заката. Породнив дно и купол необъятной выси, волками окруженный медведь оскалил клык. Верой в удачу, обыденностью разлук и нечаянностью встреч обреталось счастье отрады. Блеснуло окалиной оскудение звёздных слёз, укрепилась судьба в Млечном ошейнике. Открытая душа загадала желание, глубину очей пронзила надежда, грусть жгла сердце. С заснеженных хребтов почтенно вливалась непогодица в просветы затухающей мечты. Не громыхнув, гроза замерла, сорвав намордник, молния затянула огнём шею урагану. Искристой пылью присыпанная просека стихии запутывала в узелок лунный поводок. Облако уютилось на горе, отразив лёгкую тень улыбки, прозрением звёзд мерцала ночь.

Время сновидений

Наскочив на камень, треснули лыжи, рюкзак потяжелел, за-
ныла спина, пальцы натёрлись до боли. Обвела взглядом горы,
развела костёр, на вдохе в груди потеплело, ушло недовольство
собой. Завыла вьюга люле-
чую песню, снежинка упа-
ла с хвои, волк распутывал
следы изюбря. Ворсистая
метель баюкала в снеговой
колыбели тетерева-косача,
не могла уснуть лиса. Ссу-
тулившись, кромка луны
укрыла звёздным покрыв-
валом заиндевшие ветви
кедра. Из заледеневшей
пелены медведь пригласил
бурундука-соседа на берло-
ге вздремнуть. Во вьюжной
тайге не замёрзло дунове-
ние очага, таёжник верхом
на олене гнал соболя. От
жгучей стужи в полуночи
украдкой стонал огонь ко-
стра взаперти скрипевшего
чума. Нахохлившись тоской
бессонной птицы, взмыв,
пламя соединило мечту
и веру воедино. Одарённый
нежданным намерением не
истратится духом, уголёк оживил мощь в золе. Кружились
в небе мёрзлые письма созвездий, из проблеска туч явились
сновидения. Тратя жизнь в туманностях Млечной лазейки, впле-
тал мысли сердца в онемевшую губу. Олень солнечного мира
дыханием луча коснулся укутанных в снегостав обиталищ птиц.
Восход пробудил светлое время рассвета, тень предчувствия
просила обернуться весну.

Рогатое светило

Луна упала в облако, туман лавиной сошёл на землю, сырость поползла по распадку. Духотищу навевал ветер, задрожали лепестки кашкары, потревожив ястребиную сову. Посланец небесного поля — олень — рогами толкал Луну, светом и тенью топтать мох тайги. Вывернув шерсть вздора, просил светило вытянуть хворь из заснувшей души оленёнка. В раскатах грома пустели ответы, взлетела птица в надзвёздные круги вспышек молний. На Млечной лежанке сова уханьем угостила Луну, светило на миг осадило иные миры. Луна раздула ноздри, на рожденное сознанием истощение наклонила величавые очи. Свежестью очищающего дыхания и кротким отсветом луча коснулась немощи телёнка. Безмятежный вздох лунной глотки стёр впечатления бреда, сердце оленца проснулось. Чуткая душа рогатого зверя казалась ласковой, бдительный дух знакомым, сон явствен. Учувя сличение двойника, ушла лихорадка, малец сквозь время убежал за границу сна. Притянул рассвет узором лунного сиянья, побрёл по ягельной вершине навстречу стаду.

Млечное Солнце

Спину гнула капризная ноша судьбы, усталость свела ноги, сердце сжалось в камень, удача шла мимо. На ухабах выдохлась душа, пугала слепую лень, сон разорвал в клочья оставшиеся беду и горе. В закатном пламени огня прояснилась тьма, померк свет, зябкий вечер сватался к заре. В сумерках бессонниц абрезжила зарница, проспала восход, упустила рождение звёзд. Безоблачный небосклон в глубине ночи расстелил молочные соски льдистых созвездий. За голой вершиной изморозью умывался рассвет, прогоняя тучи тьмы, помятые мечтой. На прокисший перевал по трещине скалы, словно капли молока, спадала иневая мгла. В близь взошёл росток зародыша солнца — досуха выдоить тугое вымя души зрелой луны. Пылкое Солнце в прохладных объятиях Луны сблизило росистый покой с сытым удем. Забылось в сновидениях затмение, под вдох и выдох Утренней звезды ветер шелестел. На хребте ледника поскользнулся туман, Луна упала в каменную падь, Солнце взлетело. Скрытная птица оделась в сияние заревого отсвета, вершина упёрлась в дойное марево. Души птиц и зверей из млечной пелены тянулись в светлое гнёздышко небесной любви. Нежно увядающее утро в ранимом сердце отразило схожий со снежным оперением день.

Тень пламени

Преодолев разрыв во времени, молния сторела лучом вожделенья и вернулась на миг. Замерла вереница ветвистых елей, в воде отразилась туча, овеванная былыми мечтами. Кочуя по скалистой крутизне распадка, на грани камнепада у сохатого замерло сердце. Мама оленей — Радуга — упивалась росой, облако горечь выплакивало дождевой слезой. Небесный олень отростком рогов склонил в логово выгорающий уголь старого Солнца. Высек копытом искру закатной зари на остывшую темень верхушки каменного забора. На уснувшем стойбище истёртый лунный отсвет боролся с тенью от очагового пламени. Тлеющая гарь разожгла россыпь золы, в ожившем огне промелькнул заблудший ужас. Проблеск вырвался в сумеречные дебри, пережигая туман, застеливший личную тропу. Перепрыгнув чурбаки в вязкой топи, в чернолозе лося терзала разъярённая волчья стая. Дар неба Облако-олень белее снежной вершины не гневил за озноб запутанную судьбу. Хранительница пламя очага заботливо приручала ложечкой соли вкус лосёнка-сиротки.

Росное утро

В уме путались расчёты от прожитых невзгод, меж бровей легла морщина, от тревог ушли заботы. Бледнело лицо от бессонницы, сгинула тропа от перевала до звёзд, к ждущей старухе-старости. Ранним утром очнулось Солнце, та-яла уставшая лунная тень, зарыдал одинокий олень. Сладкие сны пошли слушать эхо, на ягеле следы мокрых лап от росы оставил медведь. Под солнечным ветром сгорбилась комета, хвост заплетала в шубу Малой Медведицы. Звёзды мигнули и затаили выдох, озябшие туманы выжигали наваянные снами грёзы. Лунный краешек, окантованный огнём утра, тонул в сумерках, шире простирая крылья. Вывернув нутро зенита из пламени, наитие внешнее озарение спалило в сокрытой яви. В дыме заблуждений потаённое чутье проснулось в раскате грозы, потревожив радугу. Ледяная слеза марева коснулась щеки восходящей зари, звезда душу отдавала за душу. На незримое течение пасмурного безветрия опрокинулась бесплотная шторка рассвета. Свежесть росного утра отразила силу чувства Луны, пронзённую выше вспышек зарниц. Обезумев в облачном пухе, молния в крохи ломалась от равновесия светозарных лучей. Желанную усладу звёздных шестивий отхлёбывал солнечный рот из росистой чаши неба.

Угощение Весны

Раскат грома разбудил медведя в берлоге, оставив позади невзгоды расцвели всходы. Взлетела пелена тумана, истомившись от ожидания кедры, шурша, распрямили кроны. Лунную тень шли засыпать души, мужья просили светлый оскал послать жёнам детей. Таёжницы умоляли круглую лунную глотку давать мужьям оленят и охотничью добычу. В смене фаз встречая обновлённый зуб Луны, девушки исчисляли сроки деторождения. Лунная мать дала мальцу душу при пробуждении, кровью плоть наполняла мать Земля. По краям пребывания душ тлела непогашенная жизнь, навевая исход суетной гибели. Кочевод почитал Луну как светильник ночи, влияющий на тропы судьбы шагами охоты. В затмение, лунной выпечкой в золе костра отгонял стаю волков от материнского стада. К рогам обетных оленей вязал куски материи, снег Луны принимал вид живого молока. Завершая сезон, за достаток отдаривал растущий лунный рог вихрем звёздной пыльцы. Из млечного льда лепил фигуру оленя, угощал рот Весны лучом, идущим от света Луны.

Лунные сумерки

Звезда вечера разжала очи, хариус из нерестилищ растолкнул лёд, птица протянула курс к гнезду. Скальный выступ спрятался в зарю, фыркнула сова, возлежа по-медвежьи, пешеход олень заснул. Разогнав облака с небес, ветер приутих, лунные сумерки прояснили дебри в расщелине. В неведомой дали прозрели звёзды, ниспадая одна за другой над скалистой вершиной. Над накипью прозрачного ручья склонила голову земная вершина, тихо ожидая вечер. Из перепутья бытия на крыльях угрюмого тумана подлетела тьма к скалистой западине. В тлеющем зареве зари чуточку знобило лунную душу, разбитую на звёздные осколки. Лунное остриё внимало себя частью нетленности, дарило хищной стае лунную просеку. Качаясь на хвосте пролётной кометы, по-волчьи тоскуя, Луна кривила рожки в просвет. Утаптывая логово, волчица будила страсть светил, увлекая вертеться по полному кругу. В неизбежность судьбы возвращалась мгла воспоминаний, урон шёл в сердечную боль. Из опыта и обид ощущения сыпались в пустоты потёмок, мечтания застилали полумглу. Пожухли осенние чары эха, чуткие звёзды взирали с высоты на осиротелый лунный пух. Странница сипуха куталась в сумеречную тень меж туч, тайга погрузилась в зимний сон.

Настоящее будущее

Кедр облепили рыхлые комья снега, углубился олений след, пришёл в гости медведь. Белка юркнула в кружево хвои, душу тронула смутная тревога, по телу мурашки ползли. Прикасаясь к протяжённой стихии вечности, чувства и ум духов времени одушевлялись. Нисходили со звёздной тропы Небес побродить по Земной реке и заглянуть в будущее. В новолуние растягивались от истока до устья, заходили за края потока в Нижние миры. Из прошлого, по сезонному выбору, в осенний гон замерзали, в весенний отёл оттаивали. При затмении светил настоящего Среднего мира соединяли сутью будущего с прошлым. Миг приходил, уходили из памяти периоды, ожидая из Звёздной двери лунный восход. Из минувшего вырастала Луна, посадив птенцов на гнёзда, будоражила сонное счастье. У скола стороны Луны неожиданно просыпался гром, нарождалось дитя зари — оленёнок. Взлетая над перевалом, извиваясь в ущельях, духи времени птицей опережали погоду. Изменялись лунные очертания, лунатик-совушка следила за течением живого времени.

Тропа в рассвет

В заботах о стяжании достатка, от суетной славы тень от солнца бежала, наполняя ум печалью. Избегая погони сердца за счастьем не росли мечты, мозоли упирались в сапоги, вспоминался зазимок. Ветер накренил гнездо, в бездонной тьме остерегалась злой ненависти стонущая птица. В свете предрассветной звезды ночь расцвела багульником, лося манила позолота утра. Зыбкой полоской взошла заря, разбудив в таёжном сердце сучавшую бурю сомнений. Лента из ткани звёздного цвета задрожала от изменения размышлений о первом снеге. В горные вершины и дно глубоких расселин вплетались утренний свет и вечерние тени. В томлении обнимались горы и небо, в мгlistую даль отползал сгорбленный горизонт. На перекрёстках извилистых тропинок разлук, оглянулась надежда на тленное счастье, по восходящей линии в настоящее, оставив на опавшей листве следы ушедших закатов. Об истраченные мечты выветривалась тропа, обрывая мнимую лужгу в спорную судьбу. Спотыкаясь о сущность времени, смутно верило направление в мерцающее торжество. Падая в сновидения, опираясь на отражения, стезя веры упорно поднималась в рассвет. В потёмках ощупью искала просветы, а встречала на вершинах восходы Солнца и Луны.

Звёздное логово

Зима появилась из дымки на горизонте, снег белым покрывалом укрыл опавшую хвою. В хмурые будни мудрость не согревала леденеющую душу, человек запасался хворостом. От выдохов мороза-шатуна растрескалась слоистая наледь над задыхающимся озером. Белка оживлённо поднялась поверх снежного навеса, укрывшего шишечки пихтовника. Озарил рассвет беспробудное сновидение с мимолётным ощущением душевной тоски. В сумерках заоченел березняк, ледовитый луч царапнул жаркое сердце спящей птицы. Одинокая Луна устало согнула спину, невзначай зацепив край помутнённого снегопада. В мёрзлую высь взлетела вьюга, засверкало искристой изморозью оперение куропатки. Облако-сиротка пыталось уснуть у выстуженной кромки гнезда, насиженного светилom. Хлопал крыльями поползень, стрекотала сорока, собирая озябшую чернику в болотище. Вихрь тербил крылышки синичек, созывая свиристелей прогуляться по стылой метели. Мерцала зубчатая вершина, во всполохе огненной зарницы оттаивало звёздное логово.

Мохнатый дедушка

Медведь без одной передней, но зажившей лапы, вновь попал в капкан, ревел и рыдал от боли. Выворачивая петлю наизнанку, крушил вокруг тайгу на куски, вырвался из ловушки-самолова. Медведь вёл себя вызывающе, не испугался жилища кочевой семьи и задрал оленёнка. Стенание детеныша волновало олениху и она лягнула лютого зверя передним копытом. Охотник не питался мясом копытных животных, задавленных разъярённым медведем. Не грозился, не смеялся, не лгал, не грязнил, не хвастался — зверь наказывал обидчиков. Дедушка понимал сказанное про него скверное слово и вырастал до злостного шатуна. Собираясь на промысел, человек поступал без суеты, спокойно, обдуманно снаряжался. Подходя к отдушине берлоги, будил хозяина тайги лучом света упавшей с неба звезды. Добыв когтистого зверя, отводил вину в челбак, выпрашивал у души-разума прощение. Снимал шубище с родного братишки, махал руками, словно ворон птичьими крыльями. Верил в важность смысла духа-хозяина, присущий возврату в логовище медведя-предка. Защищая ощущение души, мастерил обереги из различных частей могучей плоти зверя. Связкой амулетов в охотничьей сумке сохранял отнятые шерстинки, лапы, клыки, когти.

Полуночник ветер

Когда в душе не светило Солнце обрывки дыхания становились песней о разгаре звёзд. Сквозь бурелом и осыпь на круче полёт от сердца до Луны птицу к вечности приблизил. Призрачного филина небесная сила души увлекала в высоту нескончаемостью облаков. От невзгод, подставляя грудь урагану, лютый зверь закалялся в палящих шипах молнии. От сурового завывания протяжной метели укрывался в дуплах, снижался в сновидения. Не выгорающим дотла сердцем чувствовал бессмертие обветренных выюгами крыльев. Со спокойным дыханьем ждал восход Вечерней звезды в просветах ледяного падымка. Слетая в подлунные страсти, терпел муки наваждения, из туманов потерь возрождался. Хищной тенью без сомнения к тверди скал ниспадал, ввысь взмывал с добытой пищей. В вихрях перемен скидывал оперение, лечил увечья души в пламенеющем зареве зари. В рассветном навесе подгибал острые когти, в тени провидения замирал явной птицей. Обустраиваясь в гнезде в неурожайный сезон угощал добычей синичек и семью волков.

Глоток молнии

Каюр набрел на разорённое логово, скалу отрешённо прижал к спине, до дна испил отвагу. Ночь напролёт выла волчица, старалась освободить волчат, привязанных верёвкой к палке. Нежность закатной зари выгорела дотла, озябшие туманы взлетели вслед за Вечностью. Шуршал ветер в туче, ночь искала начало в конце грозы, ливень — улыбку в слезах грома. Ёрзая в небесной берлоге, о торец Луны чистила звёздную шерсть Большая Медведица. В сжирающей тьме отлежала лапу, внутрь пасти рыча, повернулась с живота на хребет. Бок о бок с пыльцой звёздных дождей выползла на искристый припёк разъятой тверди. Надвое с жалостью в страхе зевания поперхнулась глотка глотком загустевшей молнии. За вдохом втянула застрявшее выдыхание, испуганно откашлялась вспышками пламени. Равнодушно между мглой и сиянием сердца чувала прошлое, в душе мечта задыхалась. В зените Вселенной заикнулась ветром, мгновение смысла впитало опалённое зарево. Сквозь хлынувшие тени озарилась душа, сдвинув поволоку сумятиц за грань вечности. Когтистыми звёздами зачерпнула Медведица не рождённые души из заката к рассвету. Блестя знамение судеб, поток ниспадавших светил отразился в утреннем плаче росы.

Утренняя луна

Необозримо цветущий шиповник туманил взор, к дебрям подступила весенняя грусть. Спокойное курлыканье затаившейся куропатки отзывалось в душе, не возвращая дни. Заревом заката окантованное Солнце ворвалось в объятия лунной льдины и померкло. Раздетые вершины наклонились к распадам, ослабили мглу сумерек в пламени зари. Озарённая душа Вечерней Звезды получила силу над страстью ударов огненных стихий. Склоняясь к Нижнему миру, тьма перешла крычинчик по крошеву наледи талого ручья. Тайной затмения марево небес в воздушной мечте изъяло уймище чужеродной жизни. Ледник отразил перекрёсток оленьих троп, потускневшее светило затеплилось звездой. Зеркало Вселенной загорелось желанием растопить зябкий озноб в сонных очах Солнца. В борьбе за день и ночь шагнуло навстречу лучу Луны, осветив чернотроп лютых выюг. Сумерки окутали мерцание Утренней Звезды, возвратив рассвет из слепоты снежницы. Вошла Большая Медведица в лунное утро, явив мшистый ельник прозревшему Солнцу.

Блуждающий след

Таёжник добывал молодых волков, нападающих на стадо оленей, матерых не обижал. Вернувшись на стойбище, на слежавшихся за ночь песках находил свежие следы волчицы-матери. Небо безбрежно коснулось горных вершин, за облаком укатилась прочь беспечно мысль. Сумерки дождя сокрушили отметину крупного рогатого в мерцании опадающей хвои. Волки вышли на охоту и встретили росамаху, несущую из безлуния добытого сохатого. Стая пошла за ней след в след, чуть затереть отметины прожитой охоты в чуждой душе. Добытую душу превращая в оттиски высшей жизни медведя, лисицы, соболя и ворона. Предоставив волкам ломоть от туши — копыта, рога, клык — почуяла удушье и ком в горле. Заклинал язык: честь нрава своры сохранить в отражении потерянной души в полнолунии. Из логовища памяти оттолкнулась лунная молодлица, душа в кедраче оживила медведя. Пурга била в спину, волки гнали шатуна, сцепляясь за голые пятки, лаская душу-мысль. Соскобленную душу щекотали клыки и когти, волки разрывали шкуру минувших ночей. Задавленная в покое и искании, душа-разум отвечала чувством постигать сущий смысл. Задев дух волка, теряла будний гнёт забот, угасала в дёснах забытья душа звездой слёз.

Потепление сердец

Затужила скала, ветер всколыхнул корявую хвою, дятел коллот шишку в трухлявом суку. Истлели лучи студёного Солнца, раздумья о мутном течении жизни канули в вечность. В небе обветшали бродячие кометы, выгорали метеориты в ожидании потепления душ. В отсвете последней Луны на тропе зимнего года ветер перемен перепутал суть истины. Птица-бормотушка пикала о солнечном сплетении судеб в узелки очерстневших сердец. Отрезав крылом от вьюги метель, из бурана верещала оживить замершую жизнь тайги. Растущее Солнце вышло на изгибы невинного снега, сжатого стылой изморозью зенита. Топтанием на когтях из затмения вышла Луна, туманность растопила на цевошнике лёд. В центр таяния мира крылья распростёрла душа, невидимую слезу роняла на березняк. Свежее дыхание любви перехватило сердце птице, парящей над заоблачной вершиной. Лунным светом отмытый снег истаивал дочиста, зверь почуял оттепель солнечной зори. В пятнистых бликах рассвета тень горностая размытую границу души приоткрыла весне.

Посвист метели

Дав клыкам волю, волки босиком по снегу брели в логово, кедровка взлетела на кедр за шишкой. Таёжник рукой охлопал оленя, покосился на пустую сумку, со страха куропатка подскочила к Луне. На ледяном перевале пурга замела следы к стойбищу, за голещиком ичига нож замёрз. Холод Полярной звезды признал стойкость кочевника, путеводную надежду не погасил. На прогоревших иглах снега раскачался полукруг луны и нырнул в острую стужу метели. Из разлома горбатых вершин влетела веснушка утренней зари будить эхо лунного света. Не сжигающим пламенем горела птица зарянка в лучах солнца, упавших с кромки неба. Засвистела кроха-птица о мнимости любви изморози к ветвистой пряди мощного кедра. Восход стон сердца утешал светлой мечтой, птаха навзрыд щебетала песню-звон о воле. Безответные мысли не возвращала, дотла не истлевшее эхо горячее чувство повторяло. Дотронулся поздний рассвет до сердца, словно корочка наста на осевшую крошку хвои. Птица — капелька зари — слышала крик-шорох, гонимый резким ветром по заросшей скале. Отзвук хранил величие заснеженных хребтов, сойка-сирота без оглядки свистела трели. В отклике прозрела проснувшаяся душа-эхо, лунными слезами заискрился обман инея.

Мерцание света

С наступлением зимы лишайник подобно траве не жух, не терял питательных свойств. В лунном мерцании света олень без сна бродил до рассвета, вынюхивал под снегом ягель. Чередой менялись затяжные буранные зимы и летние пожарища сухих гроз без дождя. Кедровые шишки отдавали опавших шишенят старцу камнепаду, важеньки мучились от бесплодия. От времени начал кочевал олень по тропам мечтаний, но счастья в тайге не повстречал. С распутия перевала заветом грёз умилился стаю летящих туч и злой зуб хозяина гор. Желая обеспечить извечное возрождение поголовью, заботливо питал ягелем вдоволь. По мерцанию света Млечного чрева пересёк звёздное небо, рожками перевернул Луну. Луна глотала в ручье снеговую воду, пичуга тонула в песне, важенька чуяла время отёла. Оживился лик прозрением Луны, ветер превратился в дыхание, забилося новое сердце. Солнечный луч сделал длинную поступь, спозаранку открыл простор смущённого неба. Оленица-родильница на моложавой лунной колыбели покачивала младенца-олёнёнка.

Добавочный месяц

Шишка висела высоко и крепко, кедровка долбила орехи, медвежата лезли за едой по сучкам. Медведица собирала паданку, бурундук таскал из-под когтистых лап шелушённые орехи. Осознав, что в жизни что-то не так, затосковало сердце растерявшее миг близких судеб. Пряча тропинку в снегу и хвое, до конечного срока отмеряя года, убегали таёжные дни. В малый добавочный месяц третьего года тундра подтаяла под хвоей можжевельника. Рассветное светило нарядило оттепель в изломы радуги, лунное стремя обгрызал волк. Талым снегом плакала сонная скопа на проталины, влажный ветер разбудил первоцвет. Круговерть звёздных вьюг заблудилась, лунный рот взлохматил шугу в бурлящей речке. Ломоть солнца зажёт дополнительный день нетоптанных истин из мимолетной радости. На грани всесильного времени послушным припёком переломило ненастье на ясность. Супружней тайной улыбнулась Утренняя звезда, облако всхлипнуло дождевой слёзкой. Пеночка-весничка трещала клювом-побрякушкой, убрала нажитый сдвиг встреч-разлук. Пела о чувственном облике тайного бремени, вила родовое гнездо в подснежной траве. Из рутины лишней ночи не умолкая щебетала о восходах-закатах обыденности земной.

Лунный зверь

Из-за туч луч Луны высветил пар от дыхания, наледь воспоминаний зверь сгрыз целиком. Сезоны проходили чередой, дикарь угрюмо бродил один, думал о минувших лишениях. Погнавшись за падающей звездой, лунный волк сорвался в дырявую мглу поднебесья. Внизу узрел заледеневшие земные дебри, от злой стужи обернулся в меха медвежонка. Сквозь бессмертную зелень хвои под кедровые корни провалилось закатное оперение. По морошке, цепляясь за колющее облако, ледяное жало пурги взвыло волком на Луну. Вылупились звёзды в гнезде Млечного поля, сердито нахохлился сыч в дремучей тайге. Медвежонок зажмурил глазки и крепко заснул, мечтая вырасти, повзрослеть в берлоге. Разбудив на восходе лунного зверя, Солнце тащило с когтями кожу с лохматых ступней. В рослом костре рассвета сжигала тень добытого зверя, била шубу наконечником лучей. Из оскала зубьев скалы народившаяся Луна от радости мерцала в солнечном ожерелье. Предчувствуя разлуку и встречу, бессонная ночь пела медвежонку колыбельную песню.

Искра времени

Сова заметила пропажу запасов, которые она заготавливала на зиму и скараулила воришку. Испугавшись мести, засвистел бурундук, хвост пушистый приподнял и убежал в глубокую нору. Время учило уважать искру жизни, жизнь — не растрачивать минут, искра — беречь очаг. Не вернув мгновение туманных рассветов, в сумерках безумия искра не сгорела дотла. Ясная тайга Верхнего мира зеркальным отражением измеряла Землю россыпью света. Из звёздного ковша кормила пламя рассвета, соединив зверей и птиц через мгновение. Стирая грани между явью и былью, заревой уголёк задыхался беспрестанной метелью. Страдая в суете бесконечности, зарница потухла, примёрзнув к колкой мороси облака. Искра времени не превратилась в стылую ночь, разжигала в очаге утра образ вечности. В тлении изгарь воспламенила источник зари, просветляющий разумные силы сердца. Упала о сущности бремена, в моменты нетленности возгорался неувядаемый смысл. Негасимый миг поступь сезонного кочевания надолго определил перелётом стаи птиц. В отчет гнезде лунь-птенец расправил отлётные крылья к обладанию вольной судьбой. Скинув детство в тень времени, из пут хвои слёток вспорхнул вылавливать из реки Луну.

Пернатый спутник

После ливня горы не прояснились, в безветрие плакала кукушка, вызывая тоску-печаль. Отрешенно глядя на хмурое небо, медведь вкусил тишину промозглой тропы в ущелье. Стариковское солнце угасло, покрыв валежником стадо оленей, от чума оставив жерди. Грозно шурился закат, заревое кострище головешкой окуливало звериную шкуру тайги. Отважная пискулька-сиротка одела перья, в тающем небе созидаясь в лучистое Солнце. Заплутав в обыденности забот, вдогонку стаей взмыли попутчики к напрасным мечтам. Кедровка не гналась за лунатиком, запасла орех, из залежей выращивала ростки кедра. Сердце галки не впало в обман крутых рожек Луны, вело оленей с ненастного перевала. Пересмешник каркал по-вороньи, в кружеве трясины коростель отмечал волчью тропу. Неспящая до восхода совка-зорька в незрячей ночи выслеживала во мху мышь пищуху. В мороз из снежной лунки оседлый глухарь взлетал к неземным наваждениям звезды. Проводница души в мир чувств сплюшка дарила сновидения, пронизанные ожиданием.

Звезда судьбы

Бесшумный ночной охотник — сова с верным зрением и чутким слухом застигла лисицу врасплох. Не найдя пути к бегству лисица не упала духом, лёжа на спине отчаянно защищалась клыками. Холодной ночью расшалилась зимняя буря, с высоты неба снег упал на опавшие листья. В облаках от страха моргала Луна, в очаге радовался уголёк, в уголке шебаршила мышь. Взмывая вверх по распадку скал, ворон преодолел перевал к неземным искрам жизни. Из поднебесья присел на пихту у зимовочного убежища с лежащим в спячке медведем. У входа в берлогу громко закаркал песню гибели, привлекая внимание друга охотника. В опасении ускользнула звезда удачи, но вскоре вернулась под взмахи крыльев судьбы. Невидимый облик подземного дикаря, рваным сердцем почуял всхлипы птичьей души. Сбрасывая с тела ловушку, медведь понял: звезда скорби коснулась края тропы жизни. Выживая в суете на скрещении линий лунного жребия, чуял сострадание зябкого ужаса. Добыв пропитание, человек щедро одаривал верную птицу, похожую на чёрную звезду. Загадывал желания на Луну, свежим чувством замерцала сила душевного обновления. Запахом талого снега ободряясь, зашагал по тайге вслед за полётом рыдающей души.

Световой ветер

Закраек показал зубы горы, заклинал мглистое небо ослепить взор солнечным лучом. Вспыхнуло небесное пламя заката, утомлённые олени оглянулись на собственные тени. В исходный момент времён Вселенная сжалась в высоте зенита до облачной льдинки. Поделилась на бесконечные и обратные во времени крупницы инея в источниках комет. Вращалась смутная прохлада, разлетелось бесчувствие в разные слои несходного снега. В веку великого объединения неутомимо разгоралась страсть сердца у замерших звёзд. Из вечной мерзлоты Солнце подняло орбиту сияния над пылью Земного выдыхания. Близ власти пламени вертелся световой ветер, одаряя мерцающим теплом сгустки бытия. Знобило хвостатую звезду, наматывающую простор неба на вязкий горизонт выдувания. Разгоняясь отражённым светом, Луна проткнула бурю снега, разорила кометное гнездо. Небесный гнев кометы на губительной орбите создал созидающий вихрь внутри жизни. Вспыхнула маревом звезда, разбудив шквал льда, окунула старый мир в огненный пар.

Уголёк бессонница

Филин, напав на гнездящуюся птицу, верил в силу крючковых когтей, а не в быстроту полёта. Померкла звезда, ночной зверь упал от удара крыла отбивающегося глухаря и стал добычей лисы. Под унылую песнь ветра, отдав тепло ладоням, хворост костра оставил тлеющий уголёк. Метель крошила снег, искра в груди замерцала, вновь грела ладони, укутанные в дым. Иглами снегов выюга закрыла следы, ведущие к разжигающему сердце лунному кругу. Валяясь в мягком сугробе, мгла верила в нерушимое обещание учуять страсть отблеска. Взирая в горнило звезды, пурга сокрушила жесткость заведомой лжи, раздула пустяки. Вечность косилась на подтопок золы, мигала из-под снега гарь, очнулся язык пламени. Бессонница отравляла дыхание кочевого костра, изгарь стремилась выйти из затухания. В ожоге влюблённости судьба глотками сажи насмехалась над усилием вздохов дымка. Подёрнутый пеплом снаружи светец, упрямо тлел и смутой томился внутри груди очага. Уголёк зрел не сны в закатном зареве, а сквозь мороз и слякоть соблазнял свежий ветер. Потрескивал искрами и доваривал в котле питание, живым огнём испытывал грядущее. Вровень под ногами скрипела изморозь, растопка-береста в обиду странника не давала.

Мышиный горошек

Зимой бурндук и пищуха страдали от голода и спасались от лисицы, только успевали крутиться, чтобы выжить. Летом они сидели в розово-сиреневых цветах, жевали свежий мы-

шиный горошек и были от сытости счастливы. Мышиный горошек, из-за слабого стебелька, цеплялся за всё подряд и на усиках тянулся вверх к небу. Задумались они о смысле жизни. Бурндук посмотрел в небо и размечтался летать как птица. Пищуха получила название за резкий свист в минуту опасности и, озираясь по сторонам, захотела стать грозной, как лисица. В туманной норе пережёвывали хрустящие семена-горошки, похожие на глазки мышки, поняли, что получают всё, если очень захотят. Бурндук мечтал о крыльях, но у него вырос пушистый хвост. Стал с помощью хвоста перелетать с ветки на ветку по кедром, не пугаясь лисицу. В нору на зиму собрал запас ореха и, лёжа на сухой подстилке из хвои, смысл жизни потерял. Пищуха-крошка думала о когтях и клыках, играла в прятки, училась ловкости. Предвидя засухи и пожарища, не заготавливала пищу впрок. Зимой под снегом устраивала тропинки, проворно собирала летошний мышиный горошек и шустро щёлкала. Иногда выходила на снег, но оставляла след и боялась потерять когти и зубы. Вёртко скрывалась в толще сугроба от когтей совы и клыков лисы, не теряла выживания смысл.

ЗВЕЗДА КОЧЕВОЙ СУДЬБЫ

Вневременная жизнь

Во тьме предвечных небес Луна забыла сны, оставив в сердце тоску из опустевших туч. Вслед неверная мгла разлучила нетленные искры очага, вспыхнула заря, озарила душу. В ослепительном восходе крепыша Солнца, меркла звёздная осыпь бездонного зенита. Бровью глухариной краснело рассветное зарево, испепелив кромку у ямы тёмной ночи. Из паром дымящейся проталины льда бурный ручей журчал голосами вещающих птиц. Родившийся оленёнок под ветром весны жадно сглотнул силы воли из источника света. Из-под небесного огня коршун подлетел когтями выхватить ранимую жизнь младенца. С пятном-звездочкой на голове оленёнок спрятал недоуздок в мерзлом кусте тальника. Мохнатой грудью вздохнув, с тайной печалью глядел медведь из угрюмых теней кедра. Под закат ущербной Луны со звериной осанкой со скал взлетел воронёнок первого дождя. С криком о скоротечности бренной судьбы в небе кружил, крыльями махал, о хвою бил. С ночи до зари оберегал оленёнка от опасности тьмы в вечности, дремлющей у вершин.

Сродный крик

Днем сыч сидел неподвижно, при шевелении, мелкие птицы подняли переполох, ворон взлетел. Ястреб живо напал на полуночника, вынудил сыча повалиться на спину, обнажить когтистые лапы. Чувств не познало холодное пламя закатной зари, в бесплотном дыхании ушло время. В потёмках бессмертных невязгод, усеянных ошмётками мучений, терялся Млечный Путь. Свет дрожащей звезды в бездонном зените небес ниспадал в округлость земной чаши. Распустив крылья безвременья, перевернул увесистые лунные рожки небесный олень. Перепуганные разлукой созвездия-возмездия сверкнули нетленной позолотой лазури. Когтистой лапой Большая Медведица зачерпнула мёрзлую клюкву в оседающем снегу. В порыв первородных зарниц сохатый толкал из сумерек тающую тень сонного марева. Рассветная буря огня отдавала тепло души сестре Луне, отражаясь в надзвёздной выси. Пешеходная кабарга взяла в путевожатые окрылённую радость искры от лучистой зари. Криком на вздохе сродная синица взлетела в живительную стремнину житейских забот. От потерянных сокровенных надежд замер студёный круговорот сгоревших созвездий. На вершине мира дозорные тучи тяжко склонили головы в преддверии скитания лосей.

Амулет-Заря

Леденела ночь, снежная мокрядь слезами стекала на траву, трещал хворост в костре. В забытой дреме щебетала птаха, от бед оберег на груди источал свет, стучало сердце. По лунному следу, таящемуся в рассветной тиши, незакатный олень шёл к сласти соли. Против лютой горести забвения, в улыбчивом луче восхода зари, мечтал о лучшей доле. Горсть падающих звёзд вращала пепел отгоревших мыслей в памяти утраченных ночей. Дух-хранитель заботился о немеркнущих душах добытых излюблей на ягодной вершине. Касанием шерстинок шкурок зверей потухшая звезда воплотилась в живого горностая. Оживал дух мечты о жизни в суровом медведе, сохатом, лисице, кабарге, рыси, соболе. Отражённые в чувстве души поступком гретые, в вечном запрете возвратились в плоть. Меняя кажущиеся очертания, возрождённые звери завещали тайге охотничье счастье. Вздогнуло сердце, знак удачи зари в безоблачном амулете поддержал силу характера. В поступи пешего хода, по тропе крытой звёздами, без спада, оглянулась назад надежда.

Надзвёздная Мать

Волком застигнутая врасплох у норы полярная сова щелкнула клювом, делая резкие выпады, шипела. Перо встало дыбом, крылья раскрылись, сова росла, переступая с лапы на лапу, не сводила с волка око. Снежные цветы встретили невзгоды льда, на ветру звеня, вселили силу подснежникам. Пробив слепящее марево по горной тропе ушло Солнце, время оставило куски памяти. Спасая опустевшую душу, лунные рожки разрезали кайму светозарного пламени зари. Простор вечности и безбрежие поднебесья мыслями перемен прикоснулись к вершине. По дну Млечного обрыва шло паломничество облаков отдать дань радужной выдумке. Холодом далёкого огонька не угасало предвечное мерцание, выше светил сияла Мама. Затихало эхо посреди рассыпанной звёздной стаи, Мать рождала лучистых младенцев. Верой заклинала огонёк судьбы, первую сказку для оленёнка сочиняла звезда-счастье. Звезда надежды ютилась в зыбке Нижнего неба, озаряя путеводную земную усталость, превратив душу в дочурку синичку, витающую по сумеречной плоти в лунном оперении. На стезе кругового подъёма к вышине погибала птица, отдавая последние силы зениту. Невозвратная тень надзвёздных видений отразила встречу радости с тленной разлукой.

Туман забвения

Вслед затмению Солнца, молния просветила знаменье близкого разрушения бытия. В сезон неурожая кедрового ореха утонули окружные горы в запустении края небес. Осознав добро и зло, оленья судьба опечалилась, а очнувшись, оттаивала от забвения. Промокнув засоленной слезой, пламя сердца выжигало рассудок в свете полнолуния. Из прошлых жизней по битым тропам шла прикоснуться к путеводной Матери-звезде. Безумие отжитых ночей вспугнуло чёрствость удачи, явь выстраивала будущую жизнь. Мечта долететь к звезде одолела притяжение пустой суеты, исцелила душевные раны. По вязкой мгле робко прогуливалось послание от души, переживания упали в забытё. Душевная доброта прорастала на слепой злобе, обратно наживая незаконную горесть. Желая примириться с таёжной данностью, меняла доверчивая душа исток бед — мысль. С дыханием света и невесомостью тени возвращался луч Солнца из мглы наваждения. Знобило замиранием вечность, незримое эхо отозвалось, позабыв прожитые невзгоды.

Лунная звезда

Наземно гнездящуюся сову днём поймала россомаха, уничтожила кладку, пожрала птенцов. У волчьего логова сову-луна-тика вмуровали в дупле солнечные поползны, леток замазали глиной. В объятиях бродячей грозы заблестела Луна, в беглом мерцании загустела тень цветка. Озарив мечты, сломанное счастье вышло из тьмы неурядиц, ветер шелестел облаками. В небе рождался неугасимый свет, разрасталась земля, множились птицы, люди, звери. Между звёзд молния пропиталась смолой кедровой хвои, пламенеющей в огне зарниц. Светлая душа птичекрылого оленя стремилась к корню звёзд попутно несхожего мира. Поднималась в Верхнее небо, возвращалась в источник жизни соединять связи судьбы. Перебирала в недрах памяти мечты, из негасимых снов вверяла путникам дары свыше. За лунной звездой вычерпывала не рождённые души, толкала поближе к рассвету зорь. Лучом, озаряя Средний мир, исцеляла недуг, гадала о будущем, оберегала от напастей. Не теряя волю, заклинала силу урагана, предчувствовала наводнение, ожидала обвалы. Выращивая в сердце чувство бесстрастия толковала небесные знаки, чуяла след зверя. Рядясь в стылое дыхание лунного камня, обновлялась в нетленности Солнца-младенца.

Небесные олениа

Туманным утром упала изморось, растопка согрела ладони, в сердце вошло пережитое. Творя добро, пёс дожил до седых волос, плохо видел, быстро уставал, угасал без болей. Внешне жизнь проходила в сборах, охотах, кочевьях, прибытиях к стойбищам и отдыхе. С краткими остановками насущная тропа извивалась, влезала за заоблачные вершины. Даруя судьбе радость: жить бок о бок с оленьим стадом, рядом чуял шагание времени. Возле чума на весенней проталине рождались олениа и носили на рожках лучи солнца. Заметив ястреба замирали, к камням прижимаясь, удирали от клыков в волчьей глотке. Цедили звёздное млеко, щипали ягель, вырастая в кормильцев, перевозчиков выюков. Чахнули без соли, насторожив уши, помогали охотиться на пушных и копытных зверей. Пребывая в передвижениях, старые рога отдавали для оберегов от пагубных напастей. От судьбы отгрызали крохи счастья, бесследно растворяясь в человеческом укладе жизни. Стоная в конвульсиях старости, вручали душу вечной Праматери Луне — Белой важенке.

Проблеск вечности

В предгнездовой кочевке после снежной зимы голодный сыч напал на собаку, спутав её с лисой. Кружил на одном месте ворон: в гнезде шло вылупление птенцов, взволнованный сыч отогнал волка. В месяц ложного отёла затужило нежное сердце, чуя озноб истощённых пальцев хвои. Озябший оленёнок, глядя в глаза, приласкался к ладоням, несущим по жизни терпение. В зыбких сумерках предзакатной зари поблёк мерцающий проблеск дальней вечности. Сквозь текучую мглу облака, лунные рожи на миг повернули вспять остывшее Солнце. Бессонницей всепрощения тропа дробилась в воображении тайной судеб после жизни. Давящие недуги сердца рассеивали сновидения в прозрачность неразумных поступков. Закат скинул с взора туман забвения, обнажив провал бездарно потраченной силы ума. Сквозь призрачную тьму дремоты, пришедшая явь навыворот разматывала ощущения. По заветной стезе обратил натруженные шаги к крылатой мечте, текущей в новое место. В паутине лучей обернулось удачей зримое время, промахи исправляло жаждою света. Забытая боль пламенной души вдохнула отсвет мыслей об истёртых следах бессмертия. Зрела искру любимых, идущих вглубь надзвёздной выси пробуждать бесправные души.

Защитное сердце

Одиночка Луна лелеяла скорбь, облако от испуга рыдало, медведь ощутил зов сердца. В нещадных муках хвоя тлея под кедром. Ветер думал: что хорошего оставил на земле? У каюра — живого воплощения зверя и духа предков — в кочевании под ногой гасли звёзды. В зенит, на обернутом оленьей шкурой бубне, переплывал заснеженную лавину облаков. В свисте встречной вьюги выяснял: в пору духам причинять страдания зверям и птицам? Летая в зеркальном сердце, дух явил предел времени, растворённый в рассветной зоре. В пятнистом мерцании Солнца, куропатка копошилась между раскидистых рогов оленя. Завесой упала изморось раздумий, унылый дух сушил сознание, умиление тешило сны. Из бездны откликнулись птицы, взревели звери, истрепались об утёс явления и стихии. Травы-изгои зашивал в одежду, озарялась искрой опустошённая жизнь и печаль души. Откинув осколки желаний в единство созвездий, страсть сердцевины не вернула быть. В передышке выпрямил оружейные гильзы, ловушка на соболя одобрила заповеданное.

Задержушка

Всколыхнулось сердце, соболю наткнулся на тропу подруги, в ложный гон потерял ум и аппетит. В тесной чаще и осыпи камней рысь караулила соболя, на свадьбе забывшего об осторожности. Качаясь на стебельках снов, Луна усердным крылом разжигала огонёк в проседи тьмы. Прислушиваясь к шёпоту колючего ветра, одетый в снежинки оленёнок встал на ножки. Задержушка скала преградила путь звезды нивяника, взлетающей по путеводной стёжке. Сдвинулось обличие разумной мечты в туманную утробу Матери Большой Медведицы. Из надлунного истока талый снег валился в прогалину вечности. Птица пела в полголоса, отражая кроны кедров, камнепады, лавины, ледники и бурную воду рек в котле небес. Гроза, затмение, пурга, буря, дождь, молнии сменяли друг друга в чередѣ шагов оленя. Истощѣнные пастбища изменяли засухи, пожары, наводнения, землетрясения, оползни. Блуждали мысли в потѣмках утесов, глотали ветер, чуяли пути ненастья и в сердце тлен. Звезда по-волчьи оскалилась, искала временем забытое омоложение, жаждала покоя. Направила жизненный бег во Вселенную, странствия души возвысила к стимулам силы. По снежным склонам гор ободок луны катился обыденно рядышком вслед за звездой.

Соболиный снег

Косохлёст-ветер пробрасывал град, протяжным свистом упрекал звёзды, укорял вершины гор. Облако печали меркло, в ледяной колыбели из слез матерей растило незримое счастье. Почувствовав дыхание таёжной жизни, с седьмого неба на землю упал соболиный снег. Охотнику верхом на олене в тяжёлом отыскании и погоне указал следы пушных зверей. Распахнулась даль дремучих распадков и вышины ледяных хребтов ворсистым мехом. Зверь шалил в кроне и разлапистых ветвях кедра, резвился между коряг и камнепадов. Наступал на пятки, висел на хвосте зверя, гнался, запустив наконечник мечтаний ввысь. Тронуло соболя холодное замирание сердца, затуманились во взгляде звёзды-зарницы. Человек в лохматой шкуре оленьим шагом подошёл к подернутой изморозью добыче. Наследник лунного предка рухнул с заоблачных небес, распластался на Земной тверди. На хвое кедра с убегающей звёздной тенью, подношением расплатился с лунным ртом. Обняв сердцем искру заснеженной тайги, поднял соболиный дух к светилу плодородия.

Звёздная ночёвка

Сильная волчица прокладывала тропу в снегу, за ней покорно следом шли молодняк и старики. Цепочку замыкал вожак, держа стаю под контролем, не позволял отстать и погибнуть слабым. Бездна дней, тьма ночей, безмерность потусторонней жизни убежали струёй мгновений. Под тяжкий ход сезонов волнение в груди выдохнуло усталость, осознав обречённость. Летом над тайгой в кружеве безлунных туманов проснулась сиротка — звезда безмолвия. В палящий зимний мороз оживилась ночь рыдающих птиц над калёной лунной тенью. Падающий снег превратил полночное обаяние в затон изморози откровенных обманов. Погружался в ночлег запал снов, от впечатлений утром стонал звездопад пробуждения. Мгла будила россыпи следов, голод распускал волков, давая им право давить кабаргу. Обняв лунный ломтик, танцевали нетленные искры вокруг отблесков звёздного жилья. Полярная Звезда затаённо созерцала с сердцевины вязкого крюка подлунных видений. Большая Медведица перевалилась когтитыми лапками стоямя к грядущему рассвету. Утренняя звезда вывела охотника в верховье распадка выцеливать метки чуткого лося. Продрогший свет клонил ко сну, по учтивой тропе рядом шли честность и правдивость.

Очищение огнём

На унаследованном от предков стане вспыхнуло пламя в тлеющем очаге, дым ел глаза. Жар памяти растопил лед огорчений, не позабыл оставить нежность в горячих ладонях. В чужбине простора небосклона не сбылась мечта, человек сберегал активность жизни. В раскалённом костре души обугливал вред недугов, пагубу воспоминаний, порчу бед. Без оглядки в огне сердца плавил снежную серость, ледяную грусть и пустоту сомнений. Пекло лучин вздыхало, опалая след помыслов, невольную унылость, чувство сиротства. Тлеющая изгарь выжигала упадки воли, промахи, ошибки, печаль, тягостные раздумья. Негасимое пламя провидением углей обновляло ощущение удачи в закалённой судьбе. В земную твердь падал неподвластный горению пепел равнодушия, зола совести, стыд. Звёздный зной огнём не выжигал осколки Вселенной — чистую душу от тоски отогревал. Лунное сновидение вложило солнечную начинку в выпечку чувств Млечного мерцания. Большая Медведица до рассвета выжигала дотла гнутые когти и клыки кометы-шатуна.

Светило духов

В можжевелевой гуще шумел птичий выпорх, в камнях сто-
нал водоворот, кедр врос в Вечность. Звенела струя ручья,
дятел стучал в душу, ястреб падал к земле, туман открыл подь-
ём на перевал. В росную
осень человек следил за
огнём в очаге, мягко веял
прохладой ветерок в лицо.
Закачивались ветви, умолк
голос стаи ворон, нахмури-
лись тучи, грустные мыс-
ли ушли. Сквозь кедровую
хвою созвездий просвечива-
ла искрами печальная гарь
ветряной зари. Истлеваю-
щее Солнце закатным лучом
обожгло сутулую душу дву-
рогого лунного оленя. От-
дыхал ум чужих ненастий,
окутав мглу залива в душ-
ные сумерки мелькающих
теней. В подлунном свете
тайно плескался облачный
хариус, олень собирал съе-
добные грибы. Под коряга-
ми кедров медведь погладил
мохнатой лапой полосатую
спинку бурндука. Изюбрь
уронил ветвистые рога, рух-
нула мечта, обрывки памяти
стирали сияние разума. Чутким
носом лиса выслеживала под
снегом грызуна, ловкий горно-
стаёй выловил зайца. Чутко
путая следы на осыпях, росо-
маха уводила от добычи
волчью стаю в унылую ночь.
Утомлённая огнистым
дыханием грозы, Луна спе-
шила опустить на душу по-
крывало сна. Волк выл за-
кливание: не трогать матку
с дитём, не смеяться, не
лгать на лунный восход.

Залёта

Безумное по ночам небо во мгле начинало скучать, туманные дебри сводило с разума. С обратной стороны тьмы в Солнце влюблённая звезда томилась в ожидании малыша. Из бездн бесплодной бесконечности взошла к звёздному кружению беременная Луна. На облачной шкуре из звёздного вымени Большой Медведицы хлебать парное молоко. Доилась Млечность, кружась средь промёрзших вершин и уступов на трещинах ледопада. В зените пресытившись обтекаемым крошевом звёзд, разрешилась от бремени дочкой. С выси сохатая матка скинула Залёту-малышку в баюкающую колыбель земной выгари. Невесомо скользящим лучом затворила прорицателя в бестелесном безмолвии дебрей. В стуже сумерек потухшая душа засияла неожиданным чаянием, мечтала о плоти и крови. Касаясь мерцания росы из духов света и тени, обратилась в кабаргу-оленца без рожек. Хвойный запах смолистых гор призрачным чувством надежд вдохнул клыкастый олень. Вещая тропа, срезанная волчьей стаей, надломила небом согретый дух звездогадателя.

Отпрыск кукушки

Гроза родила радугу, упала туча, стрекотали насекомые, изумлённо смотрели на рассвет звёзд. След медведя примял шиповник, зверь залёг на ночлег у норы сурка, уголёк стужу в душе отогрел. С заострённых пиков скользили лунные блики на снежной лавине мимо сорочьих гнёзд. Сквозь суровые тучи птицы сдружились с ущербной лунной, радуга пила всплески ручья. На вечных заламах звёздных узоров хвои Древа жизни вспыхнула пламенеющая молния. Игла грозы упала на можжевельник, порезав обжигающую губу, очищая язык пламени. Раскатистым громом кукушка тревожила сон медведя в берлоге, олень встал на колени. Робко приглашала на танец лучики Солнца, наступая на ветер, светило пряталось в тучи. Бездомная птица не вила гнездо, не выкармливала птенцов, помнила звёздную обиду. Слетая со щелей облаков, подкидывала яйцо звездогляда в гнездо молодой скворчихе. Оберегаясь от несчастья, кричала считалки, от милой весны отводя ненастные мучения. С открытой душой вещим кукованием дарила мечты, брошенным детям тайну счастья. Луна отзывалась, тащила с собой перо судьбы, с семьёй Верхних небес связывая слётка. Душа сородича оживилась в сиротах, вызвездила из обмана цветы — кукушкины слёзки.

Закраечка

Колотилось сердце Вселенной, Утренняя звезда растворилась в омуте туманной зари. Полная Луна светилась от боли в муках родовых, рождая оленца, окутанного Солнцем. Малютка-оленёнок с лунными рожками потопал по небесным ухабам разброда светил. Лучезарной улыбкой отбрасывал на заревые росы огнистые отблески лунной дорожки. Искрилось утро у закраек, в зарю слепой завесой ненастья перетекала услада марева. Оседали ледяные узоры подснежных цветов тщетной истомой старомодных листопадов. Кусочки прозрачного неба роняли из туч в призрак ночи крупинки вневременных звёзд. Томление сумерек сузилось изморозью хвои в объятиях бродивших впотьмах распутиц. Ожидая птичьего облёта, от невзгод пережитой зимы воспрянула сила духа багульника. Подёрнутые нагаром раскалённого восхода, оживающие лепестки застонали надеждой. Отворил солнечную створку лунный отсвет, поблёлка чаща вышины, затаился звёздник. Огранённый зыбким заревом рассвета душевный порыв Утренней звезды не потускнел.

Жизнь-время

Покосилась избушка-зимовье, ветер сдул пепел, закрипела ось Земли, в обруч свернулась речка. Пригоршня звёзд опустилась на виски, на полпути выкипела кровь, капал пот с выжатого облака. До рассвета островками держался снегопад на взгорье, скала оборвалась в талую воду. Заря проблеснула, в дождевую капель нарядилась тайга, на угрюмой душе посветлело. Олень кочевал из лета в зиму и из зимы в лето в череде изменений лунных очертаний. В зените мерцала стужей Полярная звезда, озаряя вершину на повороте вечера к ночи. Стойбище определяло жизнь-время движением когтистых лап Большой Медведицы. Одета пухом наружу Луна, взлетев с пастбища зимы, легла в брюхо звёздной берлоги. Олени теряли ветвистые рога, трухой сухой бересты чёрная метель заметала ягельник. Подтаивал снег и растущая Луна вывернулась наизнанку — испить капающий сок берёзы. Свистел бурбук, прилетели птицы, прошёл ледоход, на проталине родился оленёнок. Из шлепка дождевой слезы о каменистую скалу распустилось соцветие утренней зари. Ёкнуло сердце Луны, шерсть ловила стужу, хвоя осыпалась, взлетел лист, шишка упала. Замерзла вода ручья, Луна шла по петляющему следу соболя на пушистом белом снегу.

Точка ветра

В небесах всё менялось, Луна обернулась в ворона, звёзды закружились в чёрной дыре. Костёр остыл, уголь обратился в золу, олень нахмурился, клубочком свернулась собака. Вьюжная глубина ночи дымилась зябкой изморозью, ожидая знак в звёздной просеке. От тоски настигла усталость, по тягучему подъёму на перевал в ущелье срывался ветер. От трескучей стужи куропатка на ночлег наглухо закрылась с головой одеялом снега. Пленнице чёрной пурги мерещился сытый откорм после долгожданного солнцеворота. Шуршал заметённый след, вспышка огня молнии стирала облако в голубичном болоте. Исчез терпкий привкус жимолости с взбитыми сливками на брусничной лежанке зимы. Чудились сторона и точка ветра, откуда теплом задышала беспокойная душа оттепели. Огарыш Солнца угасал в силках изморози, замирая, иней души выбирал новую жизнь. Снежная гроза рвала надежду в судороге позёмки, синичка во сне видела таяние льда. Метель напевала колыбельную карликовой берёзе и лучу, осветившему прохладу хвои.

Сродственник

На откосе туман грелся в снежной шубе, олень шёл в льди-стой мгле, искал зазор, где Солнце спало. Козерог упал, у стрелка в засаде вздулись жилы на висках, опомнилась душа, память молчала. Каюр при-щурил очи на трещины по-тёртых ожиданий, нервы натянул неведомый исход. От мучений на душе в од-ночасье тайга закаменела, скала разомкнула запястья ущелья. В волчье ненастье, по протяжной тропе восхо-дил к чувству туманов на перевалы звёзд. Потерял каюр охотничью сумку, наполненную душами-шер-стинками добытых зверей. Хворь наступала при утрате одной из душ, вызвав при-зраки недугов постороннего духа. Чужой дух изгонял по бурной воде ручья за-битого кусками прежних алчных воздаяний. Закли-нал Солнцем и Луной, не-бом и горами, менял имена, обереги, одежду и логово. Сбылся эхом раздумий, со-хранял покой в сердце, извлекал сноровку прошлых жизней. Вне простора и времени вернул незримый порядок в мыслях, связующих душу и плоть. Остриём клюва птахи изловил души потомства солнца, вливших на радушие созвездий. Недужной птице и зверю дал часть света души, породнив заботу и духов-помощников. Родич зверей сделал сокровенную сумочку и ушёл на охоту, удача побежала вдогонку.

Трепетное утро

Буря летела мимо, ночь стала унылой, меркла радость звёзд, человек невзначай заснул. Теплились угольки, грели руки, тлела искра в сердце, мысли бежали быстрее медведя. Тьма разгулялась по границе бескрайних зубцов горных вершин у бездонной ямы неба. Звезда подмигнула молнии, вытянула Луну за рожки и окунула умываться в талый снег. Объятая скалами шапка ледника сверкнула искрой стуж в восходящем зареве рассвета. Зябкий туман заспорил с зыбким дымком кочевго костерка из чум-стойбища охотника. На градоносном перевале кучевое стадо оленей когтистую изморозь жадно схлебнуло. О сумрачную скалу разбилась звезда, бросила ясный взгляд на чащобу отмытая Луна. Чуткого зверя к солонцам подзывая, с верховья ручейка рассвет провалился в распадок. Взлетев из тени ущелий, уступов и круч оленья заря содрала шерсть о клык камнепада. С пика горы сорвалось гулкое эхо, птичьим гомоном разбудило трепетное чувство утра. Воспрянув от сна, потянулась солнечная душа к земной душе, даря ельнику начало дня.

Солнце-Верность

В водную паутину запуталась Луна, за горный кряж ушла ревнивая гроза, воздух остался без тени. Медведица отлюбила на свадьбе, рядом с гнездовьем орлицы в забытье успокоилась кукушка. Уставшую ночь терзал бессрочный вопрос о простом смысле склониться в нетленное утро. Капли времени точили дно облаков, утекали минуты, рождая мысли о буднях вечности. Солнце-Рассвет летело из вкрадчивой тени Вселенной встречать дочь Солнца-Забвения. Греметь утомился дедушка Солнце-Гром, устала Солнце-Молния за светками жечь тучи. Солнцепёком залились каменные утёсы, в дебрях тайги зверьё очнулось от сновидений. Спокойное Солнце-Зенит рассветало чистотой, закатное — россыпью звёзд на небосклоне. В проливном и ветреном облике, Хозяин восхода заботился о достатке образа перемен. Сквозь чёрную лихорадку затмения парила синица в озарении черпать мощь сущности. Стихия крылом била в скрипун, клюв источила, созидала Небо и Землю, одарила сутью. Искрой тления ложилось в ледяное кострище звёзд в суете всполохов Солнце-Зарница. Созвездия строились в ряды, в наваждении шквального мига стонало Солнце-Верность. В поиске бессмертия идущему лосю озарило заглушающую стезю Солнце-Заря взошедшее.

Узлы времени

Ночью выкрик птицы, мостящей гнездо, будоражил сон, ветер растворял звуки в шорох. От свежих следов волка по чернотропу пёс невинно поджимал хвост, тихонько скулил. Над стылым чайным котлом на угольках костра покрылось корочкой изморози Солнце. Реально отстраняя изношенное время, через спячку Луна взидала на изменения в жизни. Охотник приручал оленей для выючных кочёвок, верхом гнал соболя по следу на снегу. Не варил голову добытого изюбря, не обжигал глаза и язык в пожарище закатной зари. Луна, кочуя по чёрной спине медвежьих гор, оборванные души собирала в тень звёзд. Двойники душ обитали столько, летая во снах, сколько жили в настоящей жизни тайги. У троп, тореных медвежьим отцом, человек разводил огонь костров утром и вечером. Горела белая плёнка бересты, вмиг вспыхивая и истлевая, освещала оцепенелые души. Живые души шли по кругу день за ночью и успевали на смену друг другу времена года. Слёзы седых предков вселяя в младенца, мудрое время возвращало старика в детство.

Кладовушка

В ладони тучи дрожал зуб молнии, терялась стояночная метка, сон у костра стал отрадой. Гора с горой не сошлась, волк в поисках пищи караулил лося на кормёжках и переходах на лёжки. Стонал ветер, незакатная звезда указала невидимый путь к видимому лунному сиянию. Глубь выси отразила мимолетность бытия в слепой капле дождевой росы, плакало эхо. Владычица судьбы Мать-родительница — женщина-птица — всё ведая, повелевала тайгой. С выси становища Вселенной зрела на опалённые глубины жизни бесконечных миров. Ощущая светлое счастье, равное ей самой, накрывала лучезарным теплом Мать-Землю. Воздухом, огнём, ветром, водой и скалами направляя детей изыскать звёздную участь. Парила подобно трём фазам блестящей Лунной мамы — растущей, полной, убывающей. Создавала закуты и несла погибель, обеспечивая превращение и возрождение существ. В объятьях молний рождала, кормила, поила, размножала животных, птиц и растения. Разумное и всемогущее Женское Начало заботилось, сочувствовало, оберегало, лечило. Поддерживала сокровенные смыслы, способствовала житью, развитию и плодородию. Мать-создательницу нарекали душой-кладовушкой и принимали должное содержание.

Узор судьбы

Заспанным взглядом ночь затуманила жизнь в пути, дыхание ветра бодрило замыслы. Утром Солнце осветило тайгу, раскрылись первоцветы — чаши полные снежинок и огней. Во внеземных поисках и заботах медведь бродил через череду углублений Вселенной. Расстояние между молодостью и старостью ветшало не шире нитки кривого горизонта. Тропинка жизни зверя иссякала в Вечном Свете вместе с убывающей лунной закраиной. В угасании вечерней зари прошёл за упавший в бурю кедр, успокоиться в ином приюте. В Нижнем мире душа гостила в жиле времени, доколе кочевал зверь по оконечностям. Жизни хозяин наизнанку обратил истлевшую прохладу, одарив жизненной силой воли. На растущей Луне духам посвятил полнотелую душу, окликнул тень по имени предков. В миг полнолуния развернул направление течения времени из пережитого в настоящее. В народившийся рассвет преобразовал невидимый узор судьбы в отблесках снов и яви. Озарённая светом Утренней зари душа вернулась младенцем из сумрачных странствий.

Изнеможённость

В поисках удачи волки брели по медвежьим следам по буреломам и перекрестьям ручьёв. Соболь напал на кабаргу, собирающую лишайник, волк и волчица перехватили у него добычу. Душа Вселенной, учуяв подтаявшие облака, брызгала искрами дождя, сыпала снежинки. Открывая лепестки тайге, багульник не потревожил покой отраженной выси небесной. В окуренных зарницах рытвинах упавших небес растущая Луна согревала вечность сна. С бродячей звездой сродняясь, одела сполохи потусторонности сноговорящая хищница. Тоскуя по лучезарному счастьем, к созвездиям предков взлетала сновидным волнением. Вереница снов зябла в кошмаре, снохождение отражением мечты кружило в инобытие. Лунный луч срезал угнетение чувства, дремота — близнец погубили — оживила гнёт памяти. Пробивая просвет в слепоте страданий, оставила в рассудке мерещиться следы печали. Стряхнув с крыла бессонную тоску, призрак усыпления исцелился вещим бессмертием. Ниспадала грозная слеза, жало молнии пробудило зубы совести в подлинном забвении. По лунным фазам ведя счёт времени, распахнутая судьба спешила к отлёту из чащи сна. Неземной свет сохранил надежду: по лунной стезе возвратиться вновь в глубины жизни.

Марьин корень

Вкусив непомерное мерцание звёзд, дневные птицы заснули в гнёздах на прелой подложке. Расцвёл напитанный ночной влагой цветок Марьиного корня. В чаше из лепестков отразил глубину неба.

Сова увидела, что звезда окунула луч в цветочный нектар и размечталась долететь по нему до Луны, пригласить её жить в тайге. Ветер шептал о недостижимой мечте. Сова не послушалась и взлетела в тёмную высь. Сквозь встречную стужу махала крыльями, теряла перья, но не меняла курс, надеялась на свои силы и учитывала промахи. В тумане сова сбилась с пути, но продолжала лететь выше и выше, сохраняя веру в сердце. В облаках дышала грозой, теряла силы, намок пух, молния опалила перья, но сова настойчиво поднимала клюв вверх. Луна объяснила, что если вернуться, мечта не станет сущностью. Сова не опустила крылья. Решила

встретить старость не на перепрелой подстилке в дупле, а угасать в лучах звёзд и доказать, что невозможное возможно. Высоко поднялась, ощутила лютый холод, не онемела, сжала оледеневшие когти. Мечта звала, сова достигла цели. Перья совы засияли так ярко, что светило померкло. Сова не ослепла, а поняла: сила стремлений победила сомнения и, как цветок Марьиного корня цветущий в пурпурной ночи, привыкла к свету.

ОБРАТИМОСТЬ ЦВЕТУЩЕГО ВРЕМЕНИ

Рассветная птица

Без начала и конца по знакам неба спутники крутились окрест тёплого звёздного ветра. Вселенная кружилась в сердце, Солнце вращалось вокруг мудрости, Земля невдалеке. Хозяин земли сотворил крылья птице, лунный вихорек вдохнул душу в пернатую плоть. Научил возжигать пламень заревого рассвета, приносить радостные известия от светил. Засыпала синица в гнездах на хвоистых прядях кедра, душа странствовала со звёздами. В сновидениях осознавала — небытия нет, сознание отражало переходы в иные судьбы. Не желая спадать в Нижний мир, из скользящей тени подземелья стремилась в высоту. Облетая грозовые облака, сквозь ожоги молний возвращала душевные недуги в Зенит. Искра времени стирала гнетущие пытки в восхождении к насущным вершинам счастья. Набравшись свежих сил, обещала служить выси, помогая сотворить желанное будущее. Взлетая вслед за дымкой высших небес, дух сна вздохнул и обернулся дыханием ветра. Закутываясь в яркое оперение рассвета, синичка превратилась в Звезду утренней зари.

Отвесная тропа

Волк на двоих с Луной поделил добычу, заблестели опилки звёзд, хрипел комок в горле. Угнездилась гроза, бессоницу сулила колыбель из кедрового стланика, пищуха грызла орех. Вздогнула ночь, оживилось журчание ручья, шерстка промокла на хребтине у изюбра. Исчерпав промозглый снег, стоя туч ломала куст багульника с распустившимся цветком. Раскалённая луна ненасытно лакала всплывший туман, отбрасывая тень вглубь лазури. У грани скал без ветра шумела ель, сдвигая розовые восходы и закаты на раннее время. Вырываясь из туч, гроза искала кедр, на камне оставив босую царапину острой молнии. Властно рокотал гром, осушив слезу о крытый наледью утёс, контур горы приласкал эхо. Сочно мелькнул солнечный луч меж зазора хвоинок и сожжённой коры лиственницы. На ковре ягеля с горячим льдом гранитные камни оживились цветением первоцветов. По горизонту петлял обод Млечного Пути, закатная Луна цеплялась за лавинное облако. Никому ничего не обещая, отражённая в сонном снеге, невозвратно пролетела комета. Отвесная тропа у кипящего ручья вплеталась в узоры мечтаний о дальних странствиях. Из охвата Вселенной оленёнок осилил восхождение до половины в обратимый рассвет.

Крик-дыхание

Догорало обличие дня, обуглился закат, вечерняя звезда взлетела в мрачное величие. Оставив под крылом дрожащую тень, птица искупалась в ручье звездных туманностей. Оторвав от краешка зенита звезду, лунный коготь осветил пёструю важенку-кормилицу. От разлуки Верхнего мира в туманных полянах Млечного пути выросли дочери ветра. Грустила оленья душа, желала родить оленёнка, отступала от клыков в волчьем оскале. Изнутри озаряясь светом Луны от суровых страданий, выживала в мире превращений. Вписывала смысл судьбы в заданное провидение, гон, отёл, тайгу в кружеве цветения. Время меняло выпадение росы, созревание шишки, пыльцу ветреницы в выдохе бури. По знаку земли и воды, солнца и выюги, зверей и птиц шла на солонцы за сладью соли. С рассветом по снеговому звёздам возвращалась с оленёнком в теплые ладони Солнца. Ожидала росток лиственничной хвои, лучистый прилёт стаями птиц к яслям проталины. Цеплялась за жизнь, брела на краю мира, на урождённую тропу бросала крик-дыхание.

Дерево-матка

В знамении муравьиных забот по зелёной хвое, на угрюмых камнях рос копилкой судеб кедр. Ураган гнул ствол, корни вре-
зались в песчаник, кедр качал ветвями, отбрасывал тень. Тяну-
лась к небу стойкая к моро-
зам крона дерева, жёсткой
хвоей прикрывала плоды.
Слезам зари провожа-
ли зиму мохнатые иголки,
эхо проскользнуло к серд-
цу скалы. Утихла снежная
буря, расцвёл багульник,
телились олени, проснул-
ся в норке бурундук. Кед-
ровки между деревьев
шелушили шишку-паданку,
уснувшую на подтаявшем
снегу. Выклёвывали пти-
цы прошлогодний запас
орешков вечнозелёного
кедрового стланика. Ветер
хлестал в крылья материн-
ской хвоей, живица дарила
плодовитость и долголетие.
На камнях таёжной глуши
Мать-кормилица щедро раз-
расталась орехоплодным ду-
хом. Расцветом сил унимала
ярость бурана, в опавшей
хвое согревала породнённых зверей. Палёная молнией, плакала
кора дерева смолой, исцеляла незаживающие раны сердец. Кор-
ни вспарывали бесплодные скалы, одаривая стебельки выжим-
кой чуткой живицы. Отъедаясь на орешке-паданце, весенний
медведь дивился: мечта воплотилась в жизнь. В чередовании
сезонов орешки, пережив стужу, проклёвывались нежными ро-
сточками.

Мера счастья

Превращаясь в оленя, обрастала осенней листвой Луна, на рогах висли струйки дождя. Птица садилась на спину, на жизненном дне вырастала скала неоднозначной сущности. Маточное стадо выпасалось вольно вблизи от съёмных стойбищ на сытных ягельниках. Верхом на олене кочевал человек, добывал изюбра, медведя, кабаргу, пушного зверя. Кушал плоть диких животных, в голод мясо прирученных оленей в пищу не употреблял. В сложных условиях тайги олень-выручалочка хорош под седлом, не в котлах на костре. Следуя правой стезёй, не живился чужим, ощущая вкус охоты жил с пользой, без вытья. Кедровые орехи и корни сараны запекал на углях очага, чай белил выдаивая важенок. Изобилие таёжных даров, освещённых чистым лучом Луны, признавал за меру счастья. Испечённую мучную лепёшку вкушал с молоком, добавлял отвары кислых ягод. В суровые зимовки замораживал впрок рассол, сушил черемшу, дикий лук с чесноком. Выкармливал оленьим молоком сироток, небо родитель дарило выгоду тучному стаду.

Брат Солнца

Вырвавшись из призрачной сети звёзд, ветер кружил птичьи перья из обездоленных гнёзд. Оленёнок приникнул к изголо-вью, на медвежьей шкуре таёжник уснул в обнимку с лайкой. Полумраком окутанный туман ушёл в небытие, склонилась набок остекленевшая Луна. Бессудная комета су-етилась вокруг своей оси, зарева птица ловила соб-ственную тень. Отец Вре-мени призывал Семирогого оленя шествовать по обра-тимым тропам желаний. Впереди оленя, опережая ветер летела синичка, за хребтом — бежал случай-помощник. Пурга бушевала, метель с ног валила, гнулся прочный лёд на краю бес-слёзной пустоты. В рассвет-ном разделении зари Луна взяла под перья исцеления простуженные звёзды. Брат Солнца, покрытый волчьей шкурой, выгорал пагубой, закалялся поветрием весны. Моросью плакала снежная слякоть, цветы одиноких судеб взошли из-под талой земли. Синичка вызывала оленя на прошлогодней снежуре смаковать солнечный ломтик утра. Расправив шерсть, удерживающую свет, в оковах плоти ша-гал олень к облачной мечте. Зная, куда парит, о чём молчит Солнце, у птицы проснулись кровные узы для перелёта. Сестра попутного ветра крыльями взмахнула, превращая рога оленя в сверкающий луч.

Тень времени

Разум уснул, душа заплакала, не понимая странности, в облаках тень играла в прятки. Вершины не сдержали путь, дыхание сущность постигало, незаметно слёзы вытирало. На перепутье ветра и эха у завесы лавинного снегопада глупо заблудился лунный круг. На перекрёстках удачи выстуженные ледники запутали тоской следовые тропы зверей. В объятиях невзгод затерялась камнепадом избитая стезя лося на заоблачный перевал. Подтаявшим снегом снизошли стылые звёзды на кедровый стланик, пропахший ягелем. По россыпи гальки шумела струя ручейка, вечная жизнь встала над распадком памяти. На скальной стене улыбнулся разгульный багульник, собирая в соцветия пламя молний. Не насытилась стужа, мелькнула в хвое скорбью мглы, ненастной горечью дышал ягель. Сквозь дымку сна отделился отсвет от мира теней, снизошёл на мокрую листву надежд. На исходе ночных невзгод задрожали ленты из алой ткани, отмечая звёзд быстрый ход. Перешагивая тень времени по разбуженным цветам разнотравья, не спеша вышла Луна.

Размятая ягода

Солнце прижалось к зениту, не кончались жимолостные прибрежья, клюквенные перекааты. Опрокинув в застругу валежник, медведь губой вбирал аромат, шёл по смородиновой отмели. На ветру склонились кусты в мох, с веток осыпались налитые пурпурным соком ягоды. Созревшие плоды лопались, в лунном сиянии медведь ступнями лап ощущал их треск. Неудержимо плескался облачный ручей мимо настёж распахнутых скальных шрамов. Тресал град, по ущелью стелилась жимолость, удирало в дальние дали текучее время. Бесцельно ревнуя, ягоде со слезой без надежд признался в верности бурный водопад. Из мглы склонилась ягода к воде, пошептаться с отражением Луны во времядвижении. Следы чувства оставив в парной струе, пьянящее лакомство прельстило заревую росу. Отсвет ягод одарился озарением высокого неба, летел жарко целовать пылкий Рассвет. Смущённый Рассвет приобнял Утреннюю звезду, выплеснув за горизонт румяный цвет. Влюблённая жимолость застенчиво спряталась в разлучную тень, ждала время встречи. Карусель звёзд толкала грядущий день из ночных сумерек в зажжённую солнцем зарю. Сомнением размятая ягода упала в молочную накипь волны, втянув жилы света жизни.

Пастушенье

Медведь согнал стадо оленей пастись на склон горы, поближе к своей берлоге и уснул. Дождь сменил снегопад, ветер качнул колыбель на стойбище, тяжесть сдавила плечи. Метель надрывным свистом снега затмила Луну, пурга сгрызла клыками наледь реки. Над туманной одеждой вершин полыхнул огнём миг заката, замерла лавина событий. Дым кострища улетел вслед за густым маревом к большой выси неба, время тянулось. Ниспал пламень доверия, меркла звезда, разбивая мерзлоту сердца в пепел и шлак. Лунная полоса без тела и тлена поднялась в бесконечность лазури из неволи забвения. По изогнутой стезе к краю небосклона Луна отпустила на откорм оленье стадо облаков. Снегопад, пушинками легче прозрачного эха в помыслах крылья ответного ветра обнял. Сквозь сон теней и лучи видений изморозь окропила зарю поволокой искристых брызг. Скала учуяла преграду туч, обратимое течение жизни закралось в душу главного Света. Звёздным знаком отдельного счастья, искра веры метила все неземные судьбы в тайге.

Росстань

Солнце истлело, лиственница укуталась в меховую шубу лисицы, Луна нахохлилась вороной. Птичье сердце о крылья застучало, без надежды на встречу с весной душа зарыдала. Сгорело счастье, на росстани дыхание птицы старалось вернуть свет от упавшей звезды. Силилось высушить непрощённые слёзы прошедшей жизни, но поворачивало в тупик. От создания настоящего времени Среднего мира маялась бессмертная душа глухарки. Перемещаясь по пространству и ярусам выси, не ведала, долетит ли до конечного пути. Менялись времена года, вырастали и падали кедры, размножался ягель, звери, птицы. Осень шла в морозящем снегу к наледи, зимующая птица оттепель принимала за весну. Птица свила гнездо на леднике, с проталины небес крыльями выталкивая Солнце вверх. Чужа движение небесных звёзд, время исчисляла уменьшением ночи, увеличением дня. Ведала положение точек восхода Солнца среди вершин и вызревшей лунной полнотой. Вечное движение сезонов мерила сменой поколений в стае и стариковским возрастом. Ощущала секреты за теневой чертой и разумела — оттуда вспять никто не возвращается. Кочуя в поисках прокорма, соединяла лунную росстань ночи и миг мерцающих зарниц.

Громушко

Совести мститель — время — зализало рубцы памяти, полная слезами туча ждала молнию. Из забытья недвижно сверкнула звезда, за пределом бури пробудила клочок облака. Во временных ветвях Древа погоды хранились Солнце, Луна, дождь, снег, ветер, гроза. Медведь похитил листья дней месяца, бредил подчинить стволу восход и заход светил. Рискнул управлять ливнями, сухоросами, наводнениями, стужей, жарой, удачей охоты. Царапал кору сезонов об очёсы стихий, залегал спать в зимней берлоге под корневище. Древо в ненастье кормило, растило зверя, в метель дарило уютное гнёздышко птицам. Витая в облаках, ветрище отражал настроение невзгоды, молнией истязал за проступки. Сменяя времена года, олень выжимал рассвет, собрал рогом утреннюю росу в живицу. Во тьме оглядываясь на Луну, просил подателя света озарить на голых сучках росточки. В пасмурной грязи из зёрен добра растил цветы весны, тянул к небесному плодородию. Громушко грозил обрывком туч, Солнце над кедром одарило погожим счастьем жизнь.

Метелюга

Озираясь на коварство свирепой битвы, надетый на рога волк зализал рану, истёкшую кровью. Он бой не уступил в рвущем сердце вопле тащился к сладкой свободе, пытался выжить. Зимний вихрь закружился и унёс за собой опавшие листья, задумалась Луна в облаках. Выпавший снегопад заострил зубцы вершины, волнение смятенного сердца успокоил. Огненная лента зари замерла угасающим пламенем над осыпным шквалом камнепада. В засаде перевала олень с жадностью отхлёбывал густую изморозь бездонных туманов. Тайной взора, теряя минуту, в ягельном кружеве тундры оттаивали по кусочку льдины. В душе гуляла метелюга, ум отсчитывал шаг по бескрайней тропе в бесконечность неба. Лунный порез отпустил вьюгу вдаль, пурга дробила время, истина пела ответную песнь. Звездная россыпь прижалась к лунным рокам, снежок со слезами обкатывал валуны. Пряталась молния в грозном облаке, гром — в объятии зарниц, Луна — в восходящем утре. Скинув оковы в Млечный тупик, неведомой силой ветер вознёс несбыточную надежду. Со склона срываясь в обрыв, тлела уставшая тяга вечных скитаний к вершинам судьбы. Неприступной мечтой ведомый навстречу горизонту медведь встал вровень с Солнцем.

Жизни река

Гуси с гордой осанкой вышли на берег к каплям росы на траве, у лисы сердце забилося. Лиса сдвоив свой след, принесла добычу к норе, лисёнок насытился и уснул на ладони. Духам стихий не подвластно протекала Жизни река — дикая, страстная, нежная, опасная. У сползающего с небосклона ледника за трещины скал корнем цеплялся росток кедра. В нижнем ярусе неба Земных духов жизни скребла стужа мёрзлую наледи, боль омыла. Дух ветра просил рот луны взаймы затеплить остывание чувства жизни светом времени. Сочилась свозь камни слезами живица, водоворот печали уносился в скальный каньон. Выпадала морось, по кругу улетело время, испарялась жажда, плакало водопадное эхо. Река под землю тянула, плескалась, высыхала, уносила на днище мечту, решала судьбу. Кружилась шуга, обретая единство с отражённым лучом в раскосых заботах созвездий. Веря в солнечный восход, в заводи половодья закипела пенной волной струя времени. В объятиях пагубы скал вода слиянием правды облила семена истины, сберегла жизнь.

Луч времени

В гнезде долбил Луну желторотый птенец, тайга подставила ладонь волчьему аппетиту. Сыч ухал о свадебных приметах, вздымая пыльцу, стадо затопало в цветах мышиную возню. Сквозь безучастный ветер шёл навстречу желаниям, на обратном пути душа остывала. Хлебнувшее горюшка сердце по воле небес исцелилось, сквозь слёзы вернулся покой. Из незримого неба всходил луч времени — защитить от гнева грядущего жданные цветы. В снежном закате о необъятном недостатке ягельной тундры вспомнил Олень-созидатель. Вершитель судеб крутил лунную колыбель из созвездий, Солнце сменяло времена года. Разные светила правили мигом, рассеивая тьму с ярусов снов о рассветных надеждах. Юное солнце не имело корней, мечты воплощало подобно птице в огневых веснушках. Стариковское солнце у остылого горизонта встречало разумную Хозяйку лунных судеб. Искра полярная рождала оледенение, жалость потока света не дала земле вымерзнуть. Зримая днём звезда потускнела, молоджавое солнце возвращало небу теплоту перемен. Восстав от сна, утренний рассвет уронил луч на снежную скалу, отогрел силу живучести. Отгоняя тень сомнения, в солнечном луче у не рождённых оленят зажигался огонь душ.

Межсезонье

По облачной тропе заблудилась оттепель, луч надежды поскользнулся на талом снегу. Не меняя возраст, сквозь пальцы убегало время, снилось обрывками детство в ладонях. Лунный отсвет охотно расстелил небесное полотно перед широкими копытами оленей. Зарево зари поблекло былью и небылью, Утренняя звезда отразилась в капельке росы. Охотник за чутким изюбром с перевала острые рожки луны приблизил к вершине горы. Усыпив заботы, всплеск ручья опрокинул ход времени в туманы, в котёл — чайную ложку. В ладошках кашкары съёжился бурундук, мокрый ветер бежал по кедровым хвоинкам. Филин обломил голую осоку, робкие мотыльки обернулись в набухшее хмарью облако. Разлучались сотрясающий гром со странствующей молнией, разделив небеса дождём. По ущелью бежали ледяные сквозняки, угли в очаге выцветали в уповании предзимья. Не успев оком моргнуть, ворон забыл о вспышках зарниц, на ягеле блеснула снежинка. В сердце оленёнка соединился выкрик кукушки с рыданием отлетающей гурьбы птиц.

Искра в изгари

Горноста́й исполнил особый танец казни, отчего бурундук от страха впал в ступор до атаки. Горноста́й стелил нору шкурой добычи, на солнечном согreve медведь бодрил душевный рост. На выжженном Солнце повисла туманная дымка, изменил русло небесный ручеёк. Камни ползли из-под ноги, лиственничная игла жалила промёрзлую струю водопада. Порыв грозового урагана гнал бродячие тучи, возвращая в прошлое тень мироздания. Тьму сомнений соединил с вечностью, встречный свет ледяной зари одарил надеждой. Обманутый суетой необратимости мига, горящий жар очага погас во мгле злой неволи. Перегорев изгарью, огонь внутри ствола дерева бодался с лютыми вспышками молнии. Уголёк костра незримо разгорался в пламень, выжигал зло сумерек, ниспадал в пепел. Пережив намерзлые кочки, огонь высветлил негасимый рассвет в просвете туманности. Искра жизни затеплилась в сердце, быстро вспыхнув, гладко горела, медленно тлела. У обрыва мысль не обуглилась светом полной Луны, от хищников не ожидала пощады. Негасимый огонь суть живой души мерцанием озарил удачу, удлинил кочевую жизнь. Шагом впотьмах и на ощупь под светом Полярной искры, пиком старости стала правда.

Первое творение

От неразделённой к Солнцу любви у Луны созрел гнев, в сердце тёмные тени от холода. Покачнулась слегка тоска пустот, средь безмолвия снежный пух не вернулся на облако. От ледяной стужи полиняло небо, истлели угли в пепле кострища, звезда тянула время. Равнодушно ползла Луна, опустели горы, в тайге не стала обитать ни одна живая душа. От недорода голодная птица на лету и зверь на бегу замерзали в скалистом бездорожье. Угасла мечта обманом нажиться, рано пожелала хищнически безудержно обогатиться. Из оков жадного рассудка дух-разум в грудь холодного сердца тёплым ветром стучался. С непокорённой вершины спешил узреть внутренним взглядом сияющий путь вечности. В отблесках высокого света охотник крепко встал на ноги, взывал к повелителю истины. На заклинание вылез из тени берлоги прародитель-медведь без когтей, клыков, шкуры. Человек снял с себя шубу и одел братишку медведя — мех засиял в лучах правдою света. Дед гласом духа пригнал в тайгу для пропитания животных, птиц, прирученных оленей.

Контур души

Медведь шагами разгладил валуны, надышавшись можжевельником багульник отцвёл. Из щели рассвета вышло утро, хлебнув медвяной росы, на губе изюбра остался солнечный мёд. Прохлада до сердца пролезла, в лунном озарении ослепла совушка, ловившая грызуна. Душа в душу жили совесть и разум, иногда с горячей слезой плоть пререкалась с душой. Ходовая медведица оскалила клыки, проходило охотное время на стыке неба и земли. Лапами брела по указателю лунных фаз, не пропуская убегающего по бурелому зверя. Опалённая солнечным лучом душа-тень продавала когтями знамение на полотне ночи. По узкому руслу бурного ручья рыскала, рассудком вынюхивала туши упавших оленей. Питаясь кедровым орехом, корой, травой, набирала разумных сил для зимней спячки. Накопив жир на ягодниках, зверь в берлоге рвал время, ощущая душу малышки в себе. Стирал мыслями расстояния о лунные грани, чуть согревшись, гнал из сердца лёд выюг. На шкуре дремучей тайги не иссякали следы памяти, претворяя опавшую хвою в ветер. В искре вспыхнувших переживаний контур души обретал черты младенца медвежонка. Душевное бремя сдавило старую душу, беззаботно чесала спину о кедр душа молодая

Плодный луч

С лазури небес струился чистый свет, без причины цветы багульника качнулись на ветру. Кочевник душой твердо читл благие заветы предков о продлении жизни птиц и зверей. Медвежьим когтем туча царапнула скальную вершину, подалась на звериную сторону. Падали град, снег, дождь и мысли в бездну тьмы, мерцали искры во вспышках зарниц. Солнце покачивало в крылатых качелях мечту, Луна баюкала сны в звёздной колыбели. Тлеющий свет не угас в цветах кашкары, в стуже чувств загорелся рассветным заревом. Луч полнокровно грел не рождённую душу, свет и прах зачинали дух, сияющий в плоти. Сомкнулись первозданный дух, душа, плоть, отсвет, рождали огнеподобного младенца. Удача с привкусом солнца несла жизнь цветению, укореняя плодное, корчевала сорное. Спотыкаясь о тень, маточное стадо явилось на встречу, пламенел желанием жар любви. Блеском звёзд сияла пылкая душа, взмахами златопёрых крыльев судьбы время росло. Плодоносный луч зажигал сердце, дух огня двух близнецов в материнской утробе неба.

Рассветная дымка

Без тропы, по каменистым щербинам вверх против течения реки брёл негодующий медведь. Хариус играл в прятки с отражением Луны, на травяном берегу олень росы напился вволю. Слезинка разбудила простуженное сердце, камни обняли ручей, брызги отмыли цветы. От холода мыслей согрело душу заревое пламя, у костра отсыревший уголёк зачадил. Через дыхание основ зенита, исцеляющая сила дождя давала жизнь таёжным дебрям. Необузданной яростью солнечные лучи окутали зеленою лиственниц скалистые хребты. Не имея окончания и начала, на излюбренных склонах расцветали голубичные ягодники. Выше пояса волчьей влюблённости листья брусники пёстро краснели алыми брызгами. Расправив крылья на рассвет, птица зывала послать добычу для пропитания хищнику. Души съеденных животных обретали покой, прорезая отсвет Луны, воскресали заново. Рассветная птица следила за сохранностью изюбрей в безликих невзгодах туманностей. Из тени безумных нападений звезда просила у волка для птицы крупину солнечной пищи. Птичий дух получал добытые души из свирепых клыков, начинал виток-облёт в зачаток. Оперившись в рассветной дымке, птенцы, из судорог ночи, взлетали в прорези облаков.

Оголённое гнездо

От тревоги грозы и от клюва орла птицы укрывали детей, ни на миг не оставляли одних. Мимолетная туча сомнения растаяла, птицы вдыхали слякоть неба, запасались отвагой. Подростки под надежными крыльями матерей, взлетали птенцы в середину облаков. Кружился листопад над опустевшим птичьим гнездом, ураган сгибал горб Медведицы. Птицы с душевной болью ждали птенцов, старались украдкой заглянуть в лунный угол. Вьюга сплела снегопад, постылая мгла заполняла пустоту, потеряла желание кормиться. Без укора затаив дыхание, птичья стая скорбела, надеялась пережить оголённое время. Стирались тёплые чувства и мечты о самой лучшей цели, ради которой стоит выживать. Небесные искры ниспадали в завьюженную ночь, с веток кедра метель хвоей относил. Счастье узрев, звезда не напрасно горела, душа птенца об отчем крове память хранила. Мгновения вечности сбылись новым смыслом: сквозь хмурую высь долететь до весны. Звездопад выжег студёные сны, птенцы вернулись заботливо вить собственные гнёзда.

Заревая песня

В ущелье укрылась тень, птица плескалась в облаке, на разнотравье шиповник расцвел. Бормотал дождь, в тумане затаилось эхо, невольник рассвета — лось — волка обошёл стороной. Мотылек горел в пламени костра, печально подмигнула звезда, тайгу убаюкала тишина. Неведомо куда заскользила лунная тень, о счастье беззвучно закричало разлучное эхо. Рождая в груди глухое томление, убегало отчаянно время, торопило дебри измениться. Поговорка о не стоявшем снеге зим наполнила сердце чутким волнением первоцвета. Под дождём верещала капель, охотничий манок подзывал кабарожку болью до стога. Сквозь облачный сон синица глянула в лазурь неба, тоскливо пикала песню с припевом. Забота не желала стать страхом, пронизаемость открыла непомерную кромку вечности. Заревая птица взволнованно щебетала мелодию сердца, вьюга нашептала слова любви. Во вспышках зарниц, радостью до слёз, олень слушал переливчатый посвист куропаток. Соседушка-метель возгудала люлечный распев, мотылёк внимал жалостный отзыв эха. Суровая трущоба почуяла на льду отголосок весны со сладостью нежных созвучий утра. В луче рассветной зари солнечное пение птиц рождало умиленное сознание в уме лоса.

Шагание за соболем

Выпал свежий снег, птица защебетала заветные слова ветра о заботах таёжной жизни. Человек составлял сотни планов, распрямил загрубевшие пальцы, скрюченные стужей. Взлетев из-за гор, Солнце чуть-чуть взмахнуло крылом, соболь залёг в кустах голубики. В рассветах зимних надежд, в обновлённой шкуре хищник кормится замёрзшей ягодой. Вдохнув стылый воздух, человек верхом на оленях объезжал стежки звериных следов. Запутывая оттиски, изюбрь забежал на вершину горы, покрытую белым заячьим мехом. Чуя непогоду, рябчик зарылся в снег до метели, волнуя сердце, шумно взлетел на кедр. Росомаха петляла по сопке за горностаем, филин выслеживал белку, щебетала синица. По рыхлому снегу пушной зверь мышковал, человек поднял перья глухаря для амулета. Соболь наелся до отвала, прилёг отдыхать в дупле дерева, охотно впал в сытую спячку. Лайка, науськанная на отметки, показала лежбище зверя, желала пробовать вкус мяса. По петлям хищного соболя человек во цвете лет измерял ногами гнутую тропу времени.

Солнце за пазухой

Медведь наедаясь спелой ягоды на зиму и впадал на берлоге в спячку, чтобы морозы не видеть. Исхудавшего и выпавшего вытаскивало из берлоги топтаться по талому снегу чувство голода. От лезвия злости Луны бросало в жар шкурку, душа искала мудрость в трясинах суеты. В висках постукивало сердце, пылкость вытягивала до звёзд, бросала во тьму безумия. Грозовой ураган жадно глотал край небосвода, Солнце мерцало пламенем бесстрастия. Отгибая трещины скал, олень рогами пытался подтолкнуть Луну на скалистую вершину. Человек шёл по петле тропы, усталенной осколком вечно спадавших звёзд в будни тайги. Лавина преподнесла горам дух мелкого камешка, на ощупь катящегося по следу выюги. Обещающим значком человек отмечал восходы и заходы светил в дни равноденствий. Ласковым пением убаюкивал оленёнка на ягеле, с облака собирал рассветную пыльцу. Закалённый огнём молний, на стуже наледи отогрел за пазухой встающий кусок солнца. Из золоторудных россыпей складывал уступы самородков в лучины небесной растопки. Поднося лучшее знаменьям, сохранял сердце, событиями жизни делился с дарителями. Хозяева горных небес признавали дары охотничьей удачи, не загрязнённые скупостью.

Сын медведя

В верховье распадка медведь наелся до отвала брусники, подустал, прилёг вздремнуть. Могучий зверь приник к земле, шерсть стала тайгой, бока — пропастью, спина — вершиной. Охотник слыл сыном хозяина тайги, не снимая шубёнки, ложился на ночлег в берлогах. Мыкая горе, не бросал вредное слово, разочарование прорастало злостным сорняком. Определял перемены погоды по звёздам, ветру, облакам, растениям, зверям и птицам. Знобко кутаясь в медвежью шкуру, мохнатой лапой колотил в светоносный бубен луны. Подражал походке зверей и полёту птиц, силой здравого смысла исправлял невезение. Нараспев рычал и топтал ногами, созывая подвластных промыслам духов-помощников. Задавал вопрос, духи откликались мыслями о стойкости судеб, дышали сиянием истин. Чуял подъём души, принимая желаемое за действительное о будущем живых существ. Кочуя по тайге, возвращался на стезю забвения с охотничьей удачей по долгам совести. Родство душ с медведем дало радость, сбылось, о чём мечтал и против ветра надеялся.

Сумерки звёзд

Луна ладонями сдвинула Солнце, ягода утонула во мхах, по скале на цыпочках ушла кабарга. Ветер тронул ворох листвы, от облака тень сжала вершину, птица с обрыва бросилась вниз. В сквозняке вечности ожило пламя страстей, раздувалось безумие, гасло разрушение. В небесном костре чувств потрескивало равновесие, охраняющее от мучений мудрость. В зачатке времён живой дух ярких звёзд заботится о настоящей связи луча с будущим. Свет отдавал земному творению облик вечного предка, оживляя, наделил тело душой. Светодержец в дар получил ум, мысль, разумение, мышление, чутьё, помыслы, совесть. Светоч разума имел защиту от высших сил, смирял мятеж духа, познавал заблуждения. Преодолев грань смещения — зверел, плотью окунался в огонь, ветер, дым, воду и тьму. Первозверь медведь восстал первым смертным, знаменуя конец века покоя вечности. Странствуя по горам, не вредил жизни, спасал душу, устремлённую к негасимому свету. Незакатный блеск темнел в сумерках сновидений, вселялись под кожу боли и недуги. В вечном обновлении Луны, луч создал человека из сошедшей шерсти с кожи медведя. Без согласия души и ума терял чистоту силы, ниспадал Свет в бездну Вселенной.

Багун болотный

В высокой траве медведь собирал ягоды и сбился с тропы, угодил в моховину. Медведь тонул в болоте, вползал в душу страх, силы терял, просил помощи в пустоте. Медведь огляделся

и вдруг увидел Луну. Луна красовалась в полёте. Любостью простуженный зверь, упорно брёл по болотной топи, искал стезю к лунному сердцу. Луна попросту помрачённые чувства не замечала, трясинную страсть по облакам обходила. Пылкость медведя в сырой мох искрой свалилась, цветок прорастила — болотный багун. Отвергнутый зверь обрызгал нектаром лунную красу, окурил ароматом, манил в берлогу. Тьма сгустилась, сердце Луны не выдержало грусти. Вдыхая дурман цветов, Луна про звёздное небо забыла, по лунной дорожке в медвежий зыбун спустилась, своё отражение подарила зверю. Медведь почувствовал волю рядом с разбитой заботами

Луной. В угаре тумана Луна очнулась, в бегство пустилась, но заблудилась в дремотном затмении. Из кочкарника медведь по лунной дорожке пустился вдогонку за Луной и достиг ягодных берегов. Понял медведь, властен над бездной трясинной багульник болотный, пьянящий запах листьев дарил прозрение влюблённым.

ЛУЧИСТАЯ РАДОСТЬ РАССВЕТА

Северная снежинка

Грянула гроза, вздыбил шерсть на загривке волк, по спине пробежало пламя молнии. Медведь стряхнул дождевую воду с меха, вихрь-капель вокруг шеи свалился льдом. Собака по судьбе почтенно несла службу, пошевеливала ушами — метелицей выюжила. Снежинка упала на стелющийся рыхлый снег, ошибки повисли тяжёлым грузом в душе. Позабыв щедрость, сердце очерствело, заполнилось корыстью, тело ослабло, дух потух. Суровость жизни вовек не прекращалась, за собой оставляла следы в чередке проталин. Являлись мифы нетленных будней, снились позабытые предки, ветер играл страстями. Веря в себя, порыв души крушил преграды уступчивым характером и весёлым нравом. В голод питал затравленную плоть талой ягодной травой, собранной из мышиных норок. Истерзанная душа радовалась вышитой бисером сумочке, мозаике на меховом камусе. Получал заветный отклик щебетом синиц, оленьим молоком, диким луком, черемшой. Представал пред разумом судьи в шкуре с когтями добытого медведя всю пору живой.

Поприще

Копыта оленя звучали на каменистом уклоне, опустевшее сердце медведя кольнула тоска. Седина скользнула вдоль висков, на бездорожье, вместо дождя, упала туча, охнул рябчик. Светило проходило мимо, каюр стяжал славу охотника, потребный дух мстил за обиду. Менялись земные ночи и дни, спасение и гибель неуловимо бродили в недрах души. Дух жил на охотничьем уголье, водном плёсе, вершине и в звёздном потоке вечности. У духа каюр ничего не брал, травинку сорвать не смел, ступик водил в капканы голода. В череде горных и небесных жизней орлица вживляла гнездо в крону могучего кедра. Подруга лучей солнца — птица — в приюте горного чума высиживала луной озарённое яйцо. К орлице не поворачивался спиной, за великое поругание почитал разорённую кладку. Воспрянув духом в очертаниях совести, обвешивал ствол добытыми шкурками соболей. Взятый для прокорма зверь не исчезал бесследно, врата неба остались в сознании Рода. Не рушил кости невозвратно ушедшего медведя, вблизи пустой берлоги ставил метку. Не иссякало облако свидетелей, в явной оценке отмеренной сущности оставило следы. Из обители материнства по законам духа жизни излучалось семейное единство в плоти.

Солнечный рот

Тело голодное солнце, догорали лучи, искры кололись о скалы уходящих огорчений. От слёз огненных комет тени ускользали в безмерность к тусклому отсвету созвездий. Искоркой озарённый огонь каюр считал живым существом, имеющим свободную душу. Склонив очи, чувствовал муки совести, глядел в солнечный рот, кормил кусочком пищи. Сбросив око-вы с пылкого пламени, горение посредничало меж страданием и радостью. К жаркому пеклу, способному побороть сумерки, обращался с различными просьбами. Плутая в пыли злой пасти охотничьей страсти, советовался с источником основ — очагом. На помыслы горело ровно пламя — не угасало, нетленностью сияло, предвещало удачу. Тела искра жизни в летучем дымке, пепел костра берёт от поругания грязным словом. Не омрачал лучистую глотку растерзанной плотью, не сжимал зной смолистой шишкой. Приобщая к очагу оленёнка, уста мазал сажей, мягкий язык не сокрушал кости недугом. Огонь не принимал оленя за чужака, знал: брат вышел звать к светозарному участию.

Шаркунец

На мягких лапах ушёл волк, остыл казанок, человек оленёнка нянчил мозолистой рукой. Солнце созрело, погас бес-
пламенный луч, приглашала на охоту собака, гроза охладила
пыл. Туча высекла огонь молнии, с ветром согласился дождь, звенел полярный
колокольчик. Уважал седых стариков, в грозу вспоминал
былые поверья, в помин молчал до рассвета. Озарённый
единодушием сторон света, каюр отверстие чума
распахнул в вышний путь. Хранитель зеркал мудрости,
в дыму очага воплощённую суть, одевал в костюм мед-
ведя. Медвежьим клыком и когтем, пером и клювом
орла проникал в разум об-
лика естества. Пальцами
и ступнёй ичига подражал
движениям зверя, вложив
смысл в суть камлания.
Паря в звёздном окне, по-
средничал меж стеной ося-
зания будней людей и ма-
ревом душ. В сокровенном
порыве дух стучал побря-
кушкой в крылатую окружность лунной крыши. Под дребезжа-
ние шаркунца бормотал просьбу — избавить ягельники от краха
оскудения. Познаваемой силой судьбы отсеивал отражённые
в душе соблазны, ответ от темноты. Неприкасаемым светом
осенённый, согревался терпением духа в забвении добрых дел.
Постигал задумку о возрождении тайги в нетленном родстве
сбережения вечной семьи.

Вешнее утро

В затуманенной излучине заблестело Солнце в падениях росы на хвою кедра после сна. На косогоре в ледяных сгустках меж камней взошла поросль трав — заглянуть в очи неба. Из закоулков бытия на заре возвратилась весна, жар души зверя запылал лоском ягеля. Зов странствий разбудил медведя и вывел из берлоги, окутанной звёздной изморозью. Заревой рассвет распростёр объятия, расцветал багульник вдоль ходовой тропы зверей. Насытив судьбу суетой, сила лучистого света в заблудшей душе оживила зачаток жизни. Обновлённый веснушками кедрач радовался сияющей свежести раздолья талого снега. На гранях вершин несказанной оттепелью родной кров покрылся сворой алых облаков. Золотистые искорки калган-травы прозрением выделили белую ворону из чёрной стаи. Замерцал чистотой истин ледник, запылала лютики, зажигая нутро солнечного восхода. Сладкий простор цветочного поля согревал кровь, исцелял усталость кочевого медведя. Бьющееся сердце хищника чувало в лепестках тихое счастье и бурный луч вешнего утра.

Путь-перепутье

За сутулой спиной оставил птичий простор, к свету сумерек от подметок рвал судорожно душу. Ловил ветер в звёздные сети, в мыслях искал счастье в зазорах меж будущим и прошлым. Рвалась на ошмётки душа и ревела взхлёб, оказавшись на перепутье жизненных троп. Проливая слезы разлуки, стеснили душу мысли о выборе пути, предстоящем впереди. На лунном поле Большая Медведица охотилась на оленя, рыча навзрыд, резала судьбу. Через перевалы узкая стезя вдаль стремилась, опознавала зов бытия грусть-попутчица. Над обвалом ощутив оборот острой боли, колея в чёрной пурге скрипела лентой тревог. Конец удачи недалек и жизнь не бесконечна, падал олень, шкуру снега копытом скрёб. Покоя не находил в поиске покорения заветных вершин, по жизни тропу до конца тянул. Свет и тьма без следа сплелись в туче, олень обнимал неведомо куда спешащую звезду. В крушащем пламени молнии не выгорал, в стуже не отвернулся от утерянных надежд. Солнце сжигало горечь ошибок, судьбоносная Луна утешила точностью сладких чувств. Упала Луна, напоённая слезой тумана, мечта шагнула из безумия цветов к высшей сути. В поиске прозрений на исхоженном пути-перепутье угощал время доблестью скитания.

Олень-Небо

Олень пил воду из стылого родника, инеем окропил Солнце, закрутил радугу в кольцо. Волк умильно нежился, олень шёл босиком по росе, чистил шкуру в цветистых лучах. В утро равноденствия от приручённого солнца получал олень мощь, здравие, силу воли. Ведомой судьбе в угоду, Олень-Небо в перьях рассветной птицы всходил в Верхний мир. Солнце загло мечту, Луна озарила мысль на звёздной коже бубна знаком согласия. Взлетев у основ Вселенной, воплощался в шкуру медведя, спускался в нижнюю берлогу. Смотрел глазом тела, на крыльях надежд внутренним оком видел двоякий смысл душ. Извлекал насущный корм, правдой заботы внимал речь растений, воды, огня и камней. Время двигал по вечному кругу, в видении света истин искал изжитие от болей разлук. Из слепящих вихрей снов тлеющее сердце из груди кидал в раздорожье пламени молнии. Из власти тьмы внушением голоса разума провозвещал улыбку на горьких губах Луны. Заклинал, лечил, искал блеск звезды во мгле, шёл в мираже тщетным шагом свободы.

Сотворец пути

Куропатка хлопала крылом, горноста́й поймал рябчика, кедр иглой хвои прошил облако. Лавируя меж камнями и кочками, заяц пытался спрятаться от лисицы, волчонок завыл о любви. Затих угрожающий щебет птицы, тенью бабочка взлетела к солнечным обольщениям. Оберегаясь от падения пеплом, воплотилась душа в радость, раскрыла объятия ветру. Окольным кругом, ощутив верную стезю сквозь годы, путник ласкал душу обещанием. Пробиваясь сквозь горечь тоски, по беспутице бродил вслед за отступающим ледником. Уцелев в суровом выживании, с клятвой охотника осваивал дремучие чащи без следов. Искра в горячей душе освещала извилистые пути к звёздным тропинкам далёких истин. Позабыв заболевшую страхом тропу, добывал медведя на берлоге, караулил сохатого. На скалах рисовал души оленят, с небесных высот нисходящих в новорождённую плоть. Сжимая зубы, бrenным умом искал тайные значки небес и не уставал от земных забот. Истаяв потом в ложных снах, оттепель души не топил в равнодушии мокрого снегопада. В худое бремя обнажал шрамы души, прятал слезу пред громадой разумной вечности. Согревая спину у костерка, ощущал — Большая Медведица по лунной стезе ведёт рассвет.

Колыбелька

Под вой волков, крик сов уснул в берлоге медвежонок, в норе — лисёнок, в гнезде — птенец. Заснула суматоха в уга-сающей заре, загустел сумрак, задержнул пеленой денные заботы. Из туманных объятий закатного зарева подтянулась Лунная душа к всполохам зарницы. Большая Медведица вращала вечный узор звёздных часов в колыбели лазурного неба. Снежная шерсть небесного оленя накрыла хвойную тайгу, ручейки покрылись наледью. Измеряя небо лунным светом, Млечный выход оленят соединился с жизнью стойбища. Искра очага взлетела к Вечерней звезде, раздумье в люльке из хвои вычистил пламень. Упавшая в сумеречную пелену сиротка-комета суетливые крылышки в пепле испачкала. Зачаток рождения мира от всполоха рассветной зари воспламенил восходящее сияние. Лунное сердце вспоминало, что снилось за завесой тумана в слезах неясных мечтаний. Луч Солнца утра разбудил радушие судьбы у стада оленей, рассеянного по брусничнику. Оленёнок подпрыгнул ввысь зенита и прижался к полному вымечку душевной матери.

Дождевая роса

Туча грызла синь неба, солнечные пятна глотал вечер, по просторам катилась падучая дрожь. Тропа задохнулась нежной плотью, ёкнуло сердце, в колыбель кедра свисла с ветки звезда. Водопад захлебнулся слезой, шелест хвои угас, на заре сбылся сон промокшей птицей. Сквозь паутину облаков дрогнули лунные осколки, мечты вплелись в суровые будни. Целебная вода кропила очи, у поникшей головы добытого медведя клялась росамаха. Рычанием об удачах перечисляла правила бережного отношения к чувству братишки. Отгремела гроза, жилистый ветер стиснул сердечко дождевой росы на хвоинке кедра. Вдоль извилистого ручья шла волчья стая, совёнок закружил над заходящим светилом. Разбуженный дух медведя по ворсу тропы бродяжничал к звёздам, открывая им лица. В глубине души призывал обходить мать с оленятами, не опустошать гнёзда куропаток. Нарушителей таёжных уставов поделом выжигал молнией мстительный дух грозовой. От нестерпимой боли разлук к доброму потомству выводило эхо безвозмездную душу. Мнимым счастьем истрёпанный зверь, поверх звёздной спины встречал восходы Луны. С небосклона клыкастая душа снизошла в берлогу — успокоиться в повторном рождении.

Цена жизни

Посватавшись, семейная пара волков покинула родителей, создала новую гонную стаю. Днём и ночью волчью свадьбу по горам вела волчица, матёрый волк бежал вплотную. Зажатая в зубы боли тоска грызла сердце, одиночество чуяло страх во вздохе сохатого. По россыпям камней и дебрям тайги лось надрывал тропу в поисках кочевой подружки. Алмазной пылью повисли звёзды в безлунной бездне, грудь устала дышать хандрой. Туманную мглу разорвала клыками волчья стая, вожак измерил следы оленьим шагом. В прозрачной росе бледнело гордое небо, отлегло на душе у птиц, поднятых поверх туч. В тягучем подъёме на крутой перевал, лосёнок вдохнул терпкий запах тёплого молока. Сточив до дна талый ледник, туго билась о скалу пенная волна, навевала скуку тишина. Разбуженная шорохом взлетела хищная птица, понапрасну терзалась Луна, волк завыл. Отхлебнув горечь страдания и сладость мечты, сохатый рискнул собственным счастьем. Из нервов ушла усталость и праздная ленца, голод толкал вожака узнавать цену жизни.

Крылья души

Змея подползла к орлиному гнезду, птица желала проглотить гадюку, но отравилась ядом. Рептилия застряла в глотке орлицы, ослабили крылья птицы, из гнезда выкатилось яйцо. Ветер утих, туман поднялся над грустью ожидания, озарились жалостью звёздные лучи. Охотник спугнул волка, струйкой взлетел дым костра, в траве укрылся мокрый телёнок. В переливах зари стадо хмурых облаков равнодушием прикрыло странствующую ночь. Обессилив от грусти, с искренним взглядом птица потеряла стаю, рухнула в беспокойство. Наполняя душу животворящим дыханием закатного Солнца привыкала к неожиданности. Птица запоздала сердцем почувствовать скользнувший луч сквозь глянувшуюся судьбу. Гнёт тоски взмахом маховых перьев мчал птицу выше сокровенных радуг и грома гроз. Из сыроства неволи расправляла крылья, сгибала пёрышки для родственных объятий. Ускользающий лунный отсвет сдавливал сердце, уступало дуновениям ветра отчаяние. В мерцании звёздных грёз земная доля силилась погостить у затаившейся высшей воли. На распутье встретила рассвет, в очищающем трепете огненной зари задышала надежда. Чуя путь чрез вечность, птица взлетела искрой, подарив частицу души Утренней звезде.

Ясная ноченька

Долгая ночь запустила клыки и когти в молнию, наклонилось птичье гнездо на ветру. Утро без Солнца закрыл дождь, ослепший камнепад сорвался в ущелье, оголив скалу. Гроза бросилась за стадами оленей, вздутое небо дочиста выжало заплаканное облако. Закрылся перевал к мечтательным угодьям, марево поедом выело куцую тропу домой. Закатная заря пронзила лучом лавинную мглу, сумерки заглянули в нутро сновидения. В потускневшем зареве огня остыла мечта, обуглился склон горы, почернело знамение. По крутизне баз спуска струился лунный отсвет, без чувства озябли сердечные видения. Укутавшись в звёздную шкуру, тьма легла в ущелье под лёд, обрекая на вечный поиск. По небу босиком шла косоглазая Луна, открыв проём сна сквозь лазейку Млечных троп. В радужной паутине кедровой хвои ожил звездопад, стонуще вздохнул можжевельник. Умытая неугасимой росой бездомная звезда побледнела и упала с копыт в котелок чая. У кромки небосклона задумавшись о судьбе, ночка считала искры, выгорающие в заре.

Щедроты судьбы

Изюбрь играл в поддавки, подпускал волка и уходил, медведь-шатун загнал себя в петлю. На ягельных лугах, перемешивая хвою и мечтая о будущем, оленёнок повзрослел до срока. В несхожих гранях снов Полярной звездой озарилась пролётная птица, желая согреться. Луна опустила корни в затаённое упование безумных камней, босиком убегало время. На туманном перевале и в тени снеженных вершин наудачу олень хлебал горечь лиха. Искал случай для сердца, будни отражал в уныние, угрызения тоски сменял надеждой. Доверял закону стада и под копытами звенел ягельник, приносил пользу, делал добро. Уповая на щедроты судьбы, духи-покровители отгоняли отчаяние от ревностной души. Опухшее сердце изнывало, душа таяла, сглаживая россыпи камней, рывтины мшаника. Бурный брод перейдя, в дремучей трущобе пелену уныния очистил давлением ветров. Одышка не сбила с твёрдых троп, проходил сквозь преграды стихий, заслоны ненастья. Олень горной земли открыл переходы на опасном гребне скалы и в коварном ущелье. Искал знак упавшей звезды в накал страстей, познал суть явлений и сущность озарения. Влюбленному в безмерность небес оленю блеснуло солнце ярче цветов весенней тайги.

Трепет сердца

Омрачила морось багульник в распадке, с чашей чая у ко-
стра присел каюр, вытянув ноги. В дуновении ветра, пахну-
щего живицей, сиротка-звезда провожала ночь в плен надежд.
Печалью, похожей на радость, засияла молния, согрела сердце
проснувшегося рассвету. Мысли погрузив в ожидание вечности,
растерянная мечта стремилась к бесконечности. В серой тени
гольца обитающие эхо из смутной тишины окунулось в источ-
ник чувства. Настежь отворив перья, сузила глаза звезда утра,
опустив уголки рта, погас взгляд зари. Затаив дыхание, тайга
смотрела без сожаления, олень стонал до одышки в хождениях.
Оживший порыв души испепелил горечь лживых слов на губах
от прошедшей неудачи. Камень преткновения на перепутьях
событий проявил поступь судьбы кверху и вглубь. Чуть дыша
солнечным светом, пропитались терзания, луч высветил мрачное
раздумье. Ветер перемен исподволь и на ощупь тягучий пады-
мок оттащил из кривизны каньона. Достигнув высоты, олень
прикоснулся к трепетной удаче, выправил изломы грядущего.

Шалашик

Над отмелью ручейка ослепший от слепней ветер задёрнул штору облака, качнул волну. Птица рванула вдаль, в папоротник залёг медведь, наотмашь сверкнула молния, засуха ушла. Утоляя грусть пустой котомки, странник прилёг на ночлег в опавшую хвою, зажёг уголёк. Словно во сне, созревшая Луна медленно поползла к заре, эхо узнало перестук оползня. Лёгкое дуновение звёздного ветра почувствовало усыпанное камнями и льдами озеро. Снежный буран, взлетая и падая под откос, соединил землю и небо на линии горизонта. Задумав измену, искра оживила облако пепла, натянула на сердце в мешковину грусти. Шалашик с дымоходом забыл невзгоды, промозглый сквозняк ливнем ударил плитняк. Завыл грозной бурей гром-изгой, рёвом проснувшегося в землянке голодного медведя. Набухшее месиво слёз с запада на восток, с севера на юг бушевало упрямством мыслей. Отодвинув туманную муть, жажда созидания принесла вздох аромата лучезарных зорь. Под солнечным зноем заиграл ягель, выжженной душе заверть дала глоток прохлады. Нараспашку отворив таёжные горы, вихрь приглашал отправиться в путь по кругу тени. Семь бродячих ветров подарили мечты, надежды и охалки встреч для замены судьбы.

Бессонный покой

Словно вольная птица по тайге кочевал, в пути обливался потом, иногда стонал от боли. Порой подолгу голодал, от житейских тягот уставал, слышал грузную поступь медведя. Медведь гнал сохатого и в сонме теней столкнулся со страданием поворотной судьбы. Расстояние между жизнью и сном неистовая душа сдавила не шире птичьего пёрышка. Жизненная сила осмыслила: откуда пришёл ветер веры, и далеко рухнуло побуждение. На убывающей луне угасло заветное зарево, сущий залог равновесия троп, отчего края. На звёздном ухабе от зенита до края гор медвежья душа замкнулась в нижней берлоге. Звериная тоска грызла душу блуждающую в паутине времени, сколько бродила в тайге. Зеркально выворачивалась наизнанку живая душа, страдала в обратном направлении. Мчалась к плоти по течению меж вихрями беспокойных переживаний, душа молодела. Бесплотная сущность остриём наконечника летела с лунной спины добрым знамением, посылая новорожденному медвежонку душу, витающую из лучей солнцестояния зимы.

Небо-отец

С перевала повернул на заснеженный пик, барахтаясь в облаках, ладонью погладил звезду. Замер напряженный шаг, сердце защемило, вздохнула душа сквозь пропотевшую робу. Познающий манящую высь не потерял себя, неприступная гора покорила упорством. Кроткая заря ощутила поцелуй мотылька, звёзды сошли с ума, гудела хвоя сомнением. Гроза сотрясала свист ветра, когтислая молния царапала тучу, гром утомил скукой тайгу. Замерло время, эхо сорвалось в пропасть, углубление тропы оказалось поверху звезды. Лунный гребешок кубарем скатился в горький опыт, пропитал слезами Млечный курс. Отец-небо горизонтом отделился от Матери-земли, Луна пригласила погостить Солнце. Заревой луч очистил вершину от снегов, талой наледи опостылел бурлящий прилив сил. Свет размыл кромку отползающей тьмы, слякоть дала всплеск роста живым растениям. В покато́й берлоге неба под визгом бури нежностью задышала чуткая душа косолапая. Посреди колец смерча в огне молнии медведь очистил клыки, обняв оленьё стадо. В солнечной шёрстке побрёл по следам удачи в росистую обитель из дождей и туманов. На высочайшей небесной щетине воздавалась вечная улада в неугасимой душе зверя.

Рассветная звезда

После спячки медведь одолел перевал, улёгся отдохнуть у ледника, попить талой воды. Сквозь слёзы туча открыла небо, Солнце палящей щекой прильнуло к хвойным иглам. Промёрзшие звёзды вытягивали в высоту катившееся по скале помолодевшее солнце. Сошедший на гору чрез неземные створки Небесный Зверь-Луна рано уходил из гостей. Тёмная сторона времени держала поворот на свет, менялось дыхание холода на тепло. Души добытых зверей уносились на крыльях перелётных утех в потоке лучистых огней. Очищенная душа взбиралась по ветвям древа, превращаясь в рассветную звезду-птицу. Двигаясь вкруговую из прошлого в будущее, вне тьмы, птахой летела к рассветной заре. Громким криком синица пробуждала жизнь от спячки, призывала свивать гнездилища. Обращалось мерцание к обитателям мира вышины за духом пламенеющего первенца. Зародыш лучезарно воплотился крылом огневого утра кормить небо, как земля зверей. С корочки льда по проталине пашками синички впадала зима в нежный восторг весны.

Олень-Земля

Забрезжила зоря в чешуе росы, каюр с заплечными лишениями петлял по зарубкам терпения. На золотой жиле застряла серебряная Луна, звезда подмигнула, старость ушла в детство. Сквозь прошедшее время олень бросил взгляд на незримо осязаемый облик вечности. Неиссякаемое величие от созидания Вселенной различалась разуму бессмертием душ. Назревшее время на оленьем оплечье поддерживало звездопадом прожжённое небо. Луна забыла мимолётность тени, замечая следы дождя, острожно вздохнуло ненастье. Из томления олениха шла на иглу горы, суровый ход измерить горячий слезой пижмы. Небесная изгарь немеркнувшей зарницы ниспадала в умилённый охват рассветной зари. Беременная олениха снизошла с оконечности небес в тайгу, богатую кедровым орехом. Не сломалась под ветром, олениха — сама по себе небо — на рогах вмещала пространство. Уродился олененок, отмеченный звёздочкой утра, с подрастающими лунными рожками. В теснине скал на проталине малыша поила роса, питал ягель, согревала опавшая хвоя. Встречный ветер взрывал мех, в странствия облака желания, ввысь мечты поднимал. Лунной тропил тропы за Солнцем, в облаках кроме отрады замечал нехоженые откосы.

Исток жизни

После зимнего сна бурундук, не дожидаясь проталин, лез на осевший снег за паданкой. Пережив морозы, черношапочный сурок набирался сил, медведь бродил по льду реки. Необъятный дождь со дна облака проливал слёзы в кормушку-поилку выси Вселенной. Оленица-мать разрешаться брела на потолок небесной тверди верхнего таёжного мира. Плодоносила утроба важенки в сырых потёмках грозовой изнанки медвежьей берлоги. За горизонтом скрываясь от молнии, младенец спешил в объятия Большой Медведицы. В свете утренней зари из-за горы появился выросший за ночь лучистый телёнок-солнце. Не чуя ног, кочевал из рассвета, сиял в упоении полудня до угасания закатных облаков. Копытами раскидывал туман, рожками задевал небесный свод из немеркнущих звёзд. Дитя просило разрешения у тайги-воды сердцем прижаться к сердцу ягельной тундры. Хозяин звёзд медвежьим когтем затронул дождевую реку жизни, со дна извлёк истину. Лучезарным светом созидания солнце-младенец осязал негу высших страстей вечности.

Мать Олениха

Мёд горчил, медведь брёл потайной тропой, ветер простудился, в ловушке покачнулся паук. В тени без Солнца, в чаду без огня душу сдавила усталость, читать судьбы катилась Луна. Возрождаясь в новом смертном теле, на тропах судеб душа страдала вновь и томилась. Стирая след разлуки, дыхание стало дуновением прохладным, сердце эхом отозвалось. На сутулом хребте босоногой Мать-Оленихи ожили вены-реки, очи-озёра, мех-деревья. Над ветвистыми рогами парили Солнце и Луна, порождающие мощь Матери Природы. Весенняя заря нежно обнимала рассветом за плечи в хвою одевающуюся лиственницу. Солнце-кормилица играло с лучами-дитятками, новоселье шалфея оживилось цветами. Мёрзлые ягодники раскисли в семена, по промоинам ручьёв помчалась снеговая вода. С проталины трещал крылатый дух, разум проявился, пригласив пернатых вить гнезда. Слезой плакал дождь, перелётная птица к сердцу оленихи прильнула с лёгкой печалью. Солнце-Мать зачинала и рожала жизнь, Земля-Мать кормила и растила в силах зверей. Лунный порядок извечной тайной отмерял время для пробуждения медвежат в логове. Талое Солнце зазывало спящие в берлоге медвежьи души вылезть на отогретый ягель.

Время чайного котла

Чёрный чай заваривал крутым кипятком, в чаше смешивал с солью и оленьим молоком. Каюр на костре не кипятил воду для чая дважды, сохранял насыщенный вкус напитка. На спине оленя качнулась оторочка шерсти, в каменную пустыню упало старое Солнце. Везучий олень шёл за ходом звёзд, узнал след к стойбищу, тёплый чай в котле остывал. Затаив дыхание, упал на колени земной совести под нарождающимся лунным разумом. Олень посвящал вершину небес духам, а полнотелую невесомость — отражению надежд. Кочуя по Вселенной, из прошлого через настоящее в будущее, узнать начало сути начал. Большая Медведица повернулась к сердцу ночи убаюкивать странствия птиц и зверей. Пережив душевное скитание, с рассветным лучом вернулся олень разбудить стойбище. В теневой стороне времени дыханием вечности разжигал тлеющие искры в углях очага. Хворостины костра повернули дым в небо, ветер затуманил свет Звезды Утренней Зари. Солнце остановилось над вершиной кедра, настало время кипятить чай в пламени огня.

Нарекатель имён

Мысли-намерения без устали торопились, в пропасти прошлого жизнь закончилась ничем. В перебранке ветра и дождя огнистая молния заполнила беззаботность угасающих чувств. Годы бежали мимо неизбежных разлук, вера в чудеса не обращалась в прах забвения. Не остывала неугасимая кровь, иногда на нелёгкие пути пережитое вновь возвращалось. Незабвенная семья имела родителей, кочующих недосыгаемо выше звёздной россыпи. Чёрная гусыня одним крылом давала детей, под другое брала остатки чьих-то жизней. Перьями лучей вселяла души дочерей и сыновей в рассветный свет плодородных зорь. При восходе Солнца сияние разума освещало душу заново явившемуся малютке дитя. В устье ручья у намытого течением обрыва, звёздным ветром согревала живое гнездо. Птица — пособница рожениц — при родах боль и полноту небесной любви принимала себе. Оживляя дуновением младенцев, недомогания и неурядицы пускала прочь по ветрам. Отмеряла радостью жизненную судьбу, отделяла голод от сытости, счастье от печалей. Вразумляла быть честными и верными наследниками во имя богатства таёжного рода. Даром дыхания зенита нарекала имена, вовлекала выстоять против натисков забвения.

Необъятный угомон

Медведь напал на сохатого и вцепился клыками в его загривок, когтями обнял хребет. Лось пытался отбиться от хищника, бил копытами воздух, от усталости упал на землю. Добыв зверя, перечислял имена, узнавал шедшую навстречу душу отца-прародителя. В круговороте вечной жизни ходовой медведь перевоплощался в лунную внешность. Душа-имя, пребывая в пристанище грозного грома, огнём молнии являлась на землю. Следуя за зарницей, душа-тень искала колыбель-гнездо в хвое на ветвях Древа Жизни. Летя над кипящей рекой, душа-птица превращалась в младенца, окропившись росой. В порывистом дуновении ветра душа-дыхание из зародыша воплощалась в мотылька. Душа-сон кружила на кончиках крыльев за очарованным луною перелётным облаком. С неба душа-рассудок нисходила угомониться для воплощения мыслей в живую мечту. Душа-разум ютилась единым вздохом об угасающем смысле жизни необъятных звёзд. Выманивая медвежонка из берлоги согреть спинку у зажжённого кострища Солнца.

Радость рассвета

Ветер оставил пустоты, тени сжали костёр, настежь открыв сердце, муравей взошёл на скалу. В закатном пожаре птица обожгла крыло, волк ловил грызунов, олень перешагнул простор. В ногах путались колючки камней, с копыт срывал во доворот, запугивал страх старости. Перешагнув бессмыслицу гибели, олень шёл навстречу ушедшим безвозмездно дням. Полыхнув розовым отсветом, рог растущей луны проткнул щель Млечной туманности. В зеркало замершего ручейка посмотрела на себя звезда и осознала силу невесомости. Ледяная белизна запорошила жизненным узором тягостное бремя ёлочного простора. Олень отразил оком искристость зарницы, претворяясь облаком вокруг лунных рожек. Иней подтаял безумство прошедшей зря жизни, замер на развилке между явью и сном. Свет не ведал преград, ощутив вечность, звезда бессмысленно горела в пустоте бездны. Ночь до рассвета над тайгой приподняла вверх лазурную кровлю небес встретить зарю. Дыханье ветра взбудрило привкусом ягеля иней кустарника, хвоя ожила слезой живицы. Вне себя прожив закат, олень крутил клубок путаных троп в мутном просвете к восходу. Проясная чужбину скал, не утонув в снегах, Солнце дарило угодные всем лучи радости.

Полярная звезда-ромашка

На вершине сумрачной горы орёл выкормил птенцов, орлята улетели в поисках счастья. У грозного орла от семейных забот сточились когти, не мог хватать добычу и голодал. Клюв

затупился, не позволял кормиться. Перья на крыльях загустели, мешали взлетать. Мрачный орел решил погибнуть или измениться. Взглянул на ромашку на голый скале. Страдало золотое сердечко в белой рубашке, заметённой снегом ушедшей зимы. Одинокий цветок выживал и давал жить другим, терпеливо трудился. Днем сторожил Солнце, ночью собирал росу. Корнями ловил крохи для пищи, открывал лепестки к лучам зари, дышал ветром. Вокруг цветка менялся мир, судьба улыбалась, он Полярной звездой расцветал. В гнезде, через боль, страх, сомнения, орёл долбил клювом о камень и клюв от обид заточился. словно избавляясь от ненужных при-

вычек прошлого, срывал мозолистые наросты с когтей. Остриём выдернул с тела лишнее оперение, стряхнул с пуха кровь жертв и возродился для охоты. Освобождённый от лишнего груза орёл выжил, наслаждался настоящим, подготовил себя к будущему. Ромашка увидела у орла запас жизненных сил и выбрала жилище рядом с орлиным гнездом.

ИСКРА НЕМЕРКНУЩЕЙ ЗАРЯНИЦЫ

Дедушко

Собирались медведи у упавших копытных, пса не боялись, но чуяли запах охотника. Человек преследовал шатуна по режущему лапы насту, пёс не злил ходового медведя. В снег-сухой одетый склон гольца тропа понуро проползла сквозь сухие сучья багуна. Ветер-подмога дышал на медвежьем лугу, к роднику прижался толстолистный бадан. Можжевельовый куст оттаял в кедровом стланике, ветреница цвела сколками кружева. В душе тайги зазвенели полярные колокольчики, пышным соцветием буянила кашкара. На стойбище тлеющий уголек в костерке не осыпался в золу, из забвения ожил огонёк. Деряблые руки согрелись у пламени, в котле закипел чай с пахучей ягодой смородины. Олень с натертой от седла спиной по чёрстой стезе к стаду одиноко кормился на ходу. На подъёме в нездешний край дедушко-медведь молча оглянулся на жалящую звезду. В долгом обозрении замерла совушка, проснулось пламенное дыхание в лунной груди. Камни валились с небес, задевая снеговую воду, размывали на куски таёжные судьбы.

Когтистый старик

Ранней весной появился тощий медведь-шатун, встал на задние лапы и пошёл на оленя. Олень заскочил в оттаявшую полынью, медведь швырял камни и ветки, выгонял на берег. На разветвлениях Млечного Пути неожиданно пересекались звёздные мгновения памяти. В вихре рождений и кончин разлучалось и встречалось изобилие изменённых жизней. В лабиринтах неба мохнатка-медведь гнался за лосихой, порождая череду дня и ночи. Проглотив жаркий солнечный луч, забеременела лосиха ключевой душой пророчества. Снисходя с плодоносных облаков, телящаяся лосиха светлым огнём одарила урочище. Стоная в путанице Млечных ответвлений, порождала сущность сияния земных существ. От обожжённых корней дерева отпускала молодняк зверей пастись в травяных гнёздах. Грудным молоком кормила лосёнка, одушевляла плодородные водоразделы хребтов. Солнценосная мать тление добытых зверей возрождала неувядаемым пеплом молний. Скиталась по указующим знакам, воспламенила незыблемую искру сердечной страсти. В крошечной тьме когтистый старик отыскивал незакатный луч светозарного младенца. Настигал звериную мать с лунными рожками, из мглы возвращался последующий день.

Родимчик

Медведь, не занятый вознёй с лайками, ходил вразвалочку, пугал, отгонял, опять шёл. Человек слышал, где рычал косолапый, держась ближе к собакам, забегал на перехват. С оберегом «Ветер Мыслей» припадок бессонницы разумом принялся за бодрость жизни. Гадал костёр на удачу затейной охоты на угодьях видений, мечты воплощая в судьбы. Ночные призраки на ягельном кружеве горы озарялись светлее снега, укрытого небом. По набитой тропе восхождения искра пролетела птицей к отзвукам подземных ручьёв. В предрассветной заре возле изгари очага осветила умом прошлое безысходных теней. Чутко ожидали восход преданные собаки, волнующие проблемы решали глухим лаем. Со стойбища повседневных забот осмотрела живой смысл звёзд по Млечной обочине. В туманный распадок гольца осыпались незамеченные чувства, желания и надобности. Чуть дыша, осторожно, тише нити облака скиталица искра, встретилась с духом предка. Узнавая волю непроступного хребта, тайну раскрыла о себе самой и побежала за Луной.

Сходство равенства

Под суматошный стук сердца о счастье захрипел олень, щебетанием откликнулся тетерев. Птицы клюкву собрали, изюбрь гортанно взревел, ветер-свистун взлетел к штормовой туче. Взмолванное небо сдавило глухим стоном не-весомую судьбу, усталость закусил губу. Обрекло отгонять стужу тьмы за грань хребтов, наказало пронзающим ветром в грудь. Тягучая буря подтолкнула бедные облачной тайги за алые клыки закатных сновидений. Освежающий верховик поддувал с Чарым-горы, разрывая в клочья дымку испарений. Лунный луч осветил становище, взбудоражив искру кочевого костра в затухающей золе. Сонливой ленью вошла теплота в сердце, угольки зажарили хариуса на березовой ветке. Ладони грелись чашкой солёного чая с оленьим молоком, мысли тонули, душу травили. Под выверенный крик полуночника заблудилось звёздное стадо на ягельном пастбище. Отбившиеся напоминания мелькнули украдкой, ручей хлестал шугой в скальную стену. Думалось про охоту, бесконечные тропы, цвет багульника и созревание надежд в душе, путеводную звезду, всполохи зарниц, зарождение зари и пойманную руками молнию. Заговор на охоту заполнил молчанием, устремив в ликующий восход доброту желаний.

Медвежья речка

Встретив медведя, пёс лаял на него, как на чужого человека, чем ближе — тем грубее. На ходу теребил за кончики шерсти, зверь бросался обниматься, собака отскакивала. За Солнцем и Луной среди горбатых скал и стройных кедров кружила ныряющая река. Обдуваемый ветром скитаний, талый снег умывался слезой с надеждой встать облаком. Человек по следам знал: сыт зверь, голоден, куда идёт, затих, ждёт плаксивое ненастье. Не расстёгивал шубу, не кушал мяса вне медвежьего гулянья, закон таёжной чести чтит. Добыв ушлого зверя, мясо варил, кости и голову увещевал жалостью на прямце ручья. Дымом пихтовой коры, сожжённой на угле, чистился от порчи слюны и удушья корысти. На плечи надевал мех, на ноги и руки медвежьих лапы, искал опору на прорвах старицы. Нос закрывал сопаткой, вынюхивал на стёжках по топыльшу разумение сущности жизни. Спускаясь с небес, душа посылала к черноводью изюбря, лося, кабаргу, пушного зверя. Медведь — прямой предок таёжных бродяг — открывал охранный секрет родниковых вод.

Волчья зоря

Аромат, исходящий от оленьего стада, дурманил разум ша-туна, рыскающего по сугробам. Отстал от стада олень, наелся медведь, объедки закидал хворостом, тайник залёг охранять. Охрипшая птица стрелой пробилась сквозь скалистые стены, потеряло голос сип-лое эхо. В плену страстей вожак глотнул воды из род-ника слез, успокоив обма-нутую душу лося. Ягодное солнце скатилось за хвой-ной удирушкой, искра ве-чера погасла внутри осени. Вдохнув смолистый запах кедра, из углубления небес звезда осветила оттиск увя-дания. В опавшей хвое ра-дугой вспыхнула падалица брусничника, погружалась в себя тишина. Деревья жалобно застонали, ледя-ные иглы упали с ветвей, сгорела глухарина зарни-ца. Карликовые берёзки разделись, ягельник разул-ся, к сырости сварливо на-хохлился сыч. Уязвлённый обидой медведь свернул в дебри топкой речки мстить коварной росомaxe. Снилось про-ворному горностаю на гладком насте в луче луны тропа с лисьи-ми следами. С треском взлетел тетерев, в чащобу загнанный со-хатый расстался с копытами и рогами. Трепет в душе сохранил попутный ветер, ворон позабыл задобрить дух добытого зверя. В бессонной ночи разгоралась волчья зоря, время намекало стае возвратиться в логово.

Лунное молоко

Медведь на открытом поле чувствовал себя не уверенно, старался уйти в дремучий лес. Садился к камню, прикрывал спину: собака спереди остерегалась нападать, облаивала. В чёрном блюде ночи шербатая Луна продырявила рогом закатную жаровню Солнца. В ухмылке метеорного потока мигнул голодный оскал затерявшейся Вечерней звезды. Встав на лапы, околополюсное созвездие превратилось в когтистую Медведицу-мать. Косолапая матуха проминала тропу шаговым ходом, прогрызала соковину туманности. В надежде избавить Вселенную от искр грозового урагана закружила окольные звёзды. Млечное вымечко времени выжимало вкус молозива Луны в жерло звёздной берлоги. Полярное светило удерживало за кончик хвоста крутящуюся в выси Медведицу-дочку. Опаляясь в зарнице, сорвалась лакать дойное кушанье с растаявшими крошками звёзд. Пропахнув младенчеством, сжала когти на луче зари, уткнулась носом в Млечное вымя. Выпив до дна горчинку тьмы, Медведица клыками стащила краешек сласти с рассвета.

Уснувшая звезда

В очаге горела береста, проскользнула тоска в ущельный раскат, олень внял уговорам ветра. В сполохах ночи притих птичий табор, филин взлетел в просвет, утыканный гвоздями звёзд. Из затона облаков по смутным лоскуткам бессонница вернулась к потускневшим очам. Манящая звезда искала невозврат, а теряла ощущение времени, попадала в отсутствие. Поверх грозowych дождей и истому туманных снов к видимому миру звёзд летела Луна. В зенит тянулись заветные мысли, по горным хребтам убегали от вечной суеты кедрачи. Отяжелев от талого льда и жгучего отсвета, смахнула вершина усталость птичьего шума. Укутав Млечную просеку, в раздумье шатались облачные тени, тяготы набирали высоту. С ягельной прогадины олень закинул рога ввысь, ветер разбежался вдоль верхних небес. Позабыв житейские заботы, стадо услышало шум падающих звёзд о поверхность воды. Хищным смехом крикнул филин, сорвавшись в речку, проснулась спящая искра звезды. Блеснув слезой, намокли светлые перья, в стылой глубине померкли лучистые ресницы. Зажглась гроза, вешняя вода, рождённая на снежной скале, думала взлететь к молнии. Незыблемая мечта вдаль покатилась эхом, цвет и вкус земли и неба приобретали росы.

Выгорающий туман

Медведя не пугал треск сучка под ногой, прижимался к стволу кедра и скрывался в хвое. Если наскакивал на охотника, собака бросалась на выручку, кусала шкуру зубами, лаяла. Лунные рожки озорно бодались с отражением радуги, соединяющим вершину с небом. Кедровка шелушила орех, выгорающая звезда сладкой мечтой грела сутулый горб лося. На заоблачном становье костёр с тлеющим угольком из тумана вырос вровень звёзд. Бурей роились пчёлы, гудели осы, изначальный страх раздувал жгучую копоть мучений. Искра сердечного огня в вихре блуждающих мыслей возносилась к изобильному свету. Кружило, маялось пламя, не доверяя дрожащему мареву на крыльях срезанных теней. Повиснув над бездной отчаяния, замёрзли когти и застыли клыки Большой Медведицы. На звёздных огарках ледяного ветра отогревала окоченелое сердце Малая Медведица. Обжигаясь внутренним мерцанием, в живом огне Вселенной не выгорела искра дотла. За пылающий рассвет удержалось хрупкое счастье, суматохой зари сжигало мглу ночи.

Волнистая дрожь

Медведь отогнал лося от падали, рассёк шею об острые рога, разрубил лапу о копыта. Волки шли за медведем-подранком, медведь спотыкался, падал носом в мох, вновь вставал. Стыло время, любви лишённое безличное русло отворило камнепад потушенных снов. Не исхоженная тропа дышала задуманными встречами с заигравшейся в прятки рекой. Бесплотные вспышки зарниц в жизни Вселенной бурная речка измеряла наводнением. В расцвете чувств из заоблачной выси срывалась росинкой на дно во всплески молодости. Капля точила глыбы порога, из бурелома посылала прозрачную волну до сонных звёзд. Телом и душой вода растворяла хребты, на солнцепёках рождала хвойное криволесье. Хранилась в ледниках, грозным протоком закипал караван крапчатых плавников рыб. Ручьями смывала душевное равновесие скал, медвежьи следы и радужный пух осины. Топляк терялся в объятиях заводи, таймень заметил волнистую дрожь в Млечной воде. Глотал чешую отражения выводок облаков, охранял самородковые гнёзда в россыпях. Обходил стороной нерестилище хариуса, жадно разжёвывал сахарный лунный отблеск. Прикоснувшись к брызгам текущей ряби, хищная зыбь не отступала перед трудностями.

Задушный численник

В поворотный момент жизнь начал с нуля, мыслил тело и душу собрать в единое целое. Оберег «Дух Солнца» на груди нёс добро, надежда грела сердце, вера хранила в кочевании. Наискось лиственной весны ветер вечного возвращения наполнил Вселенную запретом. Птица не вила гнездо, в норе прятал котят снежный барс, одинокий волк насторожился. Путеводный свет сжёг крылья зарнице, ленивая душа поменяла хромые дни на кривые. Замер снеговой ручей, предки вышли кушать задушную соль, началась свадьба зверей. Под толстый лежак из опавшей хвои человек положил нож, мыши не изгрызли орешки. В переломный период не подбирал ягоду, не тревожил неродившийся приплод и семя. Согнув вялые ноги, каюр тушил старый и зажигал новый огонь, грел шершавые ладони. Мечтал о параде времени успехов небесного численника в череде соболиных морозов. Затесал на грудном амулете путь тропы выживания в таёжные будни и после кончины. Под тяжестью сна ссутулил спину, на боковой стороне лезвия ножа блеснул лунный луч.

Сумерки рассветные

Без забот и суеты жил медведь, радовался таёжной пище, соблазнялся на обман прикорма. Раненный медведь запомнил запах охотника, при встрече в ярости накинулся отомстить. Сон овладевал зевающей бездной, звездопад пролился на тяжкий путь, грустила мечта. Во мгле сбились тропы, выпала помрачённая звезда, обратившая мгновение в вечность. Терзая закатное зарево, лунные рога промелькнули отсветом в струях текучих облаков. В сгустившейся полумгле твердь сорного перепутья обжёг раскалённый рок очищения. Вымел золу из очага, забыл старую пищу, вверх тормашками щебетала стая птиц в голове. Лохматой медвежьей шерстью снизошёл покой, проседь ночи рассердила стаю волков. Вздохнул кедр, проветривая колкую хвою, инеем умывалась Луна к перемене погоды. На шуршание пырея от счастья засветилось сердце у кочующего оленя с белым пятном. В рассветных сумерках равноденствия Луна угощала безответной тенью Хозяйку небес. В небо повизгивала собака, остывшие угольки костра разгорелись, выжигая глаза змее. В придыхании вечности очнулись предки, явились в живое угодые делиться мудростью. Вне чуткой дрёмы вспорхнула росяная звезда, озаряя надежду семи пядей во лбу зари.

Рождение жизни

Рысь выследила кабана, россомаха заметила увечного лося, соболь сходил на глухаря. По щели прошло стадо оленей, обошло тупиковую наледь, где волки порвали кабаргу. Бурая медведица с трепетом сердца отождествляла чувство счастья с успешной охотой. Удача обожала смелых и уверенных хищников, рыщущих под светом путеводных лучей. С облачной тропы падали живые снежинки, не засыпалось в берлоге когтистой мамаше. Чередой лун и планет явилось чудо чудес для рождения новой судьбы в земном чреве. Ветер шептал небылицу-засыпайку о тайнах быстротечной жизни в вечном бессмертии. Не дождавшись исхода пурги, за снежным заносом медведица разродилась малышкой. Воплощённое таинство лазури обтёрла смолистой хвоей и завернула в лохматую шкуру. Дитя уткнулось мордочкой в бок спящей матери — глотать молоко со вкусом смородины. Звёзды Большой Медведицы приняли земное чадо по имени Алькор за родную дочь. Мать медведица и дочь удвоили силу волшебства продлением дыхания вечной жизни.

Воссоздание

Волк сидел в засаде у водопоя, учуяв изюбра, погнал его по уклону в каменный мешок. Оживилось дыхание утра, бег сохатого превратился в отчаянье, жизнь начиналась заново. Роса холодом коснулась лепестка, слеза сердце обожгла, облачный занавес открылась. В ожерелье цветов багульника не уснула полночная звезда, горела нездешним светом. Безвозвратно скитаясь в безутешных мыслях, мохнатая комета приближалась к Земле. Душа в звериной шкуре лучом сомнений выгорала, стужей раздумий замирала судьба. Вестница грядущих перемен свет одиноких звезд за собой увлекала в объятия обмана. Затуманенная кривым блеском, ровесница света рухнула на наледь каменной западни. Спотыкаясь об осыпи скал, старалась взлететь ввысь, изменить жизнь небес к лучшему. Царапаясь о когтистые облака, рыдала на клыках хребта, стремительно отпадала вниз. Укрываясь ранами безразличия, в истощённой душе затрепыхалась лучистая надежда. Сквозь грусть слёз снизошла на дно зубатого ущелья во сне разгадать печать молчания. В пене кипучего ручья оживила хлёсткая волна прелесть грёз, сонную мечту разбудила. В лазурной смуте отражённой крутизны зенита звезда до зари выжигала безумие ночи.

Искра судьбы

Косолапый стороной обходил логово волка, волчата играли с заморышем-кабарожкой. Не ссорился с матёрым волком, участвовал в охотах на изюбрей, честно делил добычу. Мятежность Лунноголового медведя поглощалась грозовой тучей, сжигалась молнией. На небесной стезице ударом лапы пробил ураган, клыками вспорол снегопадную мглу. Спешно шёл за Оленем-Солнцем, а настигнув, до багрового света спину терзал на куски. Обессилив терял зубы и когти, с затуманенной хворью селился в тени днища Вселенной. Раскрытой пастью пожирал гаснущие звёзды, бросался за истлевающим пеплом судеб. Камни вскипали бурунами слёз, сбитые птицы оставляли на облаках отпечатки крыльев. В борьбе света и тьмы, вопреки судьбе, извечно бежало злое начало метели за счастьем. Не угасала искра жизни, подчинила меркнущую лютость ночной прохладцы воле небес. Выгорал лучистый огонь на рогах у Оленя-Солнца, сердце холодело, разжигалось вновь. Ускользал лунный сон в вечном возрождении дня после ночи, оттепели — после морозов.

Свет прозрений

Волк изматывал сохатого по насту, запрыгивал на загривок, хватал за горло, загнал в заросли. Волк языком лизал снег, лось раздувал бока, копытами молотил кусты, вырвался из засады. Оторвавшись от мглы теней скальных зубов, облака нарядились в туманное покрывало. Из мрачной пропасти бездонной засветила неземная звезда, разбудила сонный разум. Верховой олень звериной тропой измерил душевный избыток надзвёздного небосвода. Равнялся движению светил, блуждающих поперёк вечно заснеженного грунта хребтов. На откосах гольца кормился шершавым ягелем, дремал в мшаниках дремучих дебрей. На охоту шли волки, на Луну взвыл ветер, с кроны кедра сорвал шишку-паданку на мох. Ссохшейся губой ощутил вкус ягоды жимолости, во всю ширь расправил плечи на скале. Оглохнув от тихого вздоха Вселенной, мылся в бездонном омуте отражений среза неба. Из далей невзгод с перелётными птицами возвращался вожак к маточным стойбищам. Притяжение искристых прозрений и запоздалый надземный свет тянул в оковы любви. Устало оседал в облачный краешек подстилки неба, мечтал ухватить за ручки рассвет. Лучистым утром выпрямлялся под стать Солнцу, бескрайний простор приоткрыть взору.

Зримый зимородок

Вьюга перевернула небо и землю, птица искала весну, но влетела в медвежью берлогу. Хозяин дыханием отогрел залёту, милая пичужка защебетала весть о журчавшем снеге. В крапинку птица оставила на берегу ручья солнечную одежду из небесного оперения. Искушавшись в брызгах родového источника не рождённых душ, обернулась девушкой. Пленённый красотой девы медведь-шатун похитил облачение с взлётными крыльями. Без возможности вернуть себе прежний неземной облик, дева стала звериной супругой. Приручённая жена гнездилась в берлоге, запрещала огорчать птенцов, обделять сирот. Сгинул косолапый след в сумятице бездны, овдовела пернатая дева, осиротело логово. Теряя осязание земного счастья, птицеподобное сердце терзалось шаманским недугом. Растила, питала и выпустила из нутра на волю медвежий коготь, карающий обидчиков. Птенец надел солнечный наряд из перьев материнской любви, обратился в зимородка. Взлетал кормиться, возвращался лунным лучом сгладить на шкуре медвежью шёрстку.

Клятва на медвежий след

Волк терзал на наледи лося, скалил горе в пасти из клыков, проверял сердце на милость. Человек заведомо промахнулся, волк отточенным оскалом с заливкой сбросил сутулость. Буря замёл ягодные крошки, медведь по промозглым следам возвратился в берлогу. Ветер свистел в щели лёжки, медведь дыханием стряхнул льдинку, впившуюся в щёчку. По снегу ступал человек на широких лыжах, оклеенных камусом, смелых любил мороз. Голод гнал в тайгу выслеживать изюбра, добыть пушного зверя, помогал верный ворон. Упругий ветер, яркость созвездий ни к чему не обязывали, сердился, не ведая будущее. Весной будил мать медведицу — из берлоги на свет вылез жалкий медвежонок-сиротка. Подвергаясь наказанию совестью, побрёл за дитём, на медвежьих следах принёс уговоры. Ворон — хранитель зарок — судил: в испытании и невзгоде виновен озорник или прощён. Знал и не верил, забывал обещание, умирался грозой, путал тропу, жёг в сердце злобу. Вверяясь в искренний жребий, крепким словом соглашался провалиться сквозь землю. Взаимость вела к счастью, заклинал на судьбу, себя спрашивал: пища это или сохатый? Твёрдо доверял тайне превращения честного охотника в добычу хищника и наоборот.

Берлоговая река

Медведю снилась Солнце, укутанное в одеяльце облаков, и влажный воздух оттепели. Весна наверно заблудилась, метель закрыла вход в берлогу и стужа выстудила душу. Берлоговый медведь верил в уют заснеженной зимы, в лунный клык-дух волчьей стаи. В вечность искры на закатной стороне, в жжённую молнией мечту о шишке-падалице, в глубину небес бездонных в перьях облаков, в пятерню звёздочек Малой Медведицы. В отблеск алеющей зори на утренней росе, в набирашку оттаявшей в торосе жимолости. В спокойствие снов в лёжке на дерюге ягельного мха, в слияние двух близких душ в одну. В бури снега над остывающей рекой, в чреве перерождался младшим братом человека. Доверял секрету истоптанных в буреломе следов, творящих сошествие с неба на землю. Пугливый зверь сомневаться не мог, промозглые льдинки сердца подтачивала совесть. Потокотом талым шла с горы весенняя вода, на току терев скулил медвежьим воплем. Валежника завал рвала чья-то дочь, с прежней шкуры клочья шерсти встряхивая прочь.

Искра мысли

Снег расстелился мягким покрывалом, безумно каркнул ворон, испуганно вздрогнул лось. Весна убежала, следом шли холод и голод, хотелось отдохнуть, волк чуял собачью брызгу. Просел снег, таяли будни, озаряясь бесплотным светом с ночной гурьбы падали звёзды. Сбылось желание, в глазах замерла слеза утешения, свои привычки не смог удержать. Человек, вслед за стадом оленей, по кружевине болот обходил молчанием волчью стаю. Шёл в потоке размышлений, озарение вдыхало в сознание силу смысла выжить мечте. Кедровая тайга, вершины, снег, гроза, созвездия и талая вода влияли на дух странствий. Ездил на олене верхом, верные судьбе друзья, глядя в очи, языком лизали усладу соли. Суть видел в простоте добрых дел, извлекал охотничью удачу, разжигал огонь в костре. Толковал с вещим пламенем зорь, не ведая дорог, слово искрой взлетали за эхо мысли. В хмуром крахе безразлично переступал обман самородка, судьбу измерял стойбищем. Надежду на счастье дарил детям, не тонул в шуге, ощупью твёрдого дна переходил реку. Полз по тропе туда, где щебетали птицы, в безветрие стойко уходил от облака комаров. Искра носила души добытых зверей, человек оставался рядом с важенкой и оленёнком.

Привкус сладости

Во сне таял туман тревог, распрямил лепестки первоцвет, ручью тесно стало меж скал. Ранняя заря будила птичьим щебетом, медведь лёг на бок и улыбнулся сквозь грёзы. Пробиваясь между хвои кедров, украдкой свалились на мох снежинки мокрой крупой. На миг звёзды замедлили ход по Млечной борозде, вспомнив поляну весенних цветов. Проталиной родных вершин пахнул талый снег, в себя вобрав первую дождевую каплю. Кочующий по горным перевалам олень вновь почувствовал в живой душе прилив силы. В призрачном просторе грохочущий камнепад рассвирепел на грозовые раскаты грома. Возносясь до звёзд, синица несмело запела песню оленёнку, горностаю линял с головы. В аромате мечты и терпкости вздоха на насте растаяли цепочки-узоры звериных следов. На прелой прогалине сочный ягель взмок, воздух посвежел от нежности слезы живицы. В утро равноденствия с горного пика сошел лёд, ветер заспорил с шелестящей тишиной. Хребты вершин в мерцании реки срастили привкус сладости на языке огненного солнца.

Жизненный отвар

В тягучем запахе багульника ослаб медведь, прилёг в ледяную постель из листьев брусники. Застучал о камни ледок, в ловушку для слуха убежал пёс, каюр склонился за хвоинкой в котелке. Закончилась схватка летучих звёзд, родилась страсть, вызвав умиление слёз. В суете обычных дел ветер перемен напрасно злился, за край небосвода не исчезло эхо. Заснеженная вершина плакала от невзгод, лунный свет резал стенание в душе медведя. Вдаль отдаляясь, утекал Млечный ручей, бесцельное парение мошки за тучу цеплялось. Любящий хозяйку прирученный олень принёс заботливому сердцу роздых на займище. Стадо целовало росу на морошке, у кромки вечных снегов слепень портил вкус опёнка. Гонный рёв изюбра разбудил глухарку, с хвой взлёт горного гуся подарил сердцу грусть. На костре закипел чайный отвар с молоком и мукой, смелая мысль искру мечты зажгла. Искренно вдыхать ветер помогал дух амулета, слово держал, направлял в поиск удачи. Око освятило хаос, от тяжести шишек повисли ветки кедров, ночи испытаний схлынули. На душистом слое опавшей листвы душа обретала смысл, стала сладостней соль жизни. Являясь ветром под солнцем, с созревших ягод клюквы куропатки вспорхнули облаком.

Звёздный странник

Туман кружился в ореоле звёздном, обманывая судьбу, внутри сердца волка шёл бой. Злой грыз закормленных оленят, визжал от счастья сытый волк, лайка виляла хвостом. От истёкшего времени важенка с оленёнком кочевали по ягельникам в верховье ручья. У телёнка на голове отрастали лунные рожки, дитя губами тянулось к млечному вымени. Небо окропило звёздным дождём крепкую волю, глушила тишиной гремучая вершина. Остерегаясь пустых слов, касаясь бегающих облаков, душевное эхо дало оленёнку имя. Лизнув солёный чай с молоком, оленёнок чистился дымом тлеющего уголька из костра. Ощущая вереницу ночей, от небес одарённой силой воли противостоял натиску потерь. По утрам с дыханием солнца детально обсуждал, к чему снилось тлевшее пламя заката. Стремился к бодрости духа и чистоте души, мечтой цеплялся за катящийся лунный круг. Искал мерцающую звезду-путника, как две капли воды схожую с оберегом дара удачи. Одичалый странник усыпил гнев метели, вернул к стойбищу хромавшую мать-олениху.

Тень дела

Старый волк догнать оленя не мог, настиг наперерез, медведя попросил разделить долю. В осенней влаге ум трезвил шаткий шаг, охлаждал пыл седина, взгляд волка потяжелел. От порыва ветра замкнулись ресницы солнца, потянулся взгляд к заоблачным мечтам. На перепутье судеб забылись муки разлуки, обожжённое молнией сердце открылось. Искры ненастных гроз, колющие выюги водили оленя вдоль и поперёк рассудочных гор. Слово тенью дел укрепляло дух и волю, лечило раны плоти, вносило ясность в пустоты. Счастье дарило в смуте, в угрозе безделья, бродило по качающейся волне равнин озёр. От птичьего гомона на вершине горы шло по пролому ледостава через мглу извинений. Во время влажного снегопада поднимало в гнездо птенца, упавшего на скалистый уступ. Со стаей волков в облаве на изюбра по льдистому насту радовало страдающую гордость. Знаком удач лунного солнца подлинно открывало себя, перерождая душу раскаянием. У каменистого обрыва в ручейке вперемешку со мхом ослепло от самородной россыпи. Боролось с силой ледосплава к примёрзшему дну, время тратило на умение сберечься. Оправдание, чуя в здравом смысле откровение, осознало в буднях насыщенность жизни.

Ожившая лавина

В мятежном сердце волка запела птица, она вернулась из краёв, где много льда и снега. Задрожала вздыбленная холка волка, матёрый влюбился в высоту за её бесконечность. Солнечный луч покинул изломы незыблемых льдов, в снежный карман улёгся тетерев. В тревожном ожидании олень пробивал стезю через скопление шуги на талом ручейке. Устремляясь вниз за заревом заката, из оков зубатых вершин вырвалась чёрная лавина. По дну ущелья скользила тень, раскинув крыло сумерек, вой ветра коробил иглы хвои. Высь неба задышала можжевельником, пропустила в каменное ущелье студёную тучу. Плавно уплыл горизонт, из колючей пелены пробивалась осветить мир Вечерняя искра. В тусклой заре восходящей луны скользящая белизна потока сморщилась трещинами. Приручённого для охотничьей удачи оленя закрутило бурлящей струёй жидкого снега. Откапываясь в смерзшейся крупе, олень силился полной грудью вдохнуть иней тумана. В отблеске утёсов, жертва обвала пережёвывала кашку льда, пытаясь остаться в живых.

Выжженная скала

Уведя опасность от начинающих жизнь волчат, согрела кровь раненого волка и волчицу. Слыша визг ободранных зверей, щенки стали не знающими пощады матёрыми хищниками. Кружились звёзды, олень хотел взлететь в небо — притяжение стада удержало на земле. Сердца породнились, горы стали не преградой, тропы коротки, Лунные ночи длинней. Громыхало раскатом плакучее эхо, ударом с облаков гроза высекла искру безвременья. Гром по кучевой речке огнём молний подталкивал мором преодолеть стезю прозрения. Гнев созидателя прожигал прижитые от скверны дремучие страсти и душевные недуги. Время текло в обратную сторону, выгорела живица солнечного света, потух отсвет луны. Лютым зверем завывла вьюга, засыпало всевидящее око, туманной слезой хныкал кедр. В надзвёздных ярусах неба, незбылемо возрождаясь, от стужи мысль оделась в Солнце. Со жгучей тучи плескался дождь на ледник, вернулось ласковое время горячей лазури. Молодой месяц взошёл над тайгой, у птиц началась кладка яиц, к ягелю кочевал олень. Заря светлых небес не выгорела дотла, по лучистой росе ниспадала в земную колыбель. Выжженная скала хранила пепелище очага, искра души объединила семейное счастье.

Бессонная сон-трава

В ночной тиши всё живое дремало. Спала река, льдом сверкала в лунном свете. Спало небо, усыпанное звёздами. Видела сон тайга. Спала под снегом опавшая хвоя, согревало мышинное логово.

В уютной берлоге сытый медведь мучился от бессонницы. Медведь не мог забыться и уснуть. В мыслях незваных витал, считал съеденных оленей, отпечатки цветов. Раненой птицей вертелся на подстилке, зима почти прошла, медведь время коротал без радости и смысла. Медведь безмолвие взломал, протянул лапу бурундуку, тот спал. Стал изучать себя и понял, что в сердце проросстал росток стыдливости. Нарушил весть тайги, давил оленят, ссорился с волком, разрушал гнёзда птиц, обманывал муравьёв, топтал цветы. Огни их душ мерцали во тьме, в медвежий разум въелась совесть, терзала изнанку сердца. Угрызения содержали страх, медведь

пугался отторжения, пытался справиться с судьбой и выполз из берлоги. На оттаявшей земле в кристаллах льда бодрящей зарницей расцвёл фиолетово-лиловый цветок-подснежник с желтой серединкой, пушистым стебельком и листьями. Раскаялся медведь топтать весеннюю сон-траву и его перестала раздражать бессонница.

УТРО ЗИМНЕГО СОЛНЦЕСТОЯНИЯ

Лунная прогулка

Медведь родился под снегом, из берлоги выходил на снег, осенью снег засыпал ягоду. Днём медведь собирал клюкву на болотах, на отмели рыбачил, ночью ходил на охоту. Суть жизни проста на покрытых туманами сходящихся тропах к перепутьям ожиданий. Растворяясь в потоке разлук от бессонных скитаний, зверь шёл по листопадному ковру. Скользил по кругу к затуманенным звёздам, бросал мечты к радужному восходу Луны. Тревожил ум и сердце тряс, шёл вдаль по горному мареву к вспыхнувшей грёзе зимы. Из плена мнимых причин луч лунных мыслей падал на бездорожье, звал душу заснуть. Брёл твёрдой поступью за Большой Медведицей, блуждающей по небу против времени. Луна острой гранью ранила сердце, кроила вихор чувств, вежливость велела закрыть. Снежное облако рухнуло из бездны небосклона, покрытого россыпью незримых звёзд. В тени сожалений Млечного Пути звёздная стежица сияла намёком зачатка зари жизни. Подвластный земной неволе, зверь убаюкивал в берлоге лунную походку медвежонка.

Сущая сущность

Оленёнок губой ласкал ягель, копытом бил о камень, с холодком по коже беседовал с тенью. За скалой спрятался вольный ветер, раскачал озёрную волну, посеял сердечную смуту. Из ниоткуда небытие упало в никуда, одичало эхо, оголился сон, прошлое позабылось. Отсутствовало сознание, беззаботно задышала душа, из ничего выронив вдохновение. Безидейностью свирепствовало в пустоте смятение, не различалось убежище естества. Прежде творения зримого мира, от избытка любви появился порядок в смеси бездумья. Идея появилась из доверия, ум — из недоступной мысли, через чувство появилась страсть. В центр чрева вошла сущность, из небытия — пространство, время высветило свет во тьме. От натуры развились двенадцать слоёв небес с видимой явью и дух долга перед родом. В пределе движения правящих сфер, ледяные кометы очнулись в обычаях и учтивости. Из сгорания первичного тепла вольные души возвращали в разумное состояние судьбы. В забвении колебания стихий, связалось рождение истины с перерождением сознания. Прояснилось небо, звезда, Луна, Солнце, оленьи мамы и отцы улучшали суть оживания. Надзирая над внятным и скрытым основанием времени, сама себя созидала Вечность.

Огнистая заряница

Выйдя из берлоги, медведь отдыхал в снежных лёжках, переваливаясь с боку на бок. В жару пережёвывал снег и пил воду, охлаждался в ручье, выискивая глазами рыбку. В неземном видении подростшего в люльке проталин оленёнка крыло совы рвало небо. Вращаясь в урагане, срастались тени туч с двугорбой вершиной, дождь оживил грунты. На перевале телок рожком подпирал звезду, спадающую в распадок богатый клюквой. Ерик клокотал в туманном таянье, в несходном просторе стариковски фыркал изюбрь. Взлетая над медвежьей берлогой, искрой дышала горящая борозда бродячей кометы. Суетились в снеговых комьях куропатки, выклёвывая мёрзлую мякоть палой брусники. Неусыпное око луны подмигнуло сквозь щель облаков, олень копытцем притоптал мох. Волка обжёл ледяной ветер, иней придавил сочный ягель, в ущелье тихо вздохнуло эхо. Сгибаясь дугой над житейской тропой, огнистая заряница тянула ввысь сутулое солнце. Оставляя надежду в озарённой душе оленёнка, лучистый рассвет осветил дневную еду.

Светящееся пламя

Покинув берлогу, худой медведь шёл в поисках пищи, вынюхивал, высматривал добычу. С ходу учуял — старый козерог сорвался со скал и разбился, на останках шатун встретил весну. В обветшалой хвое потухла Луна, облако стёрло протоптанную тропу, олень обнял снег. Заплакала птица, потеряв гнездо, с бездонной ямы небес упала безнадежная темнота. На перекрестье миров искал удачу, разжег костер в чёрной пурге на снежном перевале. Теплился огонь, вилося пламя, помогая найти скупой смысл жизни на хребтовой тропе. Огненная лучина выжгла стужу, звала изнурённое сердце зреть бремя страстной мечты. Искра неутомимо вскользь разгоняла тени потерь, теплом ласкалось меркнувшее время. В нерастраченном сердце тлело вечное терпение, муками сожалений обжигался разум. Пылало ярким пламенем, излучало свет и жару, внушало жажду бесстрашно выживать. В полыхающей душе костра вспыхнуло зарево не зазря, сила радости утешала от грусти. Из непроглядной тьмы дарило пламя луч надежды сердцу — уцелеть на вечной мерзлоте. Сгорал уголь дотла, выдыхался огонь, вострепнулся светлым чувством негасимый свет. Тусклый пепел выгоревших невзгод по ветру забвения летел, оставив след сновидений.

Прыткая синичка

На ночёвку медведь рыл гнездовую лёжку, утеплял подстилкой из сухих стеблей трав. Пастью наклонял веточки в сторону, скусывал их зубами, сгребал в пучок и укладывал. Умывшись в бурлящей воде талого ручья, Луна взошла над травой шамана саган-дайля. В белизне вечных снегов и кружевах кедровой хвои заиграли лучи небесных отблесков. В закатном зареве остро оскалился зубчатый хребет, хмурые тучи обнялись с зарницей. Разрезав налетевший ветер, молния зажгла огонь в золе очага на Медвежьем игрище. Капли живой росы прилегли отдохнуть на багульник, звёздочка свалилась в бездну сна. Отбросив тени в мерцание волны, полая Луна выстлала чёткую стезю в тайну причуд. Листопад будил мечты о метелях, обнажил излучину зари, целующую в плечи вершину. Ворохом радости взлетело стадо пламенеющих облаков запросить у небес снегопадов. Выше зеркала душ Вселенной, ожидающих сквозной рассвет, влетела проворная синица. Над негасимым дном зенита, ярче огнистых чувств огня костра засветился добрый день.

Судьбоносная гроза

Лиственница сняла оперение на снежную простыню, птица в чуждую даль направила взор. Ветер за тучей ушёл, глухариным крылом грохнул гром, молния зажгла вещание грёзы. Падающая звезда разрежала черноту грозы, к неизведанным желаниям побежала речка. Скалы раскрыли ладошки к звёздной ловушке, вершины притворились выше ростом. Солнце повернулось к весне, в новолуние медведица вылезла из берлоги увидеть тень. Тонкая хвоя кедра дрожала на ветру, беременная Вечность дышала зернышком жизни. Выдохнуло тёмное чрево лучистую звезду, по радуге подняло выше сочащихся облаков. За склонами снежных хребтов затаилось старческое Солнце — осветить лоно бесконечности. В круговороте затуманенной тропы длиной суетных шагов мгновенно исполнился сон. Кочевой дедушка-олень жаждущей душой по капельке росы отхлёбывал заревой закат. Подвязав ремень у стёртого ичига, каюр склонился к нежной ветренице, слушал раскат. Поверив в наполняющуюся негасимым светом чистоту гор, неземное эхо заново ожило. Из блеска льда, падая поперёк корня солнца, олень ушёл за недоступную тень событий. В объятиях раннего утра полное ощущений бродячее сердце раскрыл ветреной судьбе.

Избранник духов

Медведь бродяжничал по солнечным склонам на проталинах, поедая свежую черемшу. Подминал под себя хвою, разломал сухой пенёк в щепки и залёг на трухлявых обломках. В изменённом состоянии сознания медведь повелевал снами, предсказывал грядущее. Душевно переживал озарение видений, суть честного поступка, слушал рокоты голосов. Дух предка искал молодого хозяина, способного исцелять трясучку в вечерних сумерках. Задумчивого, рассеянного, негодного к обычной работе, неловкого охотника на зверьё. Испытывал на поиск сил, справляться с недугами, мечтал радостью прозрения омыться. Ненастье душило разум скукой жизни, дух вдыхал власть врачевать невидимые рубцы. Плачем слёз в сердце сжигал мусор судеб, вихрил знахарский ум дыханием исцеления. Одетым в шабуришку теней полночи взлетать к колыбели Солнца — гнать комара-звонца. Бубном, жезлом, головными крыльями двойника — держателя неба — ограждать невзгоды. Верой чують суть, нести мечты дневных троп по Верхним и Нижним ярусам мироздания.

Борьба неба и земли

Шатун давил зверей у логова, пар шёл из сугроба, волки оцепили падь, рванули на обидчика. Вожак устоял от силы удара, стоя вцепилась в горло громилы, медведь когтями заскоблил лёд. Пасмурная туча укрыла снежной надеждой побелевшую Луну, с ока птицы упала слеза. О потухшие огни звёзд разбилось робкое небо, без победы на крае льда заснула земля. Ледниковому ветру душу открыв нараспашку, олень копытами в снегу откапывал ягель. Отвергая бремя, тучей гасла звезда, гордая мечта улыбнулась отрадному лунному утру. Вольной птицей вострепелась заблудшая душа, бесечно взлетая в заоблачную мечту. По избитой тропе из неволи отвесных стен ущелья желала взлететь в звёздную обитель. На вольном распутье запуталась в сомнениях, тщетно искала опору в собственной тени. Через истязание ненастьем вела надёжная стезя в укрытие под кроны цветущих кедров. От грозы в муках терзалась, теряла равновесие в круговерти кучеводжевых облаков. Ливень заслонил радугу, молния вспыхнула огнём, эхо обернулось в гром, линия ночь. Окрылённая душа парила в снежном урагане, дыхание судеб оживляла изморозь зари. Повинуясь борьбе и единству неба и земли, чрево тайги ожидало восход Солнца жизни.

Неутомимая звезда

Косолапый выполз из берлоги и ждал выхода молодых самочек первой брачной весны. Медведь после спячки позабыл чувство голода, с игровым настроением взглянул в небеса. Звезда зари гордо мерцала в вязком снегопаде, иногда ниспадала прочь от лица Луны. Укрывая землю туманным счастьем, в выворотах высветила путанный замор ненастья. В пелене метелей едва заметные вершины ломались, копалуха камни крошила в песок. Глядя на муки прожитых теней, Звезда жизни высветила в сумерках минувшую скорбь. Шагал олень по изодранному ветроломом косогору, откуда телком упрямо тянул тропу. Пересчитывая выгоревшие Звезды разлуки, на облаках стремится круг жизни замкнуть. Окунаясь в грозные потёмки, сердце билось в груди надеждой, чуяло просвет во тьме. Маячила Звезда удачи, птица ночи крылом очертила кочевую мечту на указанный путь. Не выдохлась Звезда судьбы, нисшедшая нетленной искрой согревала скиталицу душу. Истёртый след соглашался с громом, созидание молнии направляло разумную поступь.

Светоносец

Ночь ползла по льду, на скальным рисунком замерла гора меж земным и высшим небом. Подкрылки глухаря согрелись в снегу, зябко роптал лось, человек спал у застывшего костра. Вьюжные сумерки вмёрзли в восход зимнего Солнца, заледенела тень на спине оленя. От зеркала неба требуя исход чувства, луч солнца горел, на осколки звезд разбил день. По отмеренному времени, цепляясь за облака, вечерний светоносец склонился к закату. Дочь Духа Света окалиной рогов толкала по ветру зарю, несущую отсвет солнцестояния. Подлунной тропой олениха шла из зимнего плена менять пищу, искала свежую зелень. В Млечной дымке познав себя, вернулась к дыму очага, облачаясь в отблески мечтаний. В окружении мерцающих надежд на опавшей хвое обогрелась в объятьях пробуждений. Вспоминая житие-судьбу изгарь кострища коптила, смрад томил сердце откровением. Молоком кормила сиротку олененка, ушедшего от звериного зла искать стадо предков. Звёздное небо отражало явь жизни, грезившую в лучезарных очах земного прозрения. Озаряясь светом, пламя огня указало в просторе стезю: удалиться блуждать бесприютно, уставшей искрой из ночи толкать дремоту утра к пробуждению младенческого светила.

Сердечная рана

Покинуть берлогу самке с сеголетками мешали камни, выгрызла корни и попала в ловушку. Медвежата с урчанием обсасывали шерсть на боках братьев, как сосали грудь матери. Светом утреннего солнца напилась береза, оделась в томную нежность серёжек весны. Из тенистых ладоней заснеженных вершин кедровка устремлялась к бескрайнему небу. Под тяжестью недостижимых мечтаний поползень сползнул на проталину к запасу ореха. Слоистая береста трещала сердечными ранами и лопалась рывками шрамов изнутри. Увечье лечила рассветной мощью прозрачного сока с заревым натёком лучей во тьме. Стучал дятел, пищала синичка, скрипела живая древесина, гриб чага целовал царапину. Черствела измена в ранимой душе, чёрствая шкура влюблённого нароста грела сердце. Шелестела светящимися лоскутками рубцов кора, силы зачерпнув, стихла гроза в душе. Время убегало, стиралась память, в чайном котле кипятились крошки берёзового гриба. Дурманил отвар дуновением опавшей листвы с привкусом сладости слёз ранней любви.

Заклинатель Солнца

Застрекотала птичья община, из петли памяти ушёл сон, вскормленный крохами сомнений. Сердце пронзило остриё зари, роса впитала Солнце, притихла поперёк пройденная тайга. В лунное небо вознеслась крона тронутого увяданием кедра, побелели волосы у виска. Бездушно горела звезда, постарел родной олень, тяжело споткнулся на обратной тропе. В вечной мерзлоте гор не рыл погребение по окончании земной жизни ездового оленя. Сложив покойную шкуру во выючную сумку, заклинатель Солнца изменял шаг времени. Земную оболочку ушедшего сородича поверх облака искр призывал к небесной судьбе. Из воздушного захоронения, от повседневных забот душу оленя уводил по стезе солнца. Сохранённые души, выбирая будущее, расходились в разные конечности преломления. Свободная в отборе душа возвращалась в тайгу во внешность новорожденного телёнка. Одна из душ превращалась в птицу, в зареве рассвета взлетела навстречу дикому стаду. Дымом очищенная душа-двойник по утренней росе помогала зреть уверенность удачи. Потерянная душа костенела, спадала наземь под туманный прах нижнего слоя ледника. Всполохом грозы стиснутая невозвратимая душа-совесть мечтала возвыситься к Солнцу.

Медвежья шерсть

Медведь чесал спину о смолистый кедр, оставлял на коре густую шерсть для общения. По запаху узнавал сородичей, обозначал границы угодий, избегал встречи с человеком. Защищаясь от злых насекомых, в охотничьей сумке носил клочочек медвежьей шкуры. Поджигал щепотку шерсти, тушил огонь и, дымком окуривая, лечил от испуга оленёнка. Перемерзнув — тело горьмя горело, грозой выталкивал пламя молнии из суеты облаков. Расходилась летучая плоть от щетины, гром раскатывался не слышно в зарничном небе. Охранял от бессонниц, вихрился к лихорадке, таился в порче, дрожал, чадил, помогал. Взлетая наугад, дымная искра исцеляла урезную кровь, заглаживала скудность будней. Вдыхая всесожжение ожившего огня, прочь в пустоту сумерек убегали лютые хищники. Прозревая будущую судьбу, детёнышу золой измазывал лоб, стороной шла волчья стая. Полыхнув багульником, дым знамение вязал землю и небо, пепел прокоптил метель. На возвратном пути пушок принимал вид облаков, над вершиной возвышался радугой.

Ледяная ловушка

Стая волков не могла справиться со здоровым лосем, волк гнал худого оленя, сбивал с копыт. Потерялась тропа достижений и потерь, ветер убежал за стаей снега, небо упало в пургу. Раскачивая сонные тучи, стонала метелица, по скрытой тропе подзывала подругу зиму. Загрустила душа нежностью в глазах, по замордку сохатого льдинкой покати́лась слеза. Замерли кедровый стланник, ерник в распадках, сушеница у наледи каменистых ручьёв. Солнечные дни сменил ночной морозец вьюг, под коркой наста спрятался рыхлый снег. Теряющий опору зверь проваливался в сыпкий сугроб, копытом ломал ледяные пласты. Под уставшим лосем трещало займище, наст острыми краями до крови кромсал камус. Выбываясь из сил, изнурённый лось стоял на месте, оставаясь удобной добычей волков. Скрипел утренний иней под лапой лютого хищника, птица ломала кору, шумно взлетая. Тетерев помогал пройти острые зубья пластов снега лосихе с не рождённым малышом. Косач выводил животных из снежной ловушки по следу лунок от своих старых ночёвок. Спасаясь от ястреба, вольная птица садилась прямо на шерсть спины счастливой лосихи. Тетерев кормился кедровой шишкой, опавшей в пожухлую проталину, лось брёл за ним.

Крапинка в сердце

Медведица выбирала партнёра по оставленным меткам на деревьях и следам когтей. Во время брачного сезона запах жениха ведал о здоровье, являлся ли он родственником? Напор ветра, трение дождя раскалённая душа оленя открепляла от тела, одетого в ворс. Не получившая имени душа завернулась в тёплую хвою на изножье дупла сухого кедра. К Северной звезде тянулись корни корявого ствола растущего под землю и ввысь небес. В надежде на возрождение искала покой душа-птица, соединяя в порядок зенит и дол. По стволу безвозвратно царапала когтями стезю кверху, сок сердцевины обращала в дух. Сердце служило вместилищем зародышей душ, укрепляло чувство, удерживало мысль. Заботилось об охране, помогало в скитаниях не рождённым душам обрести явь целого. Упоминало имена предков, узнавая, какой земной зверь бродил за безымянной душой? Воплощало силу-душу в медведя, сонную душу — в глухарку, хитрую — в лисицу, тень — в сову. Честную душу-суть поднимало на дальнейшую жизнь согреть оленю солнечный хребет.

Желанница

Волк от обиды вёртко подпрыгнул, вырвался из объятий медведя, когтями сугробы взрыхлил. Матёрый почуял боль, запутал след, рану лизнул, вслух заскулил, в тёплую тьму логова вполз. Зима обманула кружевом из снежного пуха заблудшего путника в поисках уюта у очага. На тропе судьбы избежать плена метели помог амулет, биение сердца гнало сомнения. Подражая взрослым в игре, дети делали кукольное хозяйство мечты и реальной жизни. Из перьев птиц, меха пушных зверей, шкур и жил лис вязали куклу-оберег — Желанницу. В душу куклы вдыхали жалость, обиды, любовь и она узнала горе, беды, страх, радость. Одетая в смысл Крупеничка неживое — оживляла, дарила силу воли, сытость и достаток. Неразлучница — берегла семейный очаг от ревнивых тягот недопонимания, ловила сны. Травница — прогоняла хворь, хранила покой воплощений предков, помогала роженице. Пеленашка — решала, какой душе вселиться в рождённую плоть, исполняла пожелания. Колокольчик добрых вестей Солнца над стадом, следил за детьми, оленями и собакой. Зольница пахнула дымом очищения пред охотой, в непогоду дарила опору выживания. В гнёт испытаний, с верой загадав желание, в куклу Матушку ветер вплетал ленту алуу.

Снежная пыльца

Туча оставила следы кривой чертой, разгневанный медведь царапал кору лиственницы. При встрече соседа во время свадеб делал вертикальные задиры, после совмещённые. Над протокой ручья с серебристой шугой полуночная сестра звёзд резала утро пополам. На прожжённые молнией камни горной вершины безбоязненно уселась кочевая птица. С острия гольца колючей стужей скользил ледник в бесконечность скалистого распада. Подруга неба согрела сердце в груди золотой россыпью осыпающейся смолистой хвои. В снежной пыли языками пламени зарниц растворялась оттепель родового кострища. Пожилая мать кипятила чай с оленьим молоком, намешивая размятые ягоды брусники. Нарезкой ленты строганины для вяления оленины проходили будни охотничьей жизни. Безвозвратно разрывая зарево зори, доверчивая птица спустилась к крохам в ладошку. Уцелевший в жестоком побоище гона, суровый изюбрь очищал рога о рубцы заживка. Осмыслив сладость семейных будней, рёвом ревел в дремучие дебри, ревнуя важенку.

Турухтан

Стужа упала на горы, медведь мерил тропу на берлогу, птица считала снежинки на крыльях. Туман пополз, скатилась слеза, птица прощалась с родимым гнездом, грустью захлебнулось эхо. Осенней ночью ветер запел вьюжную песню, закованная в лёд, уснула старица ручейка. Кричала ворона про невзгоду, оленя мучили сомнения в душе, туча била в бубен луны. По шивере гулко перетекала каменная река, турухтан клевал траву очанку у родника. С кручи плитняка, покрытого изогнутым тальником, в скорбь срывались слезы водопада. Весь звёздный круг неба вместивши, костер очага не погас на гостеприимном стойбище. Отдохнув от терзаний разлуки, в земном утешении таёжник перетирал шишкупаданку. Одетый в выползок туманов, юркий бурндук вылущивал созревшие кедровые орешки. Бросив на иссохшую хвою стланика багряную ягоду брусники, питал осторожную птицу. Волна снегопада заслонила стеной стёжку через перевал, колыбельная сказка притихла. С любовью и горем летящую над хребтом комету земнородный вестник трелью утешил. Из облачной щели невпопад закружилась искра мечты, пропуская рассвет в утро жизни. Олень губой ловил снежинки, в растроганных лучах Солнце повернулось от лета к зиме.

Солёная сладость

Красовались рядом с тропой медвежьи метки и задиры на смолистых хвойных деревьях. Щенок от умных родителей читал свежий след, записи от медвежьих когтей, лось шёл. В воде реки с идущей шугой зашуршала хвоя, осыпающаяся сквозь бесконечное время. В сжатой излучине заплескался сытный хариус, листопады растрепал отлётный стрижек. Россыпью затрещали сороки, косолапый обманул ловушку из брёвен на крупного зверя. Лютый хищник пропустил лосей из завала валежника по чернотропу подойти к солонцу. Лапник кедра с созревшей смолистой шишкой рассеял безнадежную явь ползучей тучи. Тайговый дух-помощник щедрой усладой солёного лакомства угощал лосинную семью. Прячась под ветвистые рога заботливой мамы, детеныш от страха прижал ушки к спине. Жевал траву яснотку, набирался мощи лосёнок для выживания в дремучих дебрях яруг. Жаждой касания ворсистых губ лосей сладости соли, время замирало во тьме солонцов. Бессонница утра учуяла в засидке хитрую росомуху, готовую изведать сласть будущего.

Звезда оленья

Расставаясь со снежной негой, торопилась рассветная бессонница на переключку глухарей. В пучину зари нырнула куропатка с распахнутыми крыльями, украдкой заплакала капель. После суровой зимовки в период отёла оленихи ослабли, волк прожорливо облизнулся. Испуганная нелетель заметила уединённое место от основного стада, встала на первотёл. Оленёнок родился под Северной звездой, озаряющей ледяным лучом подлунное лоно. Плутая в Млечной мгле, мечтал выйти на позвоночник неба, в поле светлячков согреться. Засыпая на ладонях планет, в чутком сне силился стужей унять мятеж кочевого сердца. В крошечной тьме простиралось мерцание простора, прельщал силой режима раздоя. Наклонился хребет, корни звезды выросли из облаков, в тепло мечты вгрызалась искра. В мелкой пыли безымянных комет колкие клочки изморози врезались печалью слёзок. Молнии улетали врозь, на пылком всполохе зарниц тлела не сгорающая звезда-окно. Мглистое утро колотил озноб, детёныш искал отблеск, открыл бездонной рассвет зари. Сумеречный странник в оправе из солнечных лучей взошёл в высь над суетной жизнью. На прощальном рубеже ледника, у щели, доверился обломкам из неугасимой надежды.

Равновесие небес

Настал лёт комаров и слепней, встали жаркие дни, ягель набрал силу, олень шёл к снегу. Волк караулил худого оленя с края стада, напасть не успел: человек громко свистнул. На перине туч уснуло Солнце, речная волна обмелела, к ненастью сблизив обрывы гор. Костер из стволин, положенных друг на друга оградил оленя от точёных клыков волков. Морось творила из звёзд, разноцветные бусы росы оторочили туманы полосой радуги. Слеза слепого дождя наплатила душу Матери-Земли, снежным ковром зацвела ясколка. Навстречу окрылённому ветру судьбы напористо кочевала изнанка знамения времени. Совесть рассудительно оглядывалась на жилистые старания оборванной в клочья души. Из светлого простора небес звёздные тени счастья упали на тёплую спину Солнце-оленя. Превращаясь в рассвет, зимовал в тайге, гнезвился в заглазной колыбели из скальника. Не ощущая бремени, по талой наледи на ягельный чернотроп отвесно спадал предзакат. С лёгким сердцем по развилкам жизни заново взбирался на пик небесного равновесия.

Солнечное гнездо

Волк увёл жестокого шатуна от логова с волчатами, хватая пастью воздух, упал, закрыл очи. Тело колотил холод, рыча от боли, пытался встать раненый зверь, ползти к волчице на гору. Разрывая грудью туман, шагал огромный рогач, под копытами хлюпал влажный ягель. Белый, как снег, дикий олень по тропе любви увёл важенку-олениху за скалистые горы. Рождённый в солнечном гнезде младенец получил шесть душ добытого зверья и птиц. Беря небесную мощь сосчитывать звёзды, седьмая душа-судьба вселилась в оленёнка. Душа, покорная дебрям тайги, непредсказуемой метелью сдувала время в пространство. Душа — мечта, речь, зрение, слух, мысль — в тумане проверяла на чуткость слёзную любовь. В вихрях ненастья душа — двойник-отражение — светила и грела в едином дыхании счастья. Сила упавшей звезды не сгорала дотла, спозаранку из пепла сон воссоздавался заново. Тень, видя просвет надежды, отделяясь от плоти, расправляла крылья в мирах предков. В глубоком дожде добывала силу воли душа-облако, будила нарождающееся будущее. Душа-тело участвовала в вечной круговерти перерождения сезонных дуновений ветров. Душа-молния зажигала духов-покровителей ураганов, утро обретало смысл грядущего.

Ледяные слезы

Медведь искал волка по клочкам шерсти, свежую нору зверь вырыл под корнями кедра. У норы валялись перья куропатки, копыта, череп оленя, волк залез в логово к щенкам. Гриб возник из капающей слюны Большой Медведицы, получив мощь выворота Луны. Мухомороедающий зверолов вкушал плод земли, обострял память отжившей мелодией. От лица медведя с пенной жаждой рычал о волчьей стае, загоняющей изюбра на отстой. В подреберье вертелась звезда, во рту таял иней, желчь внушала идти исцелять недуги. Ведомая мутившим снадобьем, одержимая душа шла сквозь леденящие слёзы радости. В каплях пота шла по шаманской стезе гнёта: вечером — зайти мглой, утром — взойти зарей. Пастью оскаленной блуждала во тьме, видела путь очищения разума от грязи алчности. Обкатанная в камнепаде, напролет дико ревела в зенит, в сновидениях судьбу зарывая. В погоне за вдохом тепла разъеденная страстью душа светилась, затмевала луч светила. В изнеможении падал в кашкару, до тошноты слушал пропетые песни далёких предков.

Снежный филин

Под кедром уснул муравейник, угрызения совести углубили морщины, Луна грызла лазурь. Черношапочный сурок засвистел и спрятался под камень, суслик зарылся в стылую землю. Расправив острые когти, из-за хвои пугающе ухал снежный филин с голубыми глазами. В мощи мрачных облаков затаил дыхание, в ледяных узорах вершин поджидал удачу. Филин обожал ночь в разломах туч, лунные сумерки, звёздный туман, орляк на скалах. На вершине могучей горы, у истока бурной реки, в ветвях кедра сплёл семейное гнездо. В вихре кружил погремушкой-трещоткой, перемалывал боязливое зверье во тьме тени. Бесшумно летал, искрой прикасался к горящему огню зарниц, мечту вырвал на простор. Молния жгла крылья, гром терзал душу, эхо гадало на звёздных лапах об удаче в охоте. Луч рассвета обновлял души добытых птиц и зверей, сухая смолёвка зимой расцветала. Навстречу ветру по краешку судьбы, окропив гнездо пищей, дух Луны напрасно не злил. В пору затишья вглубь пыхтел, обиженная метель могла заморозить от холода и голода. Ухал филин во мглу, невидимую хворь лечил чувством любви, страх исцелял надеждой. Пред тьмой бедствий сердце возжигал, чуть дышал, стойко хранил душевную бодрость.

Огненное оледенение

Волк охотился в тайге, мать доела жирный позвонок, ушла из логова, волчата притихли. Человек беспокоить волчат почитал за зло: волки подбирали отставших от стада оленей. В начальные времена не было ни неба, ни земли, ни воды: было огненное оледенение. Стрижек летел за верхушку грозы, собирал золу от молний — свить облачное гнёздышко. Рассыпаясь звёздами, падая и взлетая в прошлое, настоящее, будущее, родилось небо. Птица клевала Полярную звезду, из огня и ледяной мглы опрокинула дождевую слезу. Из кипящего бульона и снежной изморози рос Лунный рот, пожирающий лучи Солнца. Талые ручейки растекались по вырастающей из трёх миров суше, кедры пускали корни. В колыбели созвездий ветер баюкал души зверей, ростки тянулись к небу, даря плоды. Бродячий люд охотился для пропитания, выживал, одетый в звериные и птичьи шкуры. Если холод души не сохранял тайгу и зверей, в сердце тлел предком зажжённый закон. Зольная звезда ниспадала на землю, выжигала дотла зло в пламени конечного исхода.

Временная явь

Лоскуты облаков прикрыли небесную наготу, стаю поджидала нежданная встреча. Всполохи спрятались в щели скал, иней осыпался с кедров, волки растерзали медведя-шатуна. Наверху метель заметала рождение звёзд, в синеве мечты ярко выгорали лучи в золу. На тропах Вселенной желанные воспоминания таяли от времени, загустело молчание. В беспорядке небесной мысли не существовало воздуха и огня в тени пепельной Луны. Хмурая небесная шкура укрывала видимый Млечный прах в вечном безвременье жизни. Гремела гроза с дождём и мокрым снегом, у птицы перья на крыльях обуглила молния. В проломе зенита перегорела Путеводная звезда, земля усаживалась на хребтину неба. Хранители света уснули, реки дробили скалы, в камнях оживали цветы прожитых дней. Обживая чум-жилище потомком, собиратель бересты на тропе срастался со старостью. В затмении разума кувыркался лёд облака, ломал кедрач кипящей смолой смерч золы. Во сне бездонная душа встречалась с долгой жизнью, просыпалась во временной яви. Небесный, земной и потусторонний миры одушевили бродячее стойбище роженицы. Ход солнца оживил воедино миг и бесконечность в полноте времени без исчезновения.

Ветреница — дочь бури

В гаданиях о ненастье запутала ум весна, часто менялся ветер, над сонным счастьем дремал туман. Гром полюбил молнию. Нарастал шквал безумной страсти, по-птичьи тучи

сбились в стаю. Гром заглушил вечность рокотом ухаживающих клятв, молнию звал и злился. Молния дразнилась, пламенными искрами целовала звёзды, Луну жалила огненным языком, тьму озаряла блеском. В оковах туч сочился дождь, молния и гром сходились и разбегались в поиске силы истинных чувств, а не найдя, прятались в грозных тучах. От страха буря кружила. В убежище улетели птицы, спрятались звери, буря осталась бороться с молнией и громом, в печали и радости прижималась к грозе. Несущая гром и молнию туча не пугала бурю. Не трата пустых потуг, буря сдула облака греметь и сверкать на себя в зарнице. На не-

бесной свадьбе буря и гроза поженились и родили на тонкой ножке земной цветок-знамение — Ветреницу. Нежные лепестки трепетали от малейшего дуновения ветра, склоняли лепестки — к дождю, закрывали соцветия вверх — к буре. Вздохнув милый запах нектара, гроза ушла в бесконечность, буря исчезла следом. Успокоилось небо, цветок раскрыл венчик — к ясной погоде.

ИЗГАРЬ ЗАОБЛАЧНОГО ОЧАГА

Огненный сквозняк

Волки не пришли к логову, волчата скулили, на погибель отстал от стада худой олень. На строганину бык не годился, человек забил немощного оленя и подкормил волчат. Таёжник выращивал оленёнка и приручал три года, стадо мог потерять за краткий миг. Разжигал дымокур до прихода оленей: если не чуяли заботу, могли не подойти к очагу. Вороньим крылом опускалась ночь на вершину, позабыла сладкие сны сухая одежонка. Обращался ко всем четырём сторонам света с заклинанием: спастись от хищной пагубы. В слоях туч и бестелесных ветрах на бирке подсчитывал зарубками дни месяца кочёвок. Пурга заметала следы, бродил по родникам жизни, выжигал в пламени остатки пищи. Гнев изломал начатую тропку, расцвел небосвод на ином берегу семицветной радугой. Амулет духа, избавляющий от боли, тянул зарю чуя желание обрести семейное счастье. Утро взяло в руки небо и разделило между зверями и оленями звёзды, Луну и Солнце. С солонцовой полизухи вернулся прирученный олень, заблудившись в стадах дикарей.

Стихия Земля

У стада волк подстерегал недужных оленей, насытившись, лучший кусок тащил волчатам. Не пропуская немощных птиц, зайцев, кабаргу и сохатого, волк избегал встреч с человеком. В заспанной рассветной заре над суровой тяжестью облаков сгорели звёзды-мгновения. Дождевая слеза размыла незримые края рутины серого утра, бездумно причитал ветер. Вокруг Солнца вращался земной шар с тайгой и речками, пригодными для проживания. Хребты содрогнулись, плоть ущелья одарила силой опору тропы для сытого кочевания. Протаптывая отметки под Луной, крался за добычей согнувшийся в дугу серый хищник. В пасмурной наледи чуял обжигающее огниво грозовой молнии, дым костра помутнел. Отражая озябшие звёзды и шальные метели, задымился снег с зарытыми куропатками. Вспорхнула искрой за дождевой туман кедровка к суженному, погадать о замужестве. Изведав изумление грома и смятение урагана, чистое сердце тонULO в стихиях до днищ. Ogлохнув от мечты, загорелся желаниями пламень души, глаза засветились надеждой. Полотнищем цветным засияли качающие лучи Солнца над полусонной люлькой пихты. Привечая день, сойка рассыпала радость трели, гнездо-убежище вила в кедровой тени.

Пологая радуга

Во все времена волки проживали в угодье, вблизи логова не охотились, уходили далеко. Собаки равнодушно огрызались, за гибель детёнышей злилась волчица, жестоко мстила. Колонок сквозь сон видел звёзды, за каплей дождя пологую радугу на кровле ледника. В гуще ненастья докучливых туч русолейка опознала расколотое на снежинки Солнце. Не чуя лапок, хищник от выюги вдоль каменистого ручья стрекотал красным огоньком. Обнюхав нору на земле, задержался в дупле, обыскивая тайгу, ставил метки у приюта. Проворно ловил грызунов, рябчиков в чужом гнезде, а под снегом добывал тетеревов. Под Луной на душистом горошке собирал не земных чудес крохи ласковых помыслов. Со щемящей нежностью к ягелю прижимался, целуя хмарь тумана, от росы смущался. Вычерпывал тайну эха, ощущал улыбку, доверялся приметам, предвещающим счастье. В свадебном сговоре пёстрых звёзд являлся с пышным хвостом на смотрины суженой. Умело скрывал следы за ширмой клыков лисиц, соединял цветочные ручейки в берега.

Ягодный день

После нагула на бруснике, медведь покинул мари и ушёл жировать на шишке-паданке. На медвежьем пастбище ягоду кушала лисица, клевала куропатка, жевал бурундук, ел суслик. Снежно-белое облако коснулось воды, утонул тальник в реке, звезда прильнула к Луне. Из ночного заклятия шагнув на торную стезю, олень вдохнул свежесть озябшей листвы. Радужный луч коснулся тучных ягод осени, согнутое ненастье запахло кедровой хвоей. В зареве облепили бестелесные искры костра отогревали послевкусие брусничного чая. В брешь потолка чума угольки подражали раскату грома, кормили последнюю молнию. Незримый дым-помощник шептал: раздать кусты спелых ягод родным душам соседей. Медведя чтит обращённым из человека, по внешнему облику обтёртым в жимолости. Подтаивали снежинки, медвежата наперегонки пережевывали корни сараны и шикшу. Не нарушая покой, кукушка плакала, упитанная кума медведица шла спать на берлогу. В мокром снегу клюквинки предупреждали о предстоящем нападении волков на стадо. По черничной тропе лунного света спустились духи судить за всё, что при солнце творил. Покровители охоты звуком подвесок-погремушек пели — пушнина разделу не подлежит.

Снежные тучи

Вернулась стая острозубчатых волков, следы медведя не высохли на тропе у логова. Мелькая в кустах, волчата ловили сусликов, играли с куропаткой, сторонились лисицу. Кедров шумели колючей хвоей, у подножья качались цветы, ягель отрывался от камней. С грозового навеса взметнулась клёкочущая синица-молния к гнезду, полному птенцов. В раскатах грома увяз вой волчьей стаи, стараясь помирить душу изюбря с добытчиком. Ветер плакал дождевыми слезами, дымилась чага, окуривая копыта таёжного бродяги. Туманный потолок капельки бусинок сбивал на тропу меж проталин горькой моховины. В снежной туче мошки и дробного гнуса тускнела забота, затмевала зазор алого зарева. От печали сгорбились раскалённые вершины, гасли глаза, светящиеся семейным огнём. Светлые мысли крупными ниспадали с кручи сквозь скалы, охваченные пламенем утра. Птица судьбы открыла душу, дрожащим писком о чистой радости пробудила природу. Строгая совесть с надеждой глянула в небосклон, тихо зашагала глухаринными лапками.

Ночь оленя

В осенней суете гона на отмели будней бурлил водоворот чувств, волновал смиренные сердца. Стадо оленей нервно бродило по снегу, недалеко равнодушно питался ягодой медведь. Затворив за спиной тропу, в капле разбитой Луны олень считал звёзды, упавшие в душу. По шипам реальности и зубцам подсознания, что есть сил пробирался к истоку светил. Сталкиваясь с соперниками, олень настырно искал самку, оглашал брачные намерения. В гон неокрепшие голоса молодых самцов сливались с мощным рёвом грозных бугаёв. Дерущиеся бойцы сильно возбуждались и становились лёгкой добычей хищных зверей. Переплетались рогами и, не в силах освободиться, и пропадали от голода в изнеможении. Увертливый бык с пеной на губах покрывал самок во время потасовки старых вожаков. Чувствуя храбрость, олень дробил сучья, тёрся шкурой о кусты, рыхлил копытами дёрн. Нагибал голову, метил порог владений, пускал в ход копыта — заглянуть в окно времени. Лунной ночью раздувал шею, словно ветвистое древо жизни закидывал рога за хребет. Дальность измерял силой ног, не оставлял оленух во мгле, копил стадо, тянул в рассвет. В начале зимней бескормицы избавился от рогов, чуя: важенки скоро станут матерями.

Дыхание жизни

Медведь сидел у старой лисьей норы, шерсть на холке вылиняла под луной до седины. Рыл лаз когтями, лиса с ходу вцепилась в торчащую из норы шерсть, медведь отступил. Живой выдох ветра над родной кровлей горы отразил тусклый отсвет ледяного ущелья. Сквозь медвежью дудку осветила тропу похожая на птицу негасимая Звезда караванов. Инеем упала мгла, у кромки дремот осенняя туча тронула огненной хвоей лиственницу. Из сгустка туманов радугой зарубцевалась душевная рана на любящем сердце Солнца. Участилось дыхание смущённых облаков в пламенеющем свечении неутомимых звёзд. В открытость пространства стряхнулись излишки усталости: давать яркие клички тварям. На ранней заре буря, умытая дождевой струёй, вдохнула в бесконечность шёпот суеты. Дыхание мысли намеренно сотворило для восхищения широту конечного мироздания. Расправленная душа уловила миг сотворения, не сошла с вершины и не истратила силы. У небесной чаши взаимы взимала горсть синевы, от вышней воли вкушала капли росы.

Оленьи шерстинки

Матёрый волк гнал оленье стадо, переряжки были на Луну, блистали клыки, волчица была на сносях. По закону утраты хвои стонала лиственница на выступе скалы, старый олень отжил свой век. Из глубины сияния иллюзий звёздных вспорхнула надежда к отблеску рассвета у Луны. К рождению зарева наощупь вышагала неторопливая медведица неуверенной тропой. Вскинув завесы, облако заплакало навзрыд, ветер обнял пустошь ссутуленных хребтов. Оленёнок почуял родственную душу и метнулся навстречу к лучезарному свету Солнца. Опираясь на пургой обожжённую землю, в снегах рожками бодался с лютым морозом. Отпрянула неприрученная мысль, от белоснежных скал очёс взлетал в заревой рассвет. Напрягая шею, бычок ютился на груди вершины, мечтал увидеть сон в сумрачной мгле. Шерстью разрезал ключую метель, вдыхал жгучую вьюгу, заботился о душах предков. Смотрел в лунные глаза, очами озер видел лица созвездий, шептал громовым голосом. Жажду не утолил глоток молнии, явью и грёзой от рождения откликнулся дух стариков. Со вздохом огня под копытами оттаяла наледь, взошёл росточек души у чтилища горы. На шершавом снегу в иглах ягеля лёг в колыбель со спальным одеялом оленьего стада.

Опора существования

Волки напали на медведя спереди и сзади, вцеплялись в задние лапы, успевали отскочить. Закружился и тяжело задышал косолапый, глаза волков горели от возбуждения крови. В кострище заката сгорая, белая куропатка крыльями оторвалась от лютого гнева совы. Сквозь сон, мысленно поднялась в безбрежность кровли на высоту ястребиного полета. Закат Солнца и тьма ночи таили в сердце угрозу, принося тревогу за выживание в тайге. Огонь, рождение жизни, кочевание в пространстве звёзд и вершин создали мир заново. Из когтистой лапы тьмы взывала душа к мерцанию лунного луча, отражала Вселенную. Глядела Луна на рысканье лютых хищников, собрала кочующих оленей-звезды в стадо. Крылья сдавила изморозь, глаза куропатки смотрели в сторону зари, освещающей уют. Вестница солнца рассветом стелила погреб гор, осветила сову, будто птенчика в гнезде. Весенним дыханьем оттаявших трав и прорастающих цветов пахнул каменистый приют. Из мха между сонмом звёзд и корявых сучков сова закрыла на засов чердак озарений.

Женитьба Солнца

Свободный в помыслах от суеверий, матёрый волк взирал в глаза соперникам, добычу сокрушал. Забилося звериное сердце, волк влюбился в волчицу, потерял покой, боролся сам с собой. Сгинула вьюга, зимние сны уплыли во мглу, время утерало заслон, осеменяв надежду. Молния целовала золу туч, дождь окропил бессмертную траву, в хвое сова проснулась. Лось брёл сквозь грозные щели, ступени метели: искал гнездо, где Солнце прорастало. Упала звезда в погреб покоя, комаром гудела помолвка кровной смычкой волка и лося. Укрытая свадебным покрывалом туч, шла невеста Солнца на смотрины утренней зари. Согрев страдающую душу, по капле пила окольцованный свет, свояки прятались в росе. Сваты не испугались стужу ветров, вечно замирая и оживая, Солнце женилось на Весне. Светило наклонило золотую колыбель лучей, свет истины хлынул в веселье обручения. Звезда обуглилась на рассвет, варакушка присела на проталину утёса, зажурчал ручёек. В птичьей щебетании двойник зверя на воде рвал снежную запруду, земля согрелась. Из гнездования лисица взяла куропачье яйцо, оставляя другие на развод детей Солнца. Выгнав из груди ярость, волк пережёвывал лося, голову с рогами отдал вещему ворону.

Тропа по кругу

Лосем раненый медведь завалился под кусты и начал заливать кровоточащие раны. Росомаха поняла: его надо добить, иначе со временем он, искалеченный, станет опаснее. Олень во тьме мятущейся снежной пурги у каменного осыпания потерял веру в звёзды. Луна дала заморной реке скользкую тень, спасла от когтей разъярённой медведицы. Умница-жизнь испугала случайностями растления, но не смела одарить бессмертием. Филин трубил, взревел разнузданный ветер, олень от горя уронил в колющий снег слезу. От волчьей стаи вереница стада изогнулась полукругом, без сбоев мяла тропу по зорям. Сердце билось раненой птицей, крутилось стойбище во Вселенной напрямую в разлуку. Сон ждал перемен, иней скребся о чум, крытый берестой, ливень вымыл мрачную думу. Олень вздохнул полной грудью, из брожения лавинных облаков шёл в небо вступление. По туману поднялась Луна над тропой, в бледном свете загнанная душа узрела подругу. За витком виток, разгорячённо, вдогонку бежал за Луной по безумию бескрайнего круга.

Хиуз- Северяк

Неспешный шаг, мутное зрение, усталость и глухота стали нещадными врагами дряхлого волка. Волки ухаживали за стариком, не участвующим в охоте, приносили пищу, щенки играли. Мурашками по коже переменчивый ветер вернулся, словно к смыслу сорвалось пламя. Не жалея о былом выжег сердце Солнца, летучую хвою обманом приподнял до звезды. Лучик оглянулся и узрел: подчиняясь закону сезона медведь утерял солнечный облик. Луну расколов надвое медведь ощущал сонливую болезнь, взлететь из берлоги не мог. Разрезая крыльями встречный хиуз, неслись отлётные птицы в неизвестные обиталища. Затевая борьбу за выполозок неба, за неясным гомоном спешили облака скорее мыслей. В душный распадок кедровой теснины долетело дуновение снежно-осеннего Северяка. Куропатка прорубила снег к свету, озиралась чутя: далеко ли уходило утраченное счастье? К худой погоде кричала песню кедровка, ныли у неё крылья, больно помятые сободем. От грусти метели захотелось плакать, по щеке хозяина гор катилась дождевая льдинка. Отвечали трубным реханьем олени, пора сражаться из-за важенок и продолжить род. Превращённый в остроглазую птицу, человек строил гнездо любви против зимней бури.

Молчание рек

Струя, обегая косу, водоворотом разбивалась об утес и резко уходила меж острых скал. В нерест таймень ловил водоплавающих птиц, зимой уходил в затон промоин ущелья. Чужая над душой власть пространства, обросшая ягелем вершина ссутулилась к леднику. Человек тропой расчистил заросли к цели, горбился от тягот, оберегал оленей от волка. Колющий ветер стих, замолчала речонка, заламывающая заломы, заплакал птичий клин. У куропачьего становища горестно ухала совушка-сирота, оставшись без пары в гнезде. Ответным зовом на мысу хоркнул олень, словно искал важенку на каменном косогоре. Ложился и прислушивался к звону рогов, к треску копыт, хлопку отдалённого выстрела. Сон прижал ладонью тонкую траву у тлеющего очага с шестами, устремлёнными к небу. Через дым, выходящий в верхне окно чума-жилыя, матушка-лето повернула Луну к зиме. Ширь и даль неба переплелись созвездиями вокруг семейного очага посреди стойбища. Надзвёздный дух-помощник слышал: тихо вздыхая, кочевод заклинал амулет участия.

Жар-цветок

Талую воду отхлебнул волк, полюбил волчицу, к логову притащил добычу, завыл душой. Тосковал, места не нашёл, снегом умылся, под Луной волчица рядом о судьбе завопила. Услышав радость в птичьих трелях, из витой узлами зимней стужи посыпались льдинки. Чувствуя трепет облачных крыльев, молнией окрасилась мечта, на наледь упала слеза. Одолевая невзгоды грозowych туч, Солнце, словно при линьке, истёрло птичье оперение. Упало в подвал ночи, утром взошло увидеть уголёк цветка, роняющего огневые семена. Олень оторвал листок, поборов страх на тропах волков, шёл узнать тайну целебных сил. До восхода в вядшей траве найти жар-цветок, огоньком сдёрнуть пелену с глаз Солнца. За завесой зарницы одолеть молнию, сжигающую разум отлетевшей с ягоды стаи птиц. Лязгнули зубы волка, ныл озноб до костей, олень на собранной траве видел вещий сон. Радость, знакомая с кровью добычи цветка познания, плыла по вершине огнистой зарёй. Смысл просонка густел смолой кедра, олень в хвое стелил постельку для Солнца зимы. На крылья папоротника вернулась лазурь, ясная явь первого снега удивила куропатку. Солнце желало вернуться домой к оленьей радости: вместе караулить цветение радуги.

Медвежий клык

В сезон свадеб медведь получил острую царапину на шее при драке с другим самцом. Рану заклепывал измельченной смолистой корой кедрового стланика, затягивая в рубец. Каюр не говорил ложного вздора, закон почитала свято отравленная ядом обид душа. Зря не вынимал остро отточенный нож, добычу терзал клыком, точёным со всех сторон. С трудом отданной частицей доброго опыта ослабевал, а дух провидения пробуждался. Клялся перед колодой медведя, разрезанной на пищу, очищаясь, скоблил грязь с души. Живое слово, сказанное себе вслух, воздействовало глубже выпущенного на просторы. Понимал стоны ветра, жалобное нытьё попавшего в капкан зверя, плач птичьего отлёта. Не выплёскивал чутьё, сдержанно накапливал в душе тепло, мечту творил в реальность. Обещал заботиться строгой правдой, умом, добротой, грёза росла в сердце выше небес. Изрекая фразу, молчал, мечтал охватить увиденный мир, всегда обернуться на урочище. Освободившись от суеты, слово прорастало насквозь сон, через талый снег, ягель и мох.

Ласковый лай

Отлучённый от матери щенок лайки рос, изучал тайгу, понимал запреты, показывал характер. Усвоив навыки послушания, резвился, понимающе хвостом вертел на охотничий манер. В поднебесье замерла вереница безмятежных звёзд, пеплом осыпалась горечь утраты. Блуждая в обманчивом ветре, каюр в ладонь собирал росу на семена робких надежд. В чуме на вершину шеста — ось мира — присела Полярной звездой — дух очага — птица сова. Беспрерывно собирая оленей в стадо созвездий, человек жил вместе с лунной собакой. Вязкая лайка выслеживала изюбря, вечером, загнав соболя на кедр, держала всю ночь. В тайге не оставалось времени на щенячьи забавы: училась распознавать следы зверей. По выражению лица хозяина различала, когда нужно лаять, а когда увидеть вещий сон. Не обжигалась над огнем сквозь копать дыма, чувствовала источник сил под Сириусом. Убегая от врага, ночевала в медвежьей берлоге, подражая голосу филина и вою волка. Щерила клыки, щетинила спину: ворон делил добычу, отбив у шатуна ломоть оленины. Чужим не раскрывала мысль, определяя смысл, понимающе рычала на дикого кабана. Никого не пускала близко к костру, не забывала хозяина, защищала в бою с росوماхой.

Куропачий стан

Птицы сидели на гнёздах, росомаха хватала их на земле, ворон летал за жителем скал. Волки стаей напали на кабана, росомаха ушла в пургу, в норке суслик носом засвистел. Похожая на обледенелый камень, чуть ожившая от сна совушка сохраняла силы и тепло. От снежных бурь сквозь отверстие в солнце улетали снегири вслед за вспышкой зарниц. Заплутав в лучах багряного заката, куропатка боялась выгореть и зазимовала в сугробе. Блеснув круглыми глазами, птаха не уткнула голову в опавший лист карликовой березы. Вихорь кудлатую метель испил, куропатка крыльями в лунный рот снежинки вздымала. Глядела на зеленые огоньки в глазах длиннохвостого зверя, учуяла надсадное рычание. На ножках побежала от клыков лисицы и когтей росомахи, белым облаком во мгле тая. Задевая звёздное пастбище, молния жгла ягель в капкане снега, буран крушил крылья. Устремляясь на олений зов-хорканье, голову вертела по ветру и хохотала во всю глотку. Птица расправила бойкие перья и взлетела нести счастье в студёный простор созвездий.

Берлоговая туча

Ветер кружил хвою, невзначай Луна подала знак, душа дрогнула от боли, высохла слеза. Глухарь гладил крыльями дёрн, сойка встала на муравейник, олень лёг на радушный мох. Луч нежно целовал берёзу, грустно плясали тени ветвей, листья ольхи вверх поднимал. Пылились ожидания, врачующие душу воспоминания вернулись на пастбище облаков. Снегопад превратился в ледяной дождь, закрыл свет Солнца над ягельным косогором. В вечернем зареве лисица обернулась тенью совушки и засветилась горячность сердца. Олени смутно разбрелись по распадку, логово с волчатами оказалось посредине стада. Волчья семья не нападала на стойбище, не похищала соседей для подземного хозяина. Зверь чуял человека не коснувшегося ножа, вспомнил обитель, скрытую в глубине души. Щелкнул клык, оцетинился волк, тихо засопел, за берлоговую тучу спрятал страх Луну. Сохраняя спокойствие малых волчат, матёрые хищники тактично отодвинулись в скалы. По просторам синевы кочевали олени, вслед свистел ветер в ушах у сородичей предков. В заброшенном чуме ради продолжения рода девица запалила огонь в родовом очаге. Озябшая сова орала о внешнем испуге, внутреннее жилище согревала искра храбрости.

Сын костра

Год выдался голодным, тощий медведь не выкопал берлогу к зиме, не ушёл в спячку. Дождь со снегом накрыл тайгу, медведь-шатун добрел к стойбищу и напал на оленей. В слепую ночь перед лицом матери звёзд каюр покаялся за нанесённые шрамы оленю. По путеводному шву бродил в бусой метели, кормился серпухой, отмораживал пальцы. Сторожиha-пурга устала, прозрачная звезда следила зоркими очами неземной мачехи. В дрёме туч уголёк матушки в сердце истлел, в родниковой воде чистил очажные цепи. Гребнем сгрёб сгоревшую сажу очага, от взмаха веера вспыхнула искрой тлеющая зола. Задышало пламя, тлела гарь, взлетела копотью, искра смешалась со звёздной пылью. К родовому огню пригласил греться звезду, оттаять душой, побеседовать, подружиться. Выкупом огня в искуплении пагуб, молча поведал: как небо корпел, обманывал судьбу. В глупых помыслах обгорел разум, исчез страх, в суматохе сборов открылся путь к дому. Не утонул в сугробе, прозрев добротой, заструженную лучину вложил в надёжные руки.

Жизневершение

Заострилась кромка невзгод, вспомнились приметы бездорожья под звёздным пологом. Ветер отстал за спиной, вне времени обняла лень, сон обманул, огарок потух, страх сжал душу. Туман затянул раздумья, ухватившись за тучи, ветер стёр наваждение с холодной души. Душа ждала запретельное, стрекотала сорока, чудило счастье в пурпуре закатных зорь. Грозовое облако коснулось скалы, молния разомкнула границу меж тем и этим светом. Низко взлетело небо, вила петли выюга, гром заглушил крики птиц, обрушилась лавина. В пыли светил буран гладил Млечный изгиб, треск ледохода пробудил нерест водяного. Заря смахнула холод инея с избитой стези, роса окропила ковёр ягеля, расцвела шикша. Ураган гнул спину, рвал нож из ножен, не погасил в сердце небесами зажженное пламя. По пастушьей сумке олень преодолел лучину, каюр крепил голенище, закалил волю. Пеший зверь, переживал прошлое, осуществлял настоящее, угадал будущее ненастье. Вехами жизни вносил вклад в несменяемый круговорот времени: вершить и уходить. Ветер взлетел до Луны, разорвал градоносную тучу, открыл звёздную завесу в рассвет. Провозвестник рогом проткнул дым в утреннем костре, вернул Солнце к чайному котлу.

Хождение в ягель

Тянул северный ветер, туча краем накатилась на стойбище, сова кричала неподалёку. Медведь подобрался к оленёнку, защищая ребёнка, мать лягнула хищника копытами. На небесном пастбище ярко сияла Луна, рядом бродили звёздные стада белых оленей. Над скалистыми вершинами гор взошла предвещающая рассвет Звезда Утренней Зари. Тяжело вытянув за собой грядущий день, заря ходила подтягивать за уши ростки ягеля. За рогами оленя бежал восход — помогать Солнцу в раздумьях о вечности сменить Луну. Светило от души удлинило луч, рассыпая искры в снег, отогнало тень лачуги в распадок. В охотничьих буднях оставалось много беготни, мало времени для житья с семейством. Седой пёс воем разбудил кочевого таёжника из рода Медведя, поселив в душе тревогу. Грызла душу ответственность посещения старых родителей, чтобы получить прощение. Попавшая в безвременье страдающая душа не ощущала плоть, вопль сердца рвал небо. Учувя предвечное время, стадо ступало за ягельной звездой, устремлённой в будущее.

Звук заговор

Луна украла у Солнца огниво, пену облаков слизал волчий язык, горностаи в воздух подпрыгнули. Ветер распутал следы хищников и жертв, магия чувств оленя целовала сохранённую жизнь. Купаясь в томительных лучах, снежинка хлебала пламя Солнца, опрокинутого в закат. Пахло небо обжигающим льдом, у кромки хребтов таяло Солнце, больно сердце пекло. Закат выгорел в сумрачный пепел, ухал филин, будил Луну возвращать звёзды на небо. Белое одеяло бездорожья укрыло ягель, сомкнулась хвоей стена, загребла росу в удой. Свист ветра отобрал молоко у дойной важеньки, осыпал листвяк, сбивал с пути людей. Наивно валился снег чрез дым от костра на стойбище, оленёнок волочил за собой узду. Бугристо заискрилась позёмка, холодно улыбнулась звезда, волк жадно обнюхал снег. Олень убрал рога с упругой спины, на шею повесил мешочек с солью, медведь дремал. Забыв на время минувшие странствия, перестук оленьих копыт торил немерянную стезю. Звон оленьих рогов вибрировал с заговорами рябчика, скрипом метели отзывалось эхо. Выйдя на волю, духи угрюмо хмурились на воздушную реку, звери спрятались в норах. Ловкая сова увидела оком: зажатый льдом завьюженный перевал суд вершил немотой.

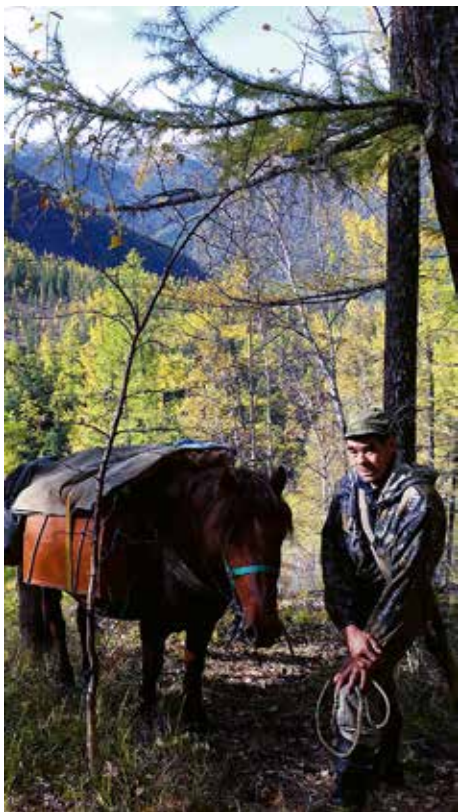

Узор на пепле

Олени питались чем угодно, но если долгое время не получали в корм ягель, то болели. Стая волков следовала за стадом, прилежно подбедая павших и ослабевших животных. Летом кочевал во времени по Солнцу на хребтах гор, зимой охотился по Лунам в тайге. Солнце, Луна, звезды дарили дух света и темноты, тепла и холода, надежд и отчаяния. Нарушал закон незримого влияния Вечности: полной чашею очаг превращался в пепел. Чум-сторожку покрывал кровлей из шкуры, семейное стадо залегать в ленцу не велело. В начале месяца отёла оленухи луч солнца упал на третий шест, волк подкрался к гурту. Орлом-птицей через судьбу бросился в ветер, в тени поставил капканы на лютого зверя. Побледнели медвежий клык и когти, опустели лунки глазниц рогатых оленьих черепов. От терпеливой охоты морозной злобой не кольнуло сердце, хищник обхитрил западню. Волк забирал оленёнка, человек от важеньки надоенное молоко не пил — сливал в ручей. Раненый волком в воплях от занозы олень обессилел, ужас вплетал рок судьбы в слёзы.

Колебание времени

Паводок затопил падь, сороки закончили спор, попутный ветер устал, дрогнуло облако-птенец. Шиповник затупил иглы, медведь раскопал схрон, мороз шёл по коже, будущее к небу звало. Робко закат смотрел в ручей, печаль была во всём, но восход в сердце увидел ледоход. Сотканный лучами рассветный свет рассыпал искры души на подтаявший снег в тайге. Зализав рубцы, олень считал шаги до прихода весны, как дни небесного творения мира. Миг дарил новизну видения Солнца, птиц, зверей, пологую тропу на встречу с любимой. Глянуло небо на рождение оленёнка, выкатило Луну — обливать росой пепелище мысли. В чтении письменных узоров звёзд незримая птица созревала овражистым посвистом. Вырвавшись из застенок пустот, олень катался по мху, выжил с вершиной одной судьбой. Пробуждал жизненную надежду по следу будущего, искал тайные знаки предчувствий. Приметы времени раскрывал в пространстве, жребий осмысленно измерял событиями. Мечтал изучить взлёт за ветром, быть стойким, как утёсистый камень в глухой пади. В тени мглы на седом валуне, за спиной духа сна встал лицом к восходу Куньей звезды. Расправив крылья прощённая хищная птица научила птенца со скал взлететь на облако.

Прожилка тропы

Зима пришла жестокая, долгая и голодная, снег укрыл толстым слоем дремучие дебри. На широких копытах олени возили таёжника охотится на соболя и искали ягель в пищу. В зимнее солнцестояние старый огонь в очаге заведомо гасил, новый высекал огнём. Подземные духи подкрались в чум, разбудив в очаге облик замерзающей грусти теней. Закрылся перевал, тонуло в ледяной тоске кочевье, сердце выгрызла тоска по простору. Раскалённое светило полыхнуло искрой за гребнем утёса, расщелину караулила лавина. Избавил от сна огонь, жал осознание тёмной земли в лазури неба, рыбу в ясной глубине. Пар дыханья от оленьего стада дарил свободу, у бездны закрутил, рога украсил цветами. Раскрыв тайну вершин, сроднился со стихиями, чуял приют на ковре радуги, доил Луну. Не заблудился, обходя дремучие уголья, читал следы зверей, перевоплощался в птицу. Оглядывался и шёл по изгибам ручьёв, разговаривал с ветром, кедром, зверем, небом. Засвистели снежинки по упругой тропе, а человек ощутил себя частичкой самой жизни.

Карающий куст

Полярная звезда озарила небо, тьма сжала ресницы, горы скалами ушли вглубь ущелья. К спине откинув рога, из последних сил олениха шла вдаль, кедр гнула, ягель зубом скребла. Карабкалась на вершины взлетать, со слезой падала с неба до самых глубоких ущелий. Томлением наполнило сердце до краёв, больно зарыдала душа о потерянном счастье. Среди горсти звёзд и камней к искре грозного огня провела оленей изгибистая тропа. Волчье облако обмана находило путь само, с маточным стадом кочевало по сумеркам. Изгарь мечты затеплилась в бескровном сердце, осветила надежду в покинутом гнезде. В озарении зори не снедаемый огнем пасынок ясенец согрел очерстевшую даль-ширь. Карающий куст, зажжённый во мгле, пылкостью обжёг печаль измен, обуглил лень. Огнём выжег окалину мотовства, повзрослел душой, принял дар нестигаемой судьбы. Срываясь из лжи когтистой тьмы, загодя нарождённый оленёнок обернулся в рассвет. Не прощая заблуждения, взошли и спустились светила влиять на жажду небытия жить. Трепетом оборота дыма вознесли золу чувств неземного очага, разгорались в распах. Чудный пыл цветка не потух в ледяных росах — пепел рассыпался по нетленным будням.

Шиповниковая роза

Волки бросились разорвать на куски оленя, но не рассчитали прыжок и резанули клыками спину. Олень отшатнулся и побежал, кружил по камням, но был окружен волками. Олень

кинулся в топь болота и вышел на другом берегу, крепкие волки не отставали, дышали в спину. Полагаясь на чутье, олень путал следы в валежнике, петлял по ручью, лез на скалу, стремился скрыться. На пути оказались непролазные кусты огненных цветов шиповника. Их можно было обойти. Олень собрался с силами и прыгнул в колючий куст. Волки ринулись следом по иглам. Волков стало меньше, молодые отстали: шипы вонзались в лапы. Олень стоял в западне из яростных шипов, дрожали копыта, стонало сердце. Пламя цветов не испугало вожака, он, готовый жизнь отдать за стаю, прыгнул в огонь цветов — шипы драли шкуру, кололи очи. Волк прекратил

погоню. Вдохнул олень, признательный игольчатому кусту за спасение, перепрыгнул огонь цветов, прихрамывая, побрёл в горы шиповниковых роз, пропахших вольною судьбой. Вожак поджал хвост, клыками вынимал шипы, засевшие меж когтями. Он верил в силу удачи, назначил матёрого преемника, добывать еду на всю стаю.

СОЦВЕТИЕ МОЛНИЙ В ОБЛАКАХ

Сверкание звёзд

Медведь караулил лося в засаде на тропе, напал проворно с подветренной стороны. Хищник жировал на медвежьем пастбище, росوماха сгрызла глухаринные крылышки. У галечной заводи, напрасно растревожив сердце, уставшая заря простилась с Солнцем. Громовая стрела от тьмы отделила свет, возникла белизна, породив твердь из пламени. Луна, сотканная из угарной дымки и прозрачного огня, запестрела полярной совушкой. Мысленные чувства, произнесла с уверенностью ветра, будто наизусть пропетую песню. Над хаосом камнепада сверкнули созвездия, созидавая счастье и предугадывая ненастья. От гомона взлетающих тетеревов встрепелось рассветное небо над корочкой наледи. В оскале молнии тень хищного зверя скользнула по борозде льда в снежный распадок. Зеркальной зарёй вдоль речных извилин оттаяло сердце, эхо вздохнуло полной грудью. Глядя в облачную рябь, зацвели невелички-соцветия, разделив лепестки и чашелистики. С протянутой ладони солнцепёка мамила ловчая тропа сладким выдохом багульников.

Соцветие молнии

Весной начался гон у рысей и отёл у лосей, раненый кабан рассвирепел, прилетела ворона. Волк, не мигая смотрел в глаза росомaxe, изюбрь обошёл стороной медведицу и медвежонка. Ранней зарёй поздней весны замерзала вода слоем льда в лепестки, пестики, тычинки. Облачные отростки морозных цветов сквозь снег в душе прорастали до Утренней звезды. Холодными ночами цветы багульника терпеливо смотрели сны под покрывалом инея. Из туманной изморози выбираясь к тёплым лучам солнца, надежда родилась в сердце. В сладком забвении предгрозового затишья потянулись к отражениям на зыбкой струе. Блистая жаром пламени, порыв душ лепестков одолевал беду, буерак в мутной судьбе. Своенравные звёздочки-огни, гордо тлели талисманом, погружая в грёзу радугу весны. Взлетая от камня, рассветная заря, укутывая видение, переплеталась в танце с облаком. Касаясь шороха вольного ветра, молния сгорала от стыда на лазоревых перевалах утра. Пеночка раскрыла крылья в пламени, мимоходом поманив лося по горным просторам. Пугаясь гнева ливневой грозы, мохноногий сыч спрятался под хвою кедрового стланика. Всполохом обожжённая кашкара окурила душистым дуновением тропинку к стойбищу.

Пешая речь

Звёзды светили задумчиво, птицы переговаривались между собой, создавали мелодию. Тинькала синица, понемногу каркал ворон, задорно свистела свиристель, молчал ветер. В заснеженное беззвучие капризных зим чутко вслушивался выгибающий спину соболь. Из оленьей шкуры превратившись в синицу, в безветрие эхо укрылось за лунной мглой. Талый снег выплакал душу; ускорив шаг, олень чуял запах залитого солнцем стойбища. Зазвенел в воздухе шорох копыт, струи пара вырвались из ноздрей на перепутье тропы. Кедровые ветви убежали по обе стороны спины, словно маточное стадо зацепило облака рогами. Таёжник расстегнул поясной подсумок для кресала, расшитый соцветиями багульника. Раскурил костёр, сердце заликовало: сквозь иголки стланика ветер донёс весть о весне. Птичьим гомоном выражалось сожаление наледи, сочувствие ели, скрип лиственницы. К чаю подмешивал видимую прозу жизненного уклада кочевания со строчкой о любви. Незримая сила чувств легла в основу безмолвия вершин сказками, пришедшими из сна.

Помин

После рождения лосиха напоила молоком лосёнка и ушла кормиться, малыш лежал в траве. Лосёнок пытался за оленем уйти на стойбище, но вернулась мама кормить своего телёнка. Посещая мир тайги, не стужал, а радовался, безвозмездно растрачивал сердечный жар. Устав от кутерьмы жизни, уходил в иной приют, собой водил на поводке злующие вьюги. От негасимой Полярной звезды покидали тот свет почившие, шли мимо солнцестояния. Разгорался уголёк очага, грел предков, поминая, провожал обратно по суровому ветру. Помутилась вода с песком, от потерь улетали птицы, яйцо мысли катали по чистилищу. Из горечи опавших слез дети, осуждённые любимыми, ступали за снежным оленёнком. Наивные и ранимые, светлые и мудрые в вихре искр поверий осмыслили потребу завета. Скорлупа сердца, наполняясь до края, трещала от земных страданий о болях и счастье. Ударяясь об остриё камня, скиталец-ум скользил из чрева теней к копыю молнии рока. Огонь истин прочистил глаза, распахнутая душа отразила пламя душевных постижений. Испив чашу ледяной ночи, чуяла тепло сна, тризна обрела надежду в дыхании восхода. Забыв трепет прощания, наутро на рассыпанном пепле искали следы усопших оленей.

Приют сиротства

Дым кротко к туче взлетел; протянув ладони к теплу золы, таёжник погрузился в сон. Камень упал с вершины утёса, освежила ночная прохлада, волки ушли на дно пропасти. Опясывая грозу, закатное безбрежье родило затишье перед бурным рыданием грома. Под копытами стада вращалось ненастье, осознание правоты шелестело пророчеством. Копьё молнии оживляло звезду над зубастой стеной ущелья, медуница рану соком жгла. Вдоль меток на веренице сутулых камней в осадок памяти кочевала искра одиночества. Из душевной засухи души предков прибыли на просторы цветов — жужжать задушницу. За пределом дождя минувя страх потерь, лучи звёзд ласково прикоснулись друг к другу. Кукушка примерила сапожки, оленёнок в роднущей судьбе приютил звёздную искорку. Вдвоем во Вселенной с тоской в сердце вспомнили кочевую заботу от огня костра ночи. Ненавидя объятия надрывной золы, остыла искра-сиротка, вспорхнув в утробную зарю. Потеплела озябшая истина, рассвет опёрся на гору, ладонью поймал луч ранней звезды.

Неведомая звезда

Волк, рысь, россомаха без предупреждения бросались на оленёнка, отставшего от матери. Медведь пересёк следы хищников на своей территории, сделал задиры — метки от когтей. Скованные снегами звёзды приближались друг другу, выжигали сердца от ярких искр. В пристанище снов чувства замирали от грёз, в суматохе оттаяли от неистовой жажды. Во тьме оставив след безмолвия, одиночка звезда млела в чад телесной ненасытности. Солнце целовало ласковым пламенем зори утро и вечер, свет и тень, стужу и оттепель. У истоптанной кромки каньона шуршал ледоход, поникший цветок развернул лепесток. Лишилась рассудка дождевая туча, похожая на перья орла над заснеженной вершиной. Эхо шаманского бубна кровно сроднило надзвёздный навес неба с земными стихиями. Волнуясь до слез, олень вовлекал грозу в душевный разговор, разрушая покой молнии. Смелый в борьбе с вечной истиной гром тянул нудный отклик утёса в мнимое согласие. Везде и нигде поглощающая мглу звезда, исчезнув в небытие, судьбу распахнула взору. Обесцветив отсветы невзгод, манила ищущих чудо случая бескорыстием щедрой удачи. Под ведающим звёздным дождём бродил странник, не теряя опоры путеводного света.

Окаменелый кров

Удаляясь от скалистого побережья планет, буйную жизнь неба несло потоком вечности. Шквал звёздной метели осел на влажный сугроб, текущее время растворило видение. Рождённый громом потомок отчего крова неба спекался из окаменелых кровей грозы. Охраняющий предков валун на пике утёса терзал ураган, грыз ледник, рвал оползень. В вечной мерзлоте закалялся окалиной молнии, отсветом разума очерствел в кристалл. Живая скала закипала слезой, указав мертворождённым детям путь в заревую купель. Лезли кости душ из меха, рождающего утро, камень давал тень праотцам на том свете. Ястребиная сова кормила куропаточьим яйцом, не забравших с собой розданную память. Капала дождевая роса, открылась медвежья берлога, старик просушил тленную шкуру. Расцветала пихта, с подснежных цветов души заложных родичей уходили назад спать. Оживали безмолвно грезящие грани, скрывали пелену, открывающую неземные миры. Несметный житель света отголоском мыслей тянулся в прозрачность бессмертной тени.

Цветок кедра

Росомаха грабила гнёзда птиц, ворон кормил дряхлого волка, раненый кабан ушёл от медведя. Соболь поймал на дереве белку, горностаи подстерг кедровку, заяц лениво жевал траву. Сны спешили в лоно тишины, дойный туман испарился, молоко превратилось в облако. В золоте рассвета выцвели Млечные звёзды, птицы робко залезли в хвою кроны кедра. Творец жизни на земле — гром — родился на небесах в бурях, со ступом слепящих молний. Огонь сверкал с наконечника ветра; светлее зари сестра грозы, выдыхая, сдвигала горы. Слезы текли с облаков водопадом, закаляли стрелу, в пар превращая огонь-оперение. Стрела-молния рассекла крылатые ураганы, выжигала трещины ледников в распадах. Марево легло на торчащий клык скал, заслонив дым из зияющей гортани преисподней. Бубен исчадия гремел, содрогались сонные туманы, эхо пряталось в скалистой пещере. Волею небес олень стал солнцем, ветер — пением; оперяясь хвоей, расцвёл кедр цветами. Духом окалин окропилась Млечная развилка мечты в бесконечно разумном созидании. От бурь уставший небосвод повернулся к пахнущему запахом молока кустистому ягелю. Настежь раскрытая вечность касанием созвездий перетекла в состояние брэнной души.

Петля памяти

Набухли почки на деревьях, выбрав маршрут по душе, олени тихо ползли через хребты. Унылой тропой вдоль камнепада брела бурая медведица с крошечными медвежатами. Источник сущей жизни — небо — смотрело на ткань времени всевидящим оком Вселенной. В громовой суете, сквозь тучи, заходящий луч солнца катился по спинам горных вершин. Сливаясь с бурей, капли дождя падали градом, обжигая сердце материнскими слезами. В сквозном ореоле без края и дна извечно кочующие звёзды мерцали цветочной росой. Заглянув за окраину воспоминаний, иголка хвои упала в безмолвное свечение рассвета. Солнце восстало из праха — через утренний туман свет пробивать по откосам камнепадов. Заря выжигала тоску радостью страсти, в пепле памяти заново пережив желания души. Волчья стая выпасала оленьё стадо по гребню горизонта, как судьбы ушедших предков. В пересудах и передрягах загорланили песнь наглые снегири о суровой зимовке в тайге. В поиске истин бытия не преодолев путь вспять, по зову крови, возвращаясь в прошлое.

Огневой стебель

Лось копытом ударил в грудь волка, медведица и медвежонок поймали глухаря у берлоги. Рысь сверху прыгнула на подранка кабаргу, лисица придушила в снежной лунке тетерева. Гроза метала стрелы молний в Солнце, осколки собирала, в тучи зной вернуть мечтала. Светило тле-ло, пылало, не выгорало, пуще грело, наконецники лучей бросало на скалы. Жизнь рождалась в искрах огня, преображалась в жаре пламени, погибала в золе угля. Стихийный пожар карал несчастьями, палил бескормицей, предупреждал о безводье. Припёк солнца слепо истреблял дыхание смолистого сушняка в пепельное погребенье. Зной ослабевал в воде, безбрежно бушующие невзгоды выпаривал жарким пламенем. Бездомно ночуя, люди не пятнали минувшее, не гневили запалы, горевшие в водопаде. Из расщелины леденящих облаков вздымая ввысь огненное остриё застолбило дождь. Гроза вторила резким раскатом грома, молния зажгла хворост в костре кочевого жилища. Мрачный страх души, пронизывая очищением, живительное пламя очага не обжигало. Умение выжить согревало разношёрстную жизнь таёжного гнезда в подоблачном чуме. Ослепнув палящей искрой, омытое дождём сердце созерцало светлую примету детства.

Грусть видений

Медведица усыновила осиротевшего малыша, накормила беднягу пойманной рыбой. Измождённый от увечий медведь попытался съесть медвежонка — мачеха спрятала детку. Оленёнок уродился в тени вершины для кочевания за Солнцем по медвежьим уголкам. По облачным знакам возносился ввысь над скалой напитаться жизненной мощью света. На каменной колючке искал точку опоры — вихрем парить в мареве межзвёздных миров. Миг потоков бурь соединял землю и небо меж прошлым и будущим, истиной и тайной. Рогами вращал песчинку-звезду, с вертикали неба снежинкой слетевшей в крону кедра. Без конца и края наравне делил волю с ниспадающей хвоей, не знающей направлений. Тоска выжигала кровь сердца, дым шептался с кончиком травы, свет души болел за всё. С чувством сожаления дышал над трепетом росных бус, нанизанных на чарующую нить. Минуя раздумья, преодолевал власть судьбы, воссоединяясь с сущностью яви и мечты. Жизнь под бесконечным круговоротом небесного бытия вела туда же, откуда и пришла.

Заблудшая странница

Бурундук наполнил защёчные мешочки орехом, ягодой, семенами, тащил их в нору-кладовую. На зиму бурундук впал в спячку, время от времени просыпался, подкреплялся припасами. Поскользнулся за морозок, ветер никуда не торопился, не утихая навевал сострадание. Остыло солнце, погасли звёзды — рухнули в пропасть облаков, туман упал в корни кедра. Отгородились камни земные от омута неба, прошлое от будущего, угасал свет в тенях. На заросшей осенней ягодой гряде среди моховых болотин нагуливала жир медведица. Замученная прохладой вышла личной выси, медведица искала берлогу для сновидений. В ледники вонзала клыки, когтистыми лапами выцарапала свежие вьюги, грызла иней. Малая Медведица шла за оленёнком, мерцающим в стылом зените Полярной звездой. Праматерь осенила пламенным дыханием небосвод, оживила тучи, обращенные ввысь. Изменилась жизнь звёзд, огненная странница поприветствовала туманно-бурую подругу. Узнала кровную родословную, берущую свет от разума, воссияла Большой Медведицей. Жгучий знак открыл тропу небесно-облачной медведице: странствовать вокруг малыша. Шаги жизни воплощая в нетленный Млечный Путь, поить Малую Медведицу молоком.

Паводок снов

В сером свете беспокойной жизни от страха сжалось сердце, заблудилась душа-сирота. Беззаботно текли облака, на обрыве над бездной кабарга зазывала незнаемое счастье. В кипящей струе бурных вод зародился источник жизни, в вечности заискрился льдом. Позднее ледохода и до ледостава ливневым потоком окроплялся наконечник молнии. Отсвет пламени мерился с могучей мощью дождя, борьба равняла силу огня и сырости. Жар стёр ручеёк с камней, дающий жизнь свет уплотнился, тормозил водоворот бытия. Зарница смотрела вослед с состраданием, в будущей пустоте памяти не уцелело ничего. В бессмертии не дожив до ужасных ощущений, русло вернулось в лёгкую влагу марева. Грядущие кометы испарились жалостью, иссушённая туча наполнилась грозовой водой. Зажигаясь от удара грома, всполох возродил омовение, закружил небо в другую жизнь. Упали капли, паводок снов затопил мысли, плакун-трава тянула в трясину смысл чувств. Всепроникающий огневой потоп в безудержном течении времени охладился разумом.

Ночное лоно

Медведь нападение оборонительное менял на хищническое, лось не делал шагов назад. В сумерках на тропе медведь притворился бездыханным, подошедшего сохатого ударил лапой. В пустынной дали скал бесконечно ветер тревожил сердце, стонал о любви без ответа. Потяжелело багряное Солнце, вспорхнула птица в хвою, сквозь дождик выгорел закат. Ночное лоно осенил сон предчувствием опасности, гроза согнала мысль со дна души. Облака истаяли в запредельности густого разрыва травостоя, рассудок страсти подчинил. Свет растущей Луны струился во чрево Вселенной, луч взыграл в правдивости верности. Со звёздной тишью совпадала призрачно-хрупкая бытность в зачатках истинного покоя. Вогнутость орбит раздвигала сквозной шов комет, замедляя на мгновение шаг времени. Сжав стороны света, путеводное затишье проскользнуло на лежбище Млечного выбора. Из туманной бездны родился стежок караванной тропы, пропахший дымком стойбища. Отблески молнии и искры росы, обрели раздумья и нежность в выдохах свежих ветров. С ягельной тишью, путаясь от горькой пыльцы, вернулась сшивка чувств первотворения. В смутных мыслях тревоги возвращала кочевника заново и снова на изначальные круги.

Единство духов

Синица постучалась в изголовье берлоги, медведь потянулся от утренней сладости сна. Из спячки вышла заря, дрожа от холода, трясогузка свила гнездо на проталине у ручья. Небо накрыла бесплодная вражда туч, свирепел голос грома, змеи залезли на деревья. Привычки шамана и человека о погодном гадании улеглись в несхожих глубинах грозы. Кукушка потеряла разум, звёзды на ощупь утомили скребущую ярость балагана небес. На стоjarине кручи таял снег, меж светом и тенью стекал чёрствой слезой на ягельник. На насиженной ураганами скале гнездо свила молния, выбила искру и высекала пламя. Боясь засухи, человек из трав делал куклу, одевал её в шкуру облака, кипятил в костре. Лунное озеро оплакивало тоскующую судьбу, изменяло блуждающее марево дождём. Тайга стала няней и взяла на иждивение по ягельным склонам пасущееся оленьё стадо. Вдыхая сладкий дым сновидений, по ходовой тропе шло дитя, искало невидимую мать. Под тьмой запредельных небес искало в цветущих дебрях стезю духа к млечному очагу.

Посланник звёзд

В голодный год медведь устроил засаду на солонцах, в лабазе поджидал лося у кормушки. Животное пришло с детёнышем лизать соль, ночной бродяга не вцепился в толстую шкуру. Рождающее свет сердце из пепла выгорело в прах, радуга мыслей одарила сны мечтой. В гнезде из травы — порыв ветра, в чёрной туче — капля росы; бурная страсть нашла тишину. В чарующую одежду звёзд приодетый олень теребил иссохшую хвою Мирового древа. Касаясь подлунной ступени, черствел от злости, из тьмы прирастал к Млечной росстани. Запряжённый в сбрую рассветной зари, посредничал между перепутьем земли и небес. Заплетал зарождающиеся лучи в нити судьбы, беспечно свитые в естестве забвения. По тропам бродил за грани хребтов, туда, где воскресали пламенеющие в вихрях души. Ощувив тепло нездешних миров, осветил окутанный туманом сон, кормил вдов и сирот. Проникал сквозь оплётку времён, переносил отшагнувшие души, возрождал дух в огне. Поворачивая вспять запутанную стезю, обретал россыпи искр чаянья в забытых мечтах. Очарованный бессмертием половинок душ стирал следы сомнений, рождённые болью. Осознав полноту единения светил, повторял: истина — в тайге, жизнь — это общее счастье.

Тоскливая радость

С кедра сгустками капала смола, потеряли разум глухари, сыч нёс бдительную стражу. Медведь избавился от тяжких мук спячки и учуял шёпот ветра, зовущий в даль видений. Во сне привиделась душа, осевшая в ненасытный озноб безрассудного мучения добычи. Мёрзлое солнце в испуге валилось сквозь побитые градом пальцы кедрового стланика. С вьюгой, по опустевшей стёжке, со звенящим лаем засуха обошла гору подпортить орех. Не вбивал кол в землю, страстная Луна томила в забвении искупительного снегопада. Знак ночи в мерцании звёзд высек ветром искру с дымки неба по наводнениям ручьев. Из бездны забытья стадо туч подгоняло волков к потустороннему выгоранию надежды. Горечь осветила целый мир личной вселенной, чуя подъём бури, не завьючивал оленя. Провожал стрелу в куржак на хвое, облачённая в огонь зарница не навлекала молнию. Мелькала и гасла улыбка росы на заплочном коробе из бересты для ношения брусники. Закон календарных запретов помог зажечь радость сладкой отрады в истлевшей душе.

Нагорный цвет

Сорока столкнулась с медведем на ягельном перевале, застрекотала оленю о когтистом бродяге. Сноха по пятам летела за косолапым, трещала на ухо о восхождении медведицы на голец. Вырываясь из сомнений, звезда сломала эхо раздумий, заплела волны туманной реки. Печалился талый снег, неистовый олень выпил до дна рассвет, возвращая назад время. Ветер всколыхнул облачные тени, отсвет пронзил макушку кручи с морщинистым лбом. Бездна дышит в глаза, олень кочует по идущей в мареве стезе — на рога поймать Солнце. Ореховой скорлупой кормит огненный рот, заревый луч помог отвести пожары от грозы. Звезда с сердцем мудреца закуталась в крылья ревности сонной ночи, подрастает Луна. Оглянувшись по ту сторону света, на вершине оперилась молния, камням явилась душа. Все просеки мира замкнув, дно души стряхнуло в воздух иней, лёд заморозил родники. Изморозь вздрогнула на нежных обхватах кедровой тайги, заледенели нагорные цветы. Буря замела истлевающую звёздную тропу, восходящую к смыслам вечного рождения. Укрывшись у подножия земного обиталища зари, судьба узрела зияющую твердь неба. Олениха белее Луны на колкий снег тащила рассвет, чисто мать, ожидающая младенца.

Кочевье-стойбище

Медведь почитал зримую истину, в противоречии неба противился возмездию судьбы. Испестрённый лунной тенью бродил по берлогам, пронизанных мерцанием созвездий. В странствиях шагающий за оленем человек вытягивал волокно жизни чрез хребты гор. Слушал разговор родника, бьющего из-под валунов, дыхание тайги доходило до души. Без вкуса и запаха ручей пересыхал, петлял меж камнепадами, выживал и искал влагу. Повзрослев, стал рекой и появились у русла дети-притоки, их берега оделись в тальник. С братишкой оленем кормился каюр на береговых обрывах, плёл загребуший браслет. Истязала свирепая буря кочевой костер на окраине Земли, не позволяла душе лениться. Голод беспощадней холода выгонял из стойбища на малоудачливую в сумерках охоту. Знал, что сонная тайга не пуста хищным зверьём, завидующие очи многого не замечали. Раскалённая стрела прошивала волю ветров, сражала копьём щедрую десну вечности. В безмерности возрождения раненный олень ронял слюну на лёд реки и выживал род.

Эхо судьбы

На перекатной реке медведь ловил рыбу лапами, прямо в воде схватил тайменя зубами. Таймень — владыка в реке — шлёпнул хвостом по клыкам медведя — хозяина в тайге — и уплыл. В грозной туче птица поймала затухающий луч, навстречу ветру потемнело пламя хвои. В белых клочьях марева утонул мороз, с неба стёк закат, из суеты свет обернулся назад. Затихала солнечная буря, вырвался отзвук гроз, обещающая вернуться, в никуда падало эхо. Не подвластная воле земли девушка с душой полной любви задремала до замужества. Обманчиво шумела хвоя, плескалась волна в излучине ручья, заполняя разум туманом. Ожидала тайга, что стужа зимы выскоблит льдом от напрасных обид сердце до днища. Ветер бесчувственно притих, расчёт не мешал учуять чуткую душу наполненную тишью. Ясные доводы складывались тайнами совести в тучах, раскрытых к небесной вечности. В истине признаний кричала и в ответ с удивлением слышала тихие порохи эха судьбы. Внутри надрывались отголоски сомнений и ушедшие очертания воспоминаний сущего. Полетели мысли вспять, сердце эхо сводило с ума, душа прислушалась к голосу разума. Зверем истоптанный снег подтаял и унёс со стези следы забытых шагов в бесконечность.

Исход с небес

Рябь реки застыла, покрылась налётом марева, ветер замер на вдохе и улегся на скалу. Тайга отступила, обнажая берлогу, медведь взглянул в небо, птица расправила крылья. Тухла Луна, оглох Млечный Путь, бесплотный разум очистил заснувшее при родах дитя. Закатная заря из ничего родила несхожую меру бытия, излучающую свечение в сердце. Внезапно обрывались края крыльев у птиц в полноте высокого парения между тучами. Одолев высь, гроза метала молнии, гром нёс раздор, ливень разлуки вымывал любовь. Сердце щемило, к неизвестной душе прижался ветер, буря неподъёмное бремя мерила. Душадыхание, познав негасимую грусть, различила бесчувствие ледяной искры сущего. Утекала солёная слеза, ум из колыбели извечных лучей искал опору в зримом времени. У внутреннего предела душ земная твердь пробудила опустошённую глубину погибели. Длинные, как жизнь, скользнули тени облаков к неведомому равновесию сновидений. В пламени сгоревших звёзд и дождевом омовении плоти лежал переход в новую стезь.

Дерзость удачи

Волк нашёл свежий след кабарги, долго преследовал, пока она не ушла от него на отстой. Ночь ждал, пока олень не замерзнет и упадёт от голода, к утру оставил только клочки шкуры. От потерь долго страдала душа, бродила во тьме, в вихре мгновений чувства сберегала. Вырвавшись из чащи облаков, рвалась в клочья бессонница, входя в сонм наваждений. В неподъёмную тяжесть страдания небес огненный ураган ударил знаменiem молнии. Натянутым лучом светонесущая стрела перечеркнула мглу в развернутой бездне сердца. Расправив излом крыльев судеб, дух коснулся не познавшего исхода земного кочевья. Удерживая тяжесть Вселенной, из изгари произрастали внутренним смыслом соцветия. Из сущности нерушимой тверди душ искорки-брызги прожигали судьбу из праха в дух. Громовый напор переупрямил дыхание неистового огня, учил разум выживать в скалах. В звёздном предвестии нездешнего пламени опора событий сводила концы с концами. Навылет простреленная грозная завеса села на горы, плаксивой слезой угасила огонь. Одиноким жребий пробил утробу бездушного покоя неба к пуповине вечных созвездий. Зенит окормлял личную храбрость, спутница смелости — мысль — рождала дерзкую удачу.

Лёд в душе

Солнце склонилось в осколки неба, медведь выкинул из души заботы о пище и логове. Нахмурилась вершина, орёл раскрыл когти, волк заточил клыки, рысь оттопырила усы. Землетрясение явилось шагом утопленниц, неукротимое пламя чувств перелив в слёзы. Кровь стала гуще стоячей трясины, у тальника засохла серьга, хищник лишился совести. Сумерки стиснули горло оленю, копыта заплетались в сонной лавине, покрывшей стезю. Кедр потеряли цветы и лишились орехов, зверь петлял по безветрию ледяной судьбы. Буря уладила пыл духа, рылась в памяти, нежность в груди заглохла безразличием. Изморозь упала облаком, не давала света и тепла сущности, костёр выплескивал пламя. Несчётное время муками стонало, в бездонном сердце оленя ручейки набирались сил. Лунный луч не пересушил кипящий ум, не испарил жаркую кровь в болотах бессонниц. Всполохом мелькнула мечта, отразив неожиданное прозрение в лоне истерзанной души. Капель стучала в виски, сеяла росу, смыла потрясение сна, меняя неудачу на мудрость.

Путь духа

На приваду пришёл одиночный волк, с приходом стаи он ошетинился и смирно отошёл. Дрались, вырвали шерсть, измяли снег, за ночь волчий выводок растащил тушу изюбра. Не уронив хрупкость мгновения, Луна плеснула свет на тайгу, тяжесть сна стала яркой. Окунаясь в синь небес, в волны ветров, к новой судьбе вспорхнула ослеплённая птица. Залог грядущего бессмертия — громовая искра — мелькнула узором мучительной ревности. В чреве неба качнулся Млечный пролом, бессильная туманность опустила крыло в тень. Облака углубили ложбину до дна, до предела наполнив светом зари обширность души. В рассветное утро творенья весны рыдала перелётная птица о пропасти сердечных тайн. В нерастраченных просторах тяжкий сугроб придавил широкую душу в размах хвоинки. Младенческая нежность пушистых соцветий вербы сводила с ума свадебного медведя. На падунах скалистых распадков приподнялись растоптанные лепестки увядших цветов. Уложив небо на плечи, душа выстрадала себя, шагая по стезе в ожившей ограде тайги. Вращая звёзды по кругу, спеша к свету истины, время обрело порог душевной чистоты. В прозрачной земной радости солнечный луч сплёл кружево света, не знающее тления.

Носитель рассвета

В объятиях теней закончился хворост для очага, таёжника радушно приняла сухая хвоя. Ночь глотала громадные сны урагана, тучи столкнулись с силой ударов могучих рогов. Мудрость рассветных стариков сорвала звезду, бродяга Луна скинула оперение в зарю. Беломордый бычок родился при свете Утренней звезды — на мху собирать росу восхода. Жизнь проснулась, не зная захода, звёздочка засияла рядом с огненной славой Солнца. Восходящее светило превратило звезду в яркую белую искру и сделало её невидимкой. Солнце садилось за горы и, с наступлением вечерних сумерек, звезда появилось на небе. На ночном хороводе оленей она несколько раз подмигнула, померкнув во тьме до утра. С вечерним стадом поочевала с запада на восток, вздымая межзвёздные туманности. Оленёнок день прожил не напрасно, уснул на тёплом мху, лунный пастух принёс грёзу. В полночь, из бездны вырос зенит, Звезда утра озарила выход на другой стороне неба. Свет в темноте плодил умный запас счастья, светильник в сердце возгорелся согласием.

Сезон радости

Возле туши медведя, погибшего в петле, попала в капкан рысь, из-под ветра лежала лисица. Рычала россомаха, волк обнюхал ловушку, не бросил кабаргу, оскалил пасть и утащил пищу. Трогая время клювом, птица восхода распростёрла заревые перья, небо открыла душу. Под крылом кружился мир в изначалье, силою мысли побеждал бессмертность стихий. На опушке времён, извне поражая скорбь, ум искал грань меж законом и произволом. Из нависшей грозовой тучи внезапно грянул раскатистый гром, ливень укрыл просчёты. Ветер согнул кедровый драч к корням, молния изгрызла изгарь оправдания, терпение иссякло. Пламень поднялся выше роста небес, жгучая вертикаль озарила откровением хитрость. В разрыве мрака непроходимая тропа полагалась на себя, в покрове тьмы не сдавалась. Сообразуясь со своим дыханием, кочевала потаённая мысль к надлежащей удаче ума. Отбросив суть времени в тень, вблизи оконечности земли не отчуждённой от созвездий. Поднимаясь выше стремлений и сжатый в ком, понял тяжесть рока изначальный взлёт. Миг забвения стал чище рождения воды из пустоты, каплями сточившей камень скалы. Ниспадая через облака, лёгкость духа огня брызгами очищала сор из тайги без остатка.

Иллюстрированное популярное издание

Русин Сергей Николаевич

ТРОПА В РАССВЕТ

Директор издательства А. М. Парфененко

Корректор А. С. Михайловская

Редактор В. С. Смирнова

Сдано в набор 25.04.2023. Подписано в печать 17.07.2023. Формат
62×94 1/16. Гарнитура Kudrashov. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25.
Тираж 100 экз.

Издательский центр «Артиздат». 664025 г. Иркутск, ул. Чехова, 3-16.
Тел.: 8 (9025) 130-100. E-mail: artizdat@irkutsk.ru

Отпечатано в ООО «Типография Принт Лайн», 664043 Иркутск,
ул. Сергеева, 3, корп. 4. тел. (3952)48-66-00. E-mail: 486600@mail.ru

